

social@social

2019

ISSN 2658-5855

12+

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
Том 4 № 2

SOCIAL COMPETENCE

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

педагогические науки

социологические науки

юридические науки

Редакционная коллегия

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии ИРННТУ

Заместитель главного редактора – Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРННТУ

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРННТУ

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРННТУ

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области

Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции ИРННТУ

Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. директора Института лингвистики и межкультурных коммуникаций ИРННТУ

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции ИРННТУ

Редакционный совет

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета

Казakov Алексей Аширович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, доцент филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета, Президент Международной Академии психологических наук

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Туяя Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университета науки и технологий

Хагуров Темыр Айтчевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

EDITORIAL COLLEGIUM

Editor-in-Chief – Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department in INRTU

Deputy Editor-in-Chief – Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in ISU

Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region

Mushinskiy Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Jurisprudence Department in INRTU

Demytyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Director of Linguistics and Cross-Cultural Communication Institute in INRTU

Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University

Kazakov Alexey Ashirovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Associate Professor of Faculty of Philology at National Research Tomsk State University

Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic”

Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Pozdeev Vyacheslav Alexeevitch, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods Department at Vyatka State University

Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation

Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology

Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences

Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

Содержание

Содержание.....	98
Струк Е.Н. Слово главного редактора	99
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бондарева Е.В. Правовой анализ признаков совершения фиктивного банкротства.....	100
Илтакова Н.В. Особенности правового регулирования КНР в сфере брачно-семейных отношений.....	106
Татарников В.Г. Конституционные права личности и их охрана в современном уголовном законодательстве	112
Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Использование полиграфа в расследовании преступлений.....	120
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Гомбоева И.С. Педагогическая поддержка обучающихся – деятельность на границах социализации и индивидуализации личности.....	128
Дмитриева А.В. Парадигмы социально-культурной анимации в истории педагогики.....	135
Синицина И.А. Персонификация и определение персонифицированного пространства как условия расширения возможностей личности.....	140
Урванцева С.О. Формирование правовой культуры будущих медиков в процессе профессиональной подготовки.....	147
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Колпина Л.В., Реутова М.Н. Теоретические аспекты исследования механизма избирательной интериоризации негативных геронтостереотипов населением старших возрастных групп.....	153
Кондря Т.И. Стритрейсинг как вид молодежной субкультуры в г. Иркутске.....	162
Копалкина Е.Г. Проблемы содействия трудоустройству и адаптации молодежи к рынку труда (на примере г. Иркутска).....	168
Кривошеев В.В. Проблемы Единого государственного экзамена по обществознанию: оценки социологов и практиков.....	175
Хакназаров С.Х., Рудаков В.А. Чтение молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и России: результаты социологических исследований.....	185

Contents

Contents.....	98
Struk E.N. A letter from the editor-in-chief.....	99
JURIDICAL SCIENCES	
Bondareva E.V. Legal analysis of fraudulent bankruptcy signs.....	100
Itakova N.V. The specific regulatory characteristics in marital and family relations in P. R. China.....	106
Tatarnikov V.G. Constitutional rights of the individual and their protection in modern criminal law.....	112
Shamurzaev T.T., Arkhipova A.N., Turkova V.N. The use of polygraph in investigation of crimes.....	120
PEDAGOGICAL SCIENCES	
Gomboyeva I.S. Pedagogical support of students – activities at the boundaries of an individual's socialization and self-dependence.....	128
Dmitrieva A.V. Paradigms of social and cultural animation in the history of pedagogy.....	135
Sinitsyna I.A. Personification and definition of the personalized space structure as a condition of an individual's empowerment.....	140
Urvantseva S.O. Building future medical workers' legal culture during vocational training.....	147
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Kolpina L.V., Reutova M.N. Theoretical aspects of the study of the mechanism of selective interiorization of senior citizens' negative gerontostereotypes.....	153
Kondria T.I. Street racing as a type of youth subculture in Irkutsk.....	162
Kopalkina E.G. Problems of promoting employment and adaptation of young people to the labor market (the case of Irkutsk city).....	168
Krivosheev V.V. Problems of the Unified national examination in social science: estimates of sociologists and practitioners.....	175
Khaknazarov S.Kh., Rudakov V.A. Reading young people in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra and Russia: the results of sociological research.....	185

Дорогие коллеги, друзья, читатели!

Перед вами очередной выпуск электронного научного журнала «Социальная компетентность». В этом номере можно узнать о новых проблемах как теоретического, так и прикладного характера в области социологии, юриспруденции и педагогики. По-прежнему сохраняется большое разнообразие научных тем, которые рассматривают исследователи. Время, прошедшее после выхода первого выпуска, показало, что наше издание успешно развивается. Редакция журнала продолжает активно сотрудничать с авторами из иркутских вузов и учреждений, а также с исследователями из разных регионов России и других стран.

В рубрике «Юридические науки» представлены статьи наших коллег из ИРНИТУ – Е.В. Бондаревой («Правовой анализ признаков совершения фиктивного банкротства»), В.Г. Татарникова («Конституционные права личности и их охрана в современном уголовном законодательстве»), А.Н. Архиповой и В.Н. Турковой совместно с профессором, заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек,

Киргизия) Т.Т. Шамурзаевым («Использование полиграфа в расследовании преступлений»), а также коллеги из БГУ (Улан-Удэ) – Н.В. Илтаковой («Особенности правового регулирования КНР в сфере брачно-семейных отношений»).

Рубрика «Педагогические науки» содержит интересные статьи, посвященные педагогической поддержке обучающихся как деятельности на границах социализации и индивидуализации личности (И.С. Гомбоева, Забайкальский край), парадигмам социально-культурной анимации в истории педагогики (А.В. Дмитриева, Краснодар), персонификации и определению персонифицированного пространства как условий расширения возможностей личности (И.А. Синицина, Башкортостан), формированию правовой культуры будущих медиков в процессе профессиональной подготовки (С.О. Урванцева, Киров).

В статьях рубрики «Социологические науки» подробно анализируются теоретические аспекты исследования механизма избирательной интериоризации негативных геронгостеротипов населением старших возрастных групп (Л.В. Колпина, М.Н. Реутова, Белгород), проблемы Единого государственного экзамена по обществознанию в оценках социологов и практиков (В.В. Кривошеев, Калининград), результаты социологических исследований чтения молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и России (С.Х. Хакназаров, В.А. Рудаков, г. Ханты-Мансийск), а также стритрейсинг как вид молодежной субкультуры в г. Иркутске (Т.И. Кондря) и проблемы содействия трудоустройству и адаптации молодежи к рынку труда на примере г. Иркутска (Е.Г. Копалкина) – труды наших коллег из ИРНИТУ.

Вот и пролетел очередной учебный год. Поздравляю всех с наступающими летними каникулами. Желаю отлично отдохнуть под теплым летним солнцем, набраться сил и хорошего настроения, получить позитивные эмоции, укрепить здоровье и получить замечательные впечатления!

Редакционная коллегия благодарит авторов, редакторов и рецензентов за июньский выпуск нашего журнала!

Приятного чтения! До новых встреч!

**Елена Струк, главный редактор,
доктор философских наук**

Правовой анализ признаков совершения фиктивного банкротства

© Е.В. Бондарева

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье раскрываются основные причины и признаки совершения противоправных действий, приводящие к банкротству. Показана практика незаконного бизнеса, вытекающая из преднамеренных действий, направленных на фиктивное банкротство. Сделан правовой анализ российского законодательства по данному вопросу, вследствие чего выявлены и указаны основные проблемы применения правовых норм законодательства. Для этого необходимо было рассмотреть основные признаки и дать правильную характеристику подобным деяниям. В статье выявлены основные характерные особенности фиктивного банкротства. Проанализированы правовые нормы уголовного и административного законодательства и возможности привлечения к ответственности как физических, так и юридических лиц. Рассмотрен ряд судебных дел по привлечению к ответственности за противоправные действия, приведшие к банкротству. Согласно данным, опубликованным в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве за 2018 год, обработано 29796 данных арбитражного суда. Приведено количество заключений о наличии признаков фиктивного банкротства. В статье отмечено, что процедура банкротства призвана оздоровить предприятие, но не всегда группа кредиторов или сам должник заинтересованы именно в этом. Поэтому для извлечения кратковременной выгоды в виде отсрочки или списания части долгов часто используют незаконные методы, а именно – фиктивное банкротство.

Ключевые слова: фиктивное банкротство, экономические преступления, законодательство, преднамеренное банкротство, должник, ущерб

Информация о статье: Дата поступления 4 июня 2019 г.; дата принятия к печати 6 июня 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Бондарева Е.В. Правовой анализ признаков совершения фиктивного банкротства. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 100–105.

Legal analysis of fraudulent bankruptcy signs

© Elena V. Bondareva

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article reveals the main causes and signs of committing unlawful acts causing bankruptcy. It describes the practice of illegal business arising from deliberate actions aimed at fraudulent bankruptcy. The legal analysis of the Russian legislation on this issue has been made, as a result of which the main problems of the application of legal norms of legislation have been identified and indicated. In order to do this, it was necessary to identify and consider the main features and give the correct description of such offences. The article determines the main characteristics of fraudulent bankruptcy. It analyses the legal norms of criminal and administrative legislation and the possibility of holding both natural and legal persons liable. The practice of bringing to responsibility for unlawful actions causing bankruptcy is examined. According to the Unified Federal Register of Data on Bankruptcy for 2018, 29,796 data of the arbitration court were processed. The number of opinions of the Court about the presence of fraudulent bankruptcy signs is provided. The author notes that bankruptcy is intended to help the business recover, but not always a group of creditors or the debtor himself have incentives to do it. For this reason, to extract short-term benefits in the form of delaying or writing down of debt they often use illegal methods, namely fraudulent bankruptcy.

Keywords: fraudulent bankruptcy, economic crimes, legislation, deliberate bankruptcy, debtor, damage

Article info: Received June 4, 2019; accepted for publication June 6, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Bondareva E.V. (2019) Legal analysis of fraudulent bankruptcy signs. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 4. No. 2. Pp. 100–105. (In Russ.)

В современной России экономические преступления занимают одно из первых мест. Борьба в этой сфере оголяет те моменты, на которые, к сожалению, не обращали должного внимания (Разыграева,

2017). И со временем это вылилось в серьезную проблему, решением которой занимаются не только практики, но и теоретики. Экономическое партнерство и тесное сотрудничество предпринимателей всех уров-

ней, свободная конкуренция положили начало формированию незаконного бизнеса, фиктивного банкротства и преднамеренных действий, приводящих к разрушению экономики. Подобная практика порождает серьезные проблемы. Фиктивное банкротство чаще вытекает из преднамеренных действий и является их частью. Что же на самом деле представляет из себя фиктивное банкротство. Каковы его составляющие? С вступлением в силу Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)» был определен порядок банкротства юридических лиц. В связи с чем появились новые понятия, такие как «фиктивное» и «преднамеренное банкротство»¹. В 2015 году в указанный документ были внесены изменения, указывающие на то, что эти термины стали применяться не только в отношении юридических, но физических лиц. Для избежания неисполнения долговых обязательств недобросовестные предприниматели иногда уже и вынуждено идут на преступный сговор, и осуществляют фиктивное банкротство. И это является одной из основных причин при фиктивном банкротстве. Уголовное законодательство Российской Федерации рассматривает такие действия как преступные и предусматривает определенную ответственность (Kryazhev, 2017). Но при этом нужно сказать, что все они имеют свои характеристики. Заявления о несостоятельности должны быть подкреплены конкретными документами. Это намеренный обман, на который идут несостоятельные предприниматели. Участниками таких преступных действий могут быть не только юридические, но физические лица, также заявляющие о своей, якобы, несостоятельности. Основной целью является экономическая выгода. Хотя на самом деле финансовые дела обстоят неплохо.

Кодекс об административных правонарушениях РФ (ст. 14.12 ч. 1) указывает, что «Фиктивное банкротство, то есть заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица или индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния»².

По уголовному законодательству РФ, согласно ст. ст. 195, 196, 197³, такие действия определяются как «заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб», то есть для возбуждения уголовного преследования, помимо заведомо ложного объявления о несостоятельности. Лицо, объявившее об этом, должно причинить крупный ущерб собственнику, кредитору или государственному органу. Крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – девять миллионов рублей, а также (неправомерные действия при банкротстве). В случае выявления подобных нарушений руководители организаций, предприятий и учреждений подпадают под уголовную и административную ответственности.

В отношении физических лиц, в случае фиктивного банкротства, их ответственность в законодательстве четко не определена. Но в зависимости от суммы ущерба, им может быть предъявлено обвинение по

¹Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (27.05.2019). Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 10.26.2002 No. 127-FL. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (05/27/2019).

²Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.10.2018). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (27.05.2019). Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FL (as

amended on 10.30.2018). [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (05/27/2019).

³Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (27.05.2019). The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FL (as amended on 03.10.2018) (as amended and added, entered into force on 10.21.2018). [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (05/27/2019).

ст. 159 (мошенничество). В Постановлении Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства»⁴ в главе III «Порядок определения признаков фиктивного банкротства» четко прописаны определения таких признаков. Таким образом, государство пытается предотвратить совершение подобных преступлений и правонарушений. И все-таки основным признаком фиктивного банкротства является способность должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов на момент подачи обращения должника в арбитражный суд с заявлением, в данном случае предметом заявления будет являться признание его несостоятельным (банкротом). Обеспеченность краткосрочных обязательств должника своими оборотными средствами определяет наличие или отсутствие признаков фиктивного банкротства. Определяется эта отношением величины оборотных средств к величине краткосрочных пассивов минус доходы будущих периодов.

В теории выделяют несколько признаков совершения фиктивного банкротства (Камалиева, 2017).

У предприятия возникают необоснованные долги, которые не хотят возвращать, а ликвидное имущество распродают за бесценок.

За полгода или за год за оказанные услуги, через третьих лиц, перенаправляют денежные средства в таком объеме, чтобы возможно было выплатить только налоги и обеспечить минимальное содержание работников.

Уставные капиталы переводятся в фирмы однодневки. За просрочку погашения кредитных обязательств по ставкам, которые приняты в деловом обороте, начисляются штрафные проценты.

С использованием организаций-посредников продают продукцию по заниженным ценам, таким образом накапливается

прибыль. Возникают обстоятельства, которые свидетельствуют о возможности неправомерных действий со стороны кредиторов.

К ним можно отнести следующие:

1. В течение незначительного периода времени, предшествующего банкротству, величина задолженности перед кредитором существенно возросла;

2. Сверх реальных возможностей у предприятия накопление кредиторской задолженности;

3. В дружественном банке под завышенный процент привлечение кредитов;

4. По завышенным ценам приобретение имущества у дружественной компании;

5. Через банковские счета третьих лиц вести расчеты с покупателями.

Реорганизация должника может являться наиболее эффективным способом, позволяющим должнику рассчитаться с кредиторами и сохранить предприятие. Она позволяет восстановить платежеспособность и может проводиться как под надзором арбитражного суда, так и без него при условии, что на это согласны все кредиторы. До возбуждения дела о банкротстве должник и кредитор должны заключить соглашение об урегулировании долгов (Смирнова, 2017). В нем предусматривается обязанность должника согласовывать с кредиторами совершение всех сделок, условия будущего плана финансового оздоровления и порядок погашения требований кредиторов и предоставления должником информации о своем финансовом состоянии.

Фиктивное банкротство физических лиц также со временем будет присутствовать в российской судебной практике, даже, возможно, в большем количестве случаев, чем с участием юридических лиц (Исупова, 2019).

Статьи уголовного и административного законодательства РФ содержат такие понятия как преднамеренное банкротство. Ответственность за подобные действия наступает по ч. 2 ст. 14.12 КоАП РФ, если

(27.05.2019). Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2004 No. 855 "On approval of the Interim Rules for Inspection by an Arbitration Manager of the presence of signs of fictitious and deliberate bankruptcy". [Electronic resource]. URL: [https://base.garant.ru/187738/\(05/27/2019\)](https://base.garant.ru/187738/(05/27/2019)).

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/187738/>

ущерб, причиненный такими действиями или бездействиями, составляет менее 2 250 000 руб., предусматривает наложение административного штрафа на граждан в размере от одной до трех тысяч рублей; на должностных лиц — от пяти до десяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от одного года до трех лет. В случае причинения крупного ущерба в размере 2 250 000 руб. и более наступает уголовная ответственность по ст. 196 УК РФ и наказывается либо штрафом в размере от двухсот до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо без такового. Судебная практика наглядно показывает подобные противоправные действия.

Так, Георгиевский городской суд Ставропольского края в 2016 г. вынес обвинительный приговор по делу № 1-133/16⁵ в отношении Т.В. Филатовой, совершившей отчуждение имущества юридического лица, учредителем которого она являлась, на заведомо экономически нецелесообразных условиях, тем самым лишив общество возможности в полной мере удовлетворить требования кредиторов.

Другой пример. В 2015 г. Вологодский городской суд вынес приговор по делу № 1-889/2015⁶ в отношении подсудимого Д.Н. Евстюничева, который, будучи директором общества «Стелс» и уклоняясь от исполнения кредитных обязательств, принял решение о выводе активов предприятия – продаже недвижимого имущества, являющегося един-

ственным источником дохода предприятия по заведомо заниженной цене.

Так, Октябрьской районный суд Уфы 19.05.2015 г. вынес обвинительный приговор по делу № 1-89/2015⁷ в отношении О.Ю. Степанкина. Обвиняемый без каких-либо правовых обоснований при наличии кредиторской задолженности перед иными кредиторами вывел имущество возглавляемого им предприятия в виде денежных средств на сумму 6862550 руб. путем передачи их третьим лицам и тем самым создал условия для преднамеренного банкротства.

Установление крупного ущерба – вот что является одной из проблем для привлечения к уголовной ответственности за незаконное банкротство. Кроме того, немало трудностей возникает при доказывании причинно-следственной связи между созданием или увеличением неплатежеспособности и причинением крупного ущерба.

Согласно данным, опубликованным в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве за 2018 год, обработано 29796 данных арбитражного суда.

Размер требований кредиторов, находящихся в производстве, составляет 3 197 393 465 376, 95 руб. Общий размер требований кредиторов по завершенным в 2018 году делам о банкротстве составил 2 686 335 650 303,02 руб. Количество работников, бывших работников должника, имеющих включенные в реестр требования о выплате выходного пособия и (или) об оплате труда по делам о банкротстве, находящимся в производстве в 2018 году, составило 10 737 чел.

Количество работников, бывших работников должника, имеющих включенные в реестр требования о выплате выходного пособия и (или) об оплате труда по завершенным

⁵ Приговор по делу № 1-133/16 Георгиевского городского суда Ставропольского края (апрель 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-georgievskij-gorodskoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-523695312/> 9 (дата обращения: (27.05.2019). The verdict in case No. 1-133 / 16 of the Gergievsky City Court of the Stavropol Krai (April 2016) [Electronic resource]. URL: <https://rospravosudie.com/court-georgievskij-gorodskoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-523695312/> 9 (appeal date: (27.05.2019).

⁶ Приговор по делу № 1-889/2015 Вологодского городского суда сентябрь 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата

обращения: (27.05.2019). The verdict on the case No. 1-889 / 2015 of the Vologda City Court (September 2015) [Electronic resource]. URL: <https://rospravosudie.com/> (appeal date: (27.05.2019).

⁷ Приговор по делу № 1-89/2015 Октябрьского районного суда Уфы (май 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL:

<http://sudact.ru/regular/doc/CL7nYa5ldgla/> (дата обращения: (27.05.2019). The verdict in case No. 1-89 / 2015 of the Oktyabrsky District Court of Ufa (May 2015) [Electronic resource] .URL: <http://sudact.ru/regular/doc/CL7nYa5ldgla/> (appeal date: (27.05.2019).

делам о банкротстве, составило 28569 чел.

Общая сумма расходов на проведение процедур, применявшихся в делах о банкротстве за 2018 год, составила 9 662 637 278,61 руб., в том числе: вознаграждения, выплаченные арбитражным управляющим – 7 021 441 781,51 руб., оплата услуг лиц, привлеченных арбитражными управляющими для обеспечения своей деятельности – 2 641 195 497,10 руб.

Количество заключений о наличии признаков преднамеренного банкротства 1 876 шт. (6,3 % от общего количества), количество заключений об отсутствии признаков преднамеренного банкротства 23 043 шт., количество заключений с признаком «не достаточно информации» – 4 877 шт.

Количество заключений о наличии признаков фиктивного банкротства – 54 шт. (0,2 % от общего количества), количество заключений об отсутствии признаков фиктивного банкротства 28 169 шт., количество заключений с признаком «недостаточно информации» – 1 573 шт.

Количество принятых заявлений о признании сделок должника недействительными, поданных в суд в соответствии с главой III.1 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)» – 8 607 шт. Количество рассмотренных в 2018 году заявлений о признании сделок должника недействительными, поданных в суд в соответствии с главой III.1 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)» – 7 452 шт. Количество удовлетворенных в 2018 году заявлений о признании сделок должника недействительными, поданных в суд в соответствии с главой III.1 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)» – 3 234 шт. (43,3 % от общего числа рассмотренных заявлений).

Жалобы на действия или бездействия арбитражных управляющих составили 4 755 шт., из них количество удовлетворенных жалоб на эти действия или бездействие арбитражных управляющих 1 066 шт. (22,4 % от общего числа рассмотренных жалоб).

С учетом обобщенных данных затраты на каждую процедуру банкротства за 2018 год в среднем (относительно общего числа рассмотренных в 2018 году дел о банкротстве как граждан, так и компаний) обошлись кредиторам в 169 220,11 руб. При этом общая доля погашения требований

кредиторов по итогам банкротства составила в среднем 5 % от реестра.

В плане привлечения к ответственности возникают практические трудности, и некоторые юристы предлагают изъять нормы, устанавливающие ответственность за преднамеренное банкротство из КоАП РФ и УК РФ в силу того, что эти нормы являются фактически недействующими (Добровлянина, 2017).

Отметим, что процедура банкротства призвана оздоровить предприятие, но не всегда группа кредиторов или сам должник заинтересованы именно в этом. Поэтому для извлечения кратковременной выгоды в виде отсрочки или списания части долгов они могут идти на незаконные методы разрешения этого вопроса, а именно по пути фиктивного банкротства (Малышкин, 2016). В настоящее время в современной России, при слабой судебной и правоохранительной системе, этот метод решения проблемы долгов работает практически безотказно, об этом свидетельствует очень маленький объем судебной практики. Найти признаки фиктивного банкротства и доказать его очень сложно, зачастую невозможно из-за слишком маленькой исследовательской базы и коррумпированности системы государственного управления.

Есть надежда, что судебная система начнет реагировать на факты применения фиктивного банкротства, но для этого нужно уйти от принципа, что капитал можно накопить любым способом. При проявлении фиктивного банкротства государство со своей стороны должно ужесточать методы и санкции по борьбе с этим негативным явлением в экономике (Тутукова, 2019).

Необходимо также усиление прокурорского надзора за законностью проверки сообщений о данных преступлениях, чтобы исключить возможность необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по этим вопросам (Сергиенко, 2015). Кроме того, в юридической литературе справедливо отмечается, что одна из причин высокой латентности преступлений, связанных с незаконными банкротствами, заключается в низком уровне взаимодействия между правоохранительными органами, призванными выявлять преступления в сфере экономики, и арбитражными управляющими, непосредственно занимающи-

мися выявлением преступлений в сфере банкротства». В качестве решения проблемы С.Л. Цыганков, к примеру, предлагает обязать сотрудников правоохранительных органов участвовать в процедуре про-

Библиографический список

Добровлянина О.В., Кондратьева К.С., Патырбаева К.В. Виды незаконных банкротств в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 34–49.

Исупова Е.А. Правовые средства противодействия фиктивным банкротствам // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 2. С. 180–188.

Камалиева Л.А. Уголовная ответственность за фиктивное банкротство: теоретические и практические проблемы // Право и практика. 2017. № 3. С. 51–56.

Малышкин П.В. Методика выявления признаков наличия возможных фиктивных банкротств в ходе предварительной (доследственной) проверки информации о преступлении // Мир науки и образования. 2016. № 2 (6). С. 11.

Разыграева Е.Н. Криминальное банкротство – форма хищения? // Журнал российского права. 2017. № 5 (245). С. 97–104.

Сергиенко О.В. Факторы несостоятельности коммерческих организаций в условиях современной экономики // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 3. С. 136–144.

Смирнова В.А. Субъектный состав преступных банкротств // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 2 № 5 (19). С. 42–44.

Тутукова Л.А., Дзагоева М.Р. Преднамеренное и фиктивное банкротство: актуальные проблемы уголовной ответственности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2019. № 1. С. 107–109.

Цыганков С.Л. Неотвратимость наказания и судебная практика применения норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере банкротства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 29–36.

Kryazhev V.S., Proshutinskaya E.P. Single issues of investigation of premeditated bankruptcy // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 91–97.

Сведения об авторе

Бондарева Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры юриспруденции ИРНИТУ, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: elenabondareva.shar@mail.ru

Критерии авторства

Бондарева Е.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

верки правомерности действий хозяйствующих субъектов в ходе процедуры банкротства, наряду с арбитражными управляющими (Цыганков, 2014). Все эти вопросы требуют внимания законодателя.

References

Dobrovlyanina O.V., Kondratieva K.S., Patirbaeva K.V. (2017) Types of illegal bankruptcies in the Russian Federation: some issues of legal regulation. *Pravo. Journal of Higher School of Economics = Law. Journal of Higher School of Economics*. No. 3. Pp. 34–49. (In. Russ.)

Isupova E.A. (2019) Legal means of countering fraudulent bankruptcies. *Scientific methodical electronic journal Concept = Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. No. 2. Pp. 180–188. (In. Russ.)

Kamalieva L.A. (2017) Criminal liability for fraudulent bankruptcy: theoretical and practical issues. *Law and Practice = Law and Practice*. No. 3. Pp. 51–56. (In. Russ.)

Malyshkin P.V. (2016) Methodology of identifying signs of possible fraudulent bankruptcies during the preliminary (pre-investigation) verification of information about a crime. *World of Science and Education = World of Science and Education*. No. 2 (6). 11 p. (In. Russ.)

Razygraeva E.N. (2017) Is criminal bankruptcy a form of fraud? *Journal of Russian law = Russian Law Journal*. No. 5 (245). Pp. 97–104. (In. Russ.)

Sergienko O.V. (2015) Factors of insolvency of commercial organizations in the conditions of modern economy. *Science of Man: humanitarian studies = The Science of Person: Humanitarian Researches*. No. 3. Pp. 136–144. (In. Russ.)

Smirnova V.A. (2017) Parties of criminal bankruptcy. *Domestic jurisprudence = Native jurisprudence*. Vol. 2. No. 5 (19). Pp. 42–44. (In. Russ.)

Tutukova L.A., Dzagoeva M.R. (2019) Deliberate and fraudulent bankruptcy: current issues of criminal responsibility. *Bulletin of the North Ossetian State University named after Levanovich Khetagurov Kosta = Bulletin of the North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov*. No. 1. Pp. 107–109. (In. Russ.)

Tsygankov S.L. (2014) Unavoidability of punishment and judicial practice of applying rules providing liability for bankruptcy crimes. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*. No. 2. Pp. 29–36. (In. Russ.)

Kryazhev V.S., Proshutinskaya E.P. Single issues of investigation of premeditated bankruptcy // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 91–97.

Author's Credential

Elena V. Bondareva, Senior Lecturer Jurisprudence Department of INRTU, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia e-mail: elenabondareva.shar@mail.ru

Criteria for Authorship

Bondareva E.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Особенности правового регулирования КНР в сфере брачно-семейных отношений

© Н.В. Илтакова

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: С древних времен семья в Китае считалась важнейшим социальным институтом, брак и семья расценивались как частное пространство, государство вмешивалось в эту сферу общественных отношений только при совершении преступлений. После образования КНР первым законодательным актом Центрального народного правительства Китая был Закон «О браке» от 1 мая 1950 г., отражающий законотворческий опыт СССР. В настоящее время действует Закон «О браке» 1980 г. в редакции 2001 г. Актуальные изменения в законодательстве находят свое отражение в судебной практике: споры по вопросам совместно нажитого имущества, по общим обязательствам супругов перед третьими лицами и т. д. Принципами семейного права современного Китая являются: свобода заключения брака, моногамия, равенство и взаимоуважение супругов независимо от пола, образования, рода занятий, планирования деторождения. Семья в Китае, как и в большинстве стран мира, меняет свою форму и содержание. Система традиционных ценностей, состоящая из авторитета родителей, родственников, теряет прежнее значение. В постиндустриальном обществе женщина стала экономически независима. Важное значение стало играть обретение независимого социального статуса, выбор жизненного пути. Трансформация традиционной семьи в Китае приводит к необходимости урегулирования имущественных отношений супругов, о чем свидетельствуют многократные разъяснения Верховного суда.

Ключевые слова: брак, семья, Закон КНР «О браке», имущественные отношения между супругами

Информация о статье: Дата поступления 12 мая 2019 г.; дата принятия к печати 27 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Илтакова Н.В. Некоторые аспекты правового регулирования института семьи и брака в современном Китае. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 106–111.

The specific regulatory characteristics in marital and family relations in P. R. China

© Natal'ya V. Iltakova

Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Annotation: Since ancient times, the family in China was considered the most important social institution, marriage and family were regarded as private space, and the state interfered in that sphere of social relations only in the commission of crimes. After the foundation of the People's Republic of China, the first legislative act of the Central People's Government of China was the Marriage Law of May 1, 1950, reflecting the legislative experience of the USSR. Currently, the Marriage Act of 1980 is in force (amended in 2001). Updates in legislation are reflected in the case-law: disputes over joint property of spouses, liabilities of spouses to third parties, etc. Family Law Principles of modern China are the freedom of marriage, monogamy, equality and mutual respect of spouses regardless of gender, education, occupation, planning for childbirth. The family in China, as in most countries of the world, changes its form and content. The system of traditional values, consisting of the authority of parents, relatives, loses its former meaning. In a post-industrial society, a woman has become economically independent. The acquisition of independent social status, the choice of a life path, began to play an important role. The transformation of the traditional family in China leads to the need for the spouses' property issues regulation, as evidenced by the multiple explanations of the Supreme Court.

Keywords: marriage, family, Law of the People's Republic of China "On Marriage", marital property

Article info: Received May 12, 2019; accepted for publication May 27, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Iltakova N.V. (2019) The specific regulatory characteristics in marital and family relations in P. R. China. *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. Vol. 4. No. 2. Pp. 106–111. (In Russ.)

В настоящее время исследователи института семьи и брака Китая, например, такие как О.В. Почагина, Аньци Сюй выделяют следующие проблемы: домашнее

насилие, сожительство, адюльтер, рост количества разводов, невыполнение обязанностей по уходу за престарелыми родителями, отказ родителей после расторжения

брака исполнять свои обязанности, споры о разделе имущества супругов.

Трансформация традиционной семьи в разных странах, в том числе в Китае, происходит под влиянием таких процессов как урбанизация, новые технологии, глобализация. Мы видим как меняется сознание людей, мировоззрение, мораль и взаимоотношения между супругами, родителями и детьми, родственниками.

Исторически китайская семья с древних времен и до наших дней отличается патриархальными устоями. Первоначально иерархия отношений как внутри китайской семьи, так и на государственном уровне строилась в рамках религиозно-этических норм, культе предков. Задачей каждого члена семьи мужского пола было рождение наследников. С появлением учения Конфуция и его трактата о «Сяоцзин» сформировались основы новых внутрисемейных связей, в которых старшие члены семьи получили право абсолютной власти над младшими. Жена должна быть почтительна с мужем, младшие братья – со старшими, дети – с родителями (Меликова, 2014. С. 59). Традиционно брачно-семейные отношения не подвергались правовой регламентации и расценивались как частное дело.

После образования Китайской Народной Республики 1 мая 1950 г. был принят Закон «О браке». Законодатель установил демократическую систему брака, свободу вступления и расторжения брака, единобрачие, равноправие мужчин и женщин, внебрачных детей и детей, рожденных в браке, закрепил обязанность родителей воспитывать и содержать своих детей, также объявил недействительными браки, заключенные насильственно, отменялся запрет на вступление в брак вдов. Официальный возраст вступления в брак составлял 20 лет для мужчин и 18 лет для женщин. Обязательной стала регистрация брака в административных органах по месту жительства. В качестве основания прекращения брака предусматривался лишь развод. Супруги могли развестись по обоюдному согласию, если же на разводе настаивала одна из сторон, то предусматривалось примирение районным народным правительством и судебными органами власти. Закон не предусматривал оснований, необходимых для

расторжения брака в судебном порядке. Существовали ограничения на развод во время беременности жены и в семьях военнослужащих. В имущественных отношениях супруги обладали равными правами владения и распоряжения имуществом семьи и правом его взаимного наследования. В случае развода, если один из бывших супругов находился в затруднительном материальном положении, другая сторона должна оказывать ему материальную помощь. Закон закреплял обязанность родителей воспитывать и содержать своих детей, а также равноправие внебрачных детей с детьми, родившимися в браке.

С 50-х годов XX в. китайскими властями проводится в жизнь программа строительства современной семьи («ухаоцзятин») («пять хорошо»): в такой семье должно быть уважение к старшим и любовь к юным; гармония между мужем и женой, добрые отношения с соседями; трудолюбие и бережливость в семейном быту; охрана окружающей среды.

С целью экономии земельных, водных, энергетических ресурсов страны руководство Коммунистической партии Китая в конце 70-х годов XX в. приступает к реализации политики ограничения рождаемости населения и провозглашает лозунг «одна семья–один ребенок».

В 1980 г. принимается новый Закон «О браке», который включал в себя основные принципы закона 1950 г. и устанавливал новые: о планировании семьи, о взаимоотношении бабушек, дедушек и внуков, а также старших и младших братьев и сестер. Впервые закон закрепил положение о том, что родители выступают законными представителями своих несовершеннолетних детей. Произошло повышение брачного возраста вступления в первый брак (22 года – для мужчин и 20 лет – для женщин).

Новая редакция Закона КНР «О браке» была принята решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 28 апреля 2001 г. на 21 заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва.

Принципами семейного права современного Китая являются свобода заключения брака, моногамия, равенство и взаи-

моуважение супругов, независимо от пола, образования, рода занятий, планирование деторождения (с 2016 года семьям разрешено иметь двух детей).

Регистрация браков в органах регистрации актов гражданского состояния в КНР осуществляется в соответствии с Положением «О регистрации браков» от 30 июля 2003 г. (Постановление Государственного Совета КНР № 387). Регистрация браков между гражданами Китая осуществляется органами гражданской администрации народных представительств уездной ступени или народными правительствами волостей и поселков. Народные правительства провинциальной ступени (провинций, автономных районов, городов центрального подчинения) могут в соответствии с принципом удобства населению выбрать органы, которые будут оформлять регистрацию браков сельского населения. Для регистрации брака гражданин Китая обязан предоставить:

1) удостоверение личности и домовую книгу;

2) подписанное заявление об отсутствии супруга, а также об отсутствии с другой стороной прямого кровного родства или кровного родства по боковой линии в пределах трех поколений.

Брачный возраст для мужчин составляет 22 года, для женщины 20 лет. Должны поощряться поздние браки и позднее деторождение (ст. 6). Орган регистрации браков не может зарегистрировать брак если:

1) один или оба супруга не достигают установленного законом брачного возраста;

2) отсутствие добровольности вступления в брак;

3) наличие супруга (супруги) у одной или обеих сторон;

4) наличие кровного родства по прямой линии или по боковой линии в пределах трех поколений;

5) наличие заболевания, при котором, с медицинской точки зрения, заключение брака не допускается (Бажанов, 2018).

В Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» от 27.12.2015 г были внесены изменения. Власти Китая решили отказаться от существовавшей поли-

тики «одна семья–один ребенок». Государство агитирует за рождение одной супружеской парой двух детей (ст. 18). Политика ограничения рождаемости (нарушение репродуктивных прав женщин, свобода выбора при решении о рождении ребенка, принудительные аборты, стерилизация как мероприятия в рамках политики «одна семья–один ребенок»), трудовые лагеря, система регистрации, смертная казнь являлись в течение многих лет объектами постоянной жесткой критики китайского руководства со стороны Запада и международных правозащитных организаций. Пересмотр позиций по этим вопросам демонстрирует большую открытость и совершенствование подходов китайского руководства (Почагина, 2018). Запрещено двоебрачие (ст. 3), а также сожительство одного из супругов с другим лицом, что свидетельствует о нарушении закона и является основанием для привлечения к ответственности людей, имеющих внебрачные связи. Лица, уличенные в двоеженстве, подлежат аресту и тюремному заключению до двух лет в соответствии с Уголовным кодексом КНР (Гунь, 2014). Невиновная сторона вправе требовать возмещения вреда. Установлен запрет на вступление в брак: между кровными родственниками по прямой линии или кровными родственниками по боковой линии, серьезного заболевания одной из сторон (ст. 7). Брак признается недействительным при бигамии (двоеженстве), вступление в запрещенный брак с родственником, с лицом, страдающим заболеванием, не позволяющим ему вступить в брак, несоответствие брачному возрасту (ст. 10). Главным условием вступления в брак согласно ст. 2 является свобода воли мужчины и женщины, поэтому браки, заключенные по принуждению, аннулируются.

Статья 12 регулирует имущественные отношения лиц, состоявших в браке, признанным недействительным. Впервые в китайское семейное право введен принцип «невиновной стороны», защищаются имущественные права стороны, состоявшей в законном браке в случае аннулирования брака по факту двоеженства. Особенно важно, что к детям, родившимся в недействительных браках, применяются статьи закона,

относящиеся к взаимоотношениям родителей и детей. В статье особо оговаривается, что «имущественные интересы стороны, которая состояла в законном браке, при урегулировании имущественных отношений не должны нарушаться» при аннулировании брака по причине бигамии (Почагина, 2018). Закон предусматривает два вида режима имущества супругов: законный и договорной. Законный режим действует, если брачным договором не установлено иное. В статье 17 муж и жена имеют равные права по распоряжению имуществом, находящимся в совместной собственности супругов. В статье 18 уточняется, что относится к личной собственности одного из супругов: имущество, находившееся в собственности одного из супругов до брака, выплаты на медицинское лечение, пособие по инвалидности. В статье 19 указывается, что супруги могут заключить соглашение о том, что имущество, приобретенное в период существования брака, а также имущество, находившееся в собственности одного из супругов до заключения брака, находится в совместной собственности, раздельной собственности, либо частично совместной, частично раздельной собственности. Соглашение должно быть заключено в письменном виде. Статьи 28, 29 устанавливают обязанности по содержанию дедушек, бабушек, внуков, братьев, сестер.

Актуальной проблемой в Китае является невыполнение обязанностей по уходу за престарелыми родителями. Дети, согласно статье 30, обязаны уважать право родителей на повторный брак, содержать родителей, несмотря на изменение их брачного статуса. Расторжение брака разрешается по обоюдному желанию супругов. Он может быть расторгнут на основании: двоеженства или сожительства одного из супругов с другим лицом, домашнего насилия, жестокого обращения, наличия у одного из супругов пристрастия к азартным играм, употреблению наркотиков и иных пагубных привычек, раздельного проживания супругов более двух лет в связи с потерей взаимной привязанности (ст. 32). Расторжение брака с военнослужащим без его согласия возможно «за исключением случаев проступка данного лица» (ст. 33). Существует ограничение прав мужа на расторжение брака в

период беременности жены и на год после рождения ребенка или 6 месяцев после прекращения беременности (ст. 34). Статья 36 устанавливает обязанности родителей по содержанию и воспитанию детей после расторжения брака. В случае разногласия супругов в отношении проживания детей решение принимает народный суд на основании прав и интересов детей. Сумма выплат на содержание и образование детей стороной, с которой не проживает ребенок, назначается народным судом при отсутствии согласия родителей (ст. 37). После расторжения брака совместное имущество супругов распределяется по соглашению сторон, при отсутствии согласия – решением народного суда в соответствии с конкретными обстоятельствами дела и принципом защиты прав и интересов детей и женщины (ст. 39).

Разъяснение Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения Закона КНР «О браке» содержит правила, которые регулируют споры о недвижимости. В 2003 году Верховный народный суд разъяснил, что когда средства для приобретения недвижимости предоставлены родителями до вступления в брак, то имущество относится к его личной собственности, если же средства на приобретение недвижимости предоставлены родителями одного из супругов во время брака, то они относятся к совместной собственности супругов.

Новое разъяснение 2011 г. дополнило предшествующее положением, что если родители одного из супругов приобрели недвижимость во время брака, то оно будет относиться к личной собственности того супруга, который указан в праве собственности. В другом случае, если недвижимость была приобретена родителями обоих супругов, при этом право собственности зарегистрировано на одного из супругов, недвижимость будет принадлежать на праве долевой собственности в зависимости от средств, потраченных родителями на покупку недвижимости. Отдельного внимания заслуживает вопрос о приобретении недвижимости в ипотеку. Если супруг заключил договор ипотечного кредитования до заключения брака и оплатил первоначальный взнос, а в дальнейшем оплата залога осуществлялась после заключения брака, в этом случае

после развода супруги должны достичь согласия по распоряжению имуществом. В противном случае народный суд может постановить, что имущество принадлежит зарегистрированному владельцу, а неоплаченный кредит – его личный долг. При расторжении брака долги, созданные супругами в период совместной жизни, должны быть совместно возвращены (ст. 41).

Верховный народный суд КНР издал несколько разъяснений о рассмотрении дел, связанных с ответственностью супругов по обязательствам. 28 февраля 2017 г. Верховный народный суд КНР опубликовал новое судебное разъяснение о рассмотрении дел, связанных с ответственностью супругов по обязательствам. Народные суды обязаны отказывать в удовлетворении требований кредиторов:

- если есть признаки фиктивного долга, то есть он возник в результате сговора между кредитором и должником;
- если долг возник в результате увлечения супруга азартными играми, употребления наркотиков, другой противоправной или преступной деятельности.

Верховный народный суд КНР обязывает народные суды учитывать обстоятельства: взаимосвязи должника и кредитора, сумму долга, подтверждение перечисления и получения денежных средств, практику выдачи частных займов, а также показания сторон и свидетелей. Долговые расписки не являются основанием для признания долга реальным. Особое внимание заслуживает проблема заключения мирового соглашения между должником и кредитором, когда нарушаются права и законные интересы другого супруга.

Таким образом, если долг возник в связи с употреблением наркотиков и увлечением азартными играми и другой противоправной деятельностью, народный суд обязан исходить из невозможности взыскания через суд незаконных долгов, если кредитор знал, что один из супругов будет их использовать для приобретения наркотиков, азартных игр или другой противоправной деятельности. Народные суды не могут удовлетворять требования кредитора за счет совместного имущества, если долги были сделаны одним из супругов в личных интересах и ис-

пользованы для противоправной деятельности (Бажанов, 2018).

С 18 января 2018 г. вступило в силу новое разъяснение Верховного народного суда КНР по вопросам, связанными с общими обязательствами супругов перед третьими лицами. Судебное разъяснение устанавливает три правила при определении – являются ли обязательства общими или личными.

Во-первых, обязательства являются общими если: создающий обязательство документ подписан обоими супругами; после подписания одним из супругов получено последующее одобрение от второго супруга.

Во-вторых, обязательства являются общими, если имущество, полученное в результате сделки с участием одного из супругов, использовалось на повседневные расходы семьи.

В-третьих, если полученное в результате сделки с участием одного из супругов имущество превышало объемы средств на повседневные расходы семьи, то обязательство является общим, если истец докажет, что данное имущество использовалось для совместной жизни супругов, совместной предпринимательской деятельности или имущество было получено в результате совместного волеизъявления супругов. К совместным потребительским расходам обычно относятся расходы восьми категорий городского населения: продукты питания, одежда, бытовая техника и обслуживание техники, медицинские расходы, расходы на транспорт и связь, расходы на развлечения и образование и др. При определении совместных расходов необходимо ограничиваться данными видами потребительских расходов семьи (Бажанов, 2018).

Семья в Китае, как и в большинстве стран мира, меняет свою форму и содержание. Система традиционных ценностей, состоящая из авторитета родителей, родственников, теряет прежнее значение. В постиндустриальном обществе женщина стала экономически независима. Важное значение для человека имеет обретение независимого социального статуса, выбор жизненного пути. Трансформация традиционной семьи в Китае приводит к необходи-

мости урегулирования имущественных отношений супругов, о чем свидетельствуют многократные разъяснения Верховного суда. Определение структуры режима иму-

щества супругов стало приоритетным в семейном законодательстве Китая, о чем убедительно иллюстрируют последние разъяснения 2017–2018 гг.

Библиографический список

Бажанов П. Регистрация браков в Китае [Электронный ресурс]. URL: https://cnlegal.ru/civil_law/china_marriage_registration/ (дата обращения 10.01.2019).

Бажанов П. Общие обязательства супругов: новое разъяснение Верховного народного суда КНР [Электронный ресурс]. URL: https://cnlegal.ru/civil_law/spouses_joint_obligations/ (дата обращения 01.02.2019).

Бажанов П. Верховный народный суд КНР опубликовал разъяснение по общим обязательствам супругов [Электронный ресурс]. URL: https://cnlegal.ru/tag/court_interpretation/ (дата обращения 05.02.2019).

Гунь Нань. Реформа закона о браке в Китае в целях предотвращения домашнего насилия // Пролог: журнал о праве. Иркутск, 2014.

Меликова К.А. Конфуцианство и взаимоотношения поколений в Древнем Китае // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. М., 2014. С. 58–59.

Почагина О.В. Изменение политики «одна семья – один ребенок» в Китае: причины и ожидаемые результаты. [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0639/analit01.php> (дата обращения 14.01.2019).

Почагина О.В. Новая редакция закона КНР «О браке» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/075/analit04.php> (дата обращения: 25.01.2019)

«О браке»: Закон КНР [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage/law_marriage_ch1 (дата обращения 20.12.2018).

«О народонаселении и планировании рождаемости» (в редакции 2015 г.): Закон КНР [Электронный ресурс]. URL: http://chinalaw.center/administrative_law/china_population_family_planning_law_revised_2015_russian/ (дата обращения 11.01.2019).

Сведения об авторе

Илтакова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Бурятского государственного университета, Россия, 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, e-mail: ulynpa@mail.ru

Критерии авторства

Илтакова Н.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References

Bazhanov P. The registration of Marriages in China. Available at: https://cnlegal.ru/civil_law/china_marriage_registration/ (accessed: 10 January 2019). (In. Russ.)

Bazhanov P. Common obligations of spouses: a new explanation of the Supreme People's Court of the PRC]. Available at: https://cnlegal.ru/civil_law/spouses_joint_obligations/ (accessed: 01 February 2019). (In. Russ.)

Bazhanov P. The Supreme People's Court of the People's Republic of China published an explanation of common obligations of the spouses. Available at: https://cnlegal.ru/tag/court_interpretation/ (accessed: 05 February 2019). (In. Russ.)

Gun' Nan'. (2014) Reform of the law on marriage in China in order to prevent domestic violence. Prolog=Prologue: Journal of Law. Irkutsk. (In. Russ.)

Melikova K.A. (2014) Confucianism and the relationship of generations in ancient China. Locus: people, society, culture, meanings. Moscow. Pp. 58–59. (In. Russ.)

Pochagina O.V. Changing the “one family - one child” policy in China: causes and expected results. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0639/analit01.php> (accessed: 14 January 2019). (In. Russ.)

Pochagina O.V. The new version of the PRC Law “On Marriage”. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/075/analit04.php> (accessed: 25 January 2019)

“On Marriage”: Law of the People's Republic of China. Available at: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage/law_marriage_ch1 (accessed: 20 December 2018). (In. Russ.)

“On population and fertility planning” (2015 edition): Law of the People's Republic of China. Available at: http://chinalaw.center/administrative_law/china_population_family_planning_law_revised_2015_russian/ (accessed: 11 January 2019). (In. Russ.)

Author's Credential

Natal'ya V. Iltakova, Cand. Sci. (Historical Sciences), Senior Lecturer at Theory and History of State and Law Department, Faculty of Law, Buryat State University, 24a Smolin St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670000, Russia, e-mail: ulynpa@mail.ru

Criteria for Authorship

Iltakova N.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest

Конституционные права личности и их охрана в современном уголовном законодательстве

© В.Г. Татарников

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается значение Конституции России для развития уголовного законодательства. Анализируется влияние положений Конституции России о человеке, его правах и свободах, как высшей ценности, на нормы об ответственности за преступления против жизни и здоровья, против конституционных прав личности. В статье высказывается мнение о необходимости сохранения в системе наказаний смертной казни за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека. Отмечается, что в ряде случаев изменения в нормах Уголовного кодекса России об ответственности за преступления против личности не соответствуют конституционным положениям о защите прав человека и гражданина. В связи с неоднократными изменениями Уголовного кодекса РФ нормы об ответственности за посягательства на важнейшие конституционные права личности выглядят противоречиво и непоследовательно. В частности, в результате внесенных в УК РФ изменений минимальный предел в санкциях за тяжкие и особо тяжкие преступления против здоровья был исключен. Автор считает, что в санкциях за тяжкие и особо тяжкие преступления на важнейшие общественные отношения, в том числе на здоровье, должен быть установлен не только максимальный, но и минимальный предел наказания. Анализ изменений, внесенных в уголовное законодательство, показывает, что существенно снизилась ответственность за наиболее общественно опасные случаи хищения собственности путем мошенничества.

В работе анализируется уголовное законодательство о посягательствах на природные ресурсы. Указанные преступления, по мнению автора, отличаются от обычных преступлений, посягающих на право собственности тем, что хищения причиняют ущерб конкретному собственнику, а посягательства на природные ресурсы наносят вред неопределенному числу лиц – местному сообществу, региону, государству. Поэтому такие преступления как, например, незаконная рубка леса представляют гораздо большую общественную опасность, чем аналогичные преступления против собственности. Поэтому ответственность за указанные преступления должна быть усилена. Вносятся предложения по совершенствованию норм об ответственности за преступления, посягающие на конституционные права личности.

Ключевые слова: конституция, преступления против личности, преступления против конституционных прав, преступления против собственности, лишение свободы, смертная казнь

Информация о статье: Дата поступления 29 марта 2019 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Татарников В.Г. Конституционные права личности и их охрана в современном уголовном законодательстве. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 112–119.

Constitutional rights of the individual and their protection in modern criminal law

© Vladimir G. Tatarnikov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article discusses the significance of the Russian Constitution for the development of the criminal legislation. It analyzes the influence of the provisions of the Russian Constitution on a person, their rights and freedoms as the highest value, on the rules of responsibility for crimes against life and health, crimes against constitutional rights of the person. It has been suggested that it is necessary to preserve the death penalty in the punishment system for especially grave crimes that endanger the life. It is noted that in some cases the changes in the rules of the Russian Federation Criminal Code of liability for crimes against individuals do not comply with the constitutional provisions on the protection of the rights of a person and citizen. In connection with the repeated amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, the rules of liability for encroachment on the most important constitutional rights of an individual appear contradictory and inconsistent. In particular, as a result of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, the minimum limit in the sanctions for all grave and especially grave crimes against health was excluded. The author believes that in the sanctions for grave and especially grave crimes infringing on the most important social relations, including health, not only the maximum but also the minimum limit of punishment should be established. An analysis of the amendments to the criminal law shows that responsibility for the most socially dangerous cases of theft of property by fraud has significantly decreased.

The paper analyzes the criminal legislation on encroachment on natural resources. These crimes, according to the author, differ from ordinary crimes infringing on property rights in that embezzlement causes damage to a particular owner, and

encroachment on natural resources harms an unspecified number of persons - the local community, region, or state. Therefore, crimes such as, for example, illegal logging represent a much greater public danger than similar crimes against property. Therefore, responsibility for these crimes should be strengthened. Proposals are being made to improve the rules of responsibility for crimes that infringe on the constitutional rights of the individual.

Keywords: constitution, crimes against the person, crimes against constitutional rights, crimes against property, deprivation of liberty, death penalty

Article info: Received March 29, 2019; accepted for publication April 20, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Tatarnikov V.G. (2019) Constitutional rights of the individual and their protection in modern criminal law. *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. Vol. 4. No. 2. Pp. 112-119. (In Russ.)

Конституция России, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, определила вектор развития всех отраслей права на длительный исторический период. Впервые в истории нашего государства в ней закреплены положения, согласно которым Россия является правовым государством. В данном документе также особо подчеркивается социальный характер нашего государства. Одним из базовых положений Конституции РФ, принципиально отличающих Конституцию 1993 г. от Конституций СССР и РСФСР, является новая система ценностей, во главе которой стоит человек. Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью¹. Конституция гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина.

Среди посягательств на права человека особую опасность представляют преступления против жизни. Согласно ст. 20 Конституции РФ смертная казнь, впредь до ее отмены, может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни.

Конституционные положения о ценности человека (Азбукин, 2016; Крылатова, 2016) и его жизни нашли и отражение в Уголовном кодексе России, принятом в 1996 г. УК РФ, предусмотрел возможность применения смертной казни лишь за такие особо тяжкие преступления как убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ),

посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) и геноцид (ст. 357 УК РФ).

Однако уже при принятии УК РФ и в дальнейшем в связи с неоднократными изменениями Уголовного кодекса РФ сложилась ситуация, при которой нормы об ответственности за посягательства на важнейшие конституционные права личности выглядят противоречиво и непоследовательно. Так, в первоначальной редакции УК РФ законодатель, устанавливая ответственность за терроризм и захват заложника, вообще не предусмотрел в качестве признаков составов указанных преступлений умышленное причинение смерти. Отсутствие в диспозиции статьи 205 УК РФ такого признака как умышленное причинение смерти, а в санкции статьи 205 УК РФ смертной казни, как альтернативы лишению свободы, обоснованно подвергалось критике (Татарников, 2004; Татарников, 2016). Лишь в 2008 г. Федеральным законом от 30.12.2008 N 321-ФЗ ст. 205 УК РФ была дополнена таким квалифицирующим признаком как умышленное причинение смерти человеку п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ. Аналогичные изменения были внесены и в ч. 3 ст. 206 УК РФ, предусматривающую ответственность за захват заложника². При этом в результате таких изменений санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (with amendments intro-

duced by the RF laws on amendments to the RF Constitution of 12/30/2008 N 6-FCL, of 12/30/2008 N 7-FCL, from 02.02.2014 N 2-FCL, dated 07.21.2014 N 11-FCL) "Collected Acts of the Russian Federation", 04.08.2014, N 31, Art. 4398.

² Федеральный закон от 30.12.2008 N 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» // «Собрание законодательства

оказалась строже, чем санкция ч. 3 ст. 205 и ч. 3 ст. 206 УК РФ.

Между тем террористический акт и захват заложника, сопровождающиеся убийствами, представляют не меньшую, а, напротив, большую опасность чем убийства, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Не вдаваясь в обсуждение дискуссионного вопроса о необходимости дальнейшего сохранения смертной казни в уголовном законодательстве Российской Федерации, отметим, что смертная казнь должна оставаться и в уголовном законодательстве, и в практике его применения в целях обеспечения справедливости наказания за наиболее опасные преступления против жизни, против общественной безопасности и другие преступления, связанные с посягательством на жизнь. Поэтому альтернативные санкции за преступления против общественной безопасности, связанные с умышленным посягательством на жизнь человека, в принципе не могут быть более мягкими чем санкции за преступления против личности. Смертная казнь в качестве альтернативы лишению свободы на определенный срок и пожизненному лишению свободы должна присутствовать в санкциях за рассматриваемые преступления против общественной безопасности.

Смертная казнь остается наиболее острым вопросом в области прав человека

и дискуссии о ее необходимости или замене пожизненным заключением ведутся в разных странах (Dudai, 2018; Sigler, 2018; Mogeno, 2018; Burnham, 2005). Из положений о человеке как высшей ценности прямо вытекают и нормы Конституции РФ, направленные на охрану здоровья (ст. ст. 7, 41, 42 Конституции РФ). Преступления против здоровья человека, особенно повлекшие тяжкие последствия, не только причиняют серьезный, зачастую невозполнимый физический вред, но и подчас делают невозможной или затруднительной реализацию других прав личности, например, права на труд, творческую деятельность и т. д., и в целом снижают качество жизни человека. Указанные положения нашли отражение и в нормах УК РФ 1996 г.

В первоначальной редакции УК РФ усилил ответственность за преступления против здоровья путем установления минимального предела санкций частей 1,2,3 и 4 ст. 111 УК РФ и путем повышения верхнего предела наказания за квалифицированные виды умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Такой подход полностью соответствовал общественной опасности указанных преступлений и был логичным. Логика построения санкций за наиболее опасные преступления против здоровья и многие другие преступления была нарушена Федеральным законом от 07.03.2011 N 26-ФЗ³.

Таблица 1

Виды наказаний за убийство и терроризм и захват заложников

Table 1

Types of punishment for murder and terrorism and hostage taking

Наказание за убийство Часть 2 статьи 105 УК РФ	Наказание за терроризм и захват заложников Часть 3 статьи 205 УК РФ Часть 4 статьи 206 УК РФ
- лишение свободы; - пожизненное лишение свободы; - смертная казнь.	- лишение свободы; - пожизненное лишение свободы.

РФ», 05.01.2009. N 1. ст. 29. Federal Law of 30.12.2008 N 321-FL "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Counter-Terrorism Issues" // "Collected Acts of the Russian Federation", 05.01.2009. N 1. Art. 29.

³ Федеральный закон от 07.03.2011 N 26-ФЗ «О внесе-

нии изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 14.03.2011. N 11. ст. 1495.

Federal Law of 07.03.2011 N 26-FL "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" // "Collected Acts of the Russian Federation", 14.03.2011. N 11. Art. 1495.

В результате внесенных в УК РФ изменений минимальный предел в санкциях за все тяжкие и особо тяжкие преступления против здоровья был исключен. Практически это означает, что за любое из этих преступлений, даже совершенное при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах, может быть назначено наказание в виде лишения свободы на два месяца, поскольку такой минимальный срок для данного наказания установлен ст. 56 УК РФ. Поэтому в соответствии с действующей редакцией ст. 111 УК РФ, даже при наступлении смерти потерпевшего виновному может быть назначено лишение свободы, начиная от двух месяцев. Заметим, что за ненасильственные преступления, например, за кражу, также установлено наказание в виде лишения свободы без указания минимального срока наказания.

Получается, что, так сказать, минимальный уровень общественной опасности особо тяжких преступлений против личности равен минимальному размеру общественной опасности преступлений небольшой тяжести. Подобная позиция законодателя сказывается и на судебной практике назначения наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления против здоровья. Так, в 2017 г. судами Российской Федерации за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по

ч. 1 ст. 111 УК РФ было осуждено 4075 человек. Из них 2024 осужденных, то есть половина, приговорены к лишению свободы условно. Из 12450 осужденных по ч. 2 ст. 111 УК РФ условно осуждены 4743 или 38 %⁴. Даже из 837 осужденных по ч. 3 ст. 111 УК РФ 127 человек или 15 % приговорены к лишению свободы условно. Такой подход противоречит базовым конституционным положениям о человеке как высшей ценности.

Представляется, что в санкциях за тяжкие и особо тяжкие преступления, посягающие на важнейшие общественные отношения, в том числе на здоровье, должен быть установлен не только максимальный, но и минимальный предел наказания (Татарников, 2017. С. 151–154).

Конституция РФ в отличие о Конституции СССР и РСФСР заняла принципиально другую позицию по отношению к принципам охраны права собственности. Уголовный кодекс РСФСР приоритет отдавал охране государственной формы собственности. В УК РСФСР санкции, касающиеся хищение государственной собственности, были значительно строже чем за аналогичные преступления против личной собственности. Так, за кражу государственной собственности согласно ч. 4 ст. 89 УК РСФСР

Таблица 2

Виды санкций за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и за кражу

Table 2

Types of sanctions for intended infliction of grievous bodily harm and for theft

Санкции за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	Санкции за кражу
Часть 1 статьи 111 УК РФ: Лишение свободы на срок до 8 лет	Часть 1 статьи 158 УК РФ: Лишение свободы на срок до 2 лет
Часть 2 статьи 111 УК РФ: Лишение свободы на срок до 10 лет	Часть 2 статьи 158 УК РФ: Лишение свободы на срок до 5 лет
Часть 3 статьи 111 УК РФ: Лишение свободы на срок до 12 лет	Часть 3 статьи 158 УК РФ: Лишение свободы на срок до 6 лет
Часть 4 статьи 111 УК РФ: Лишение свободы на срок до 15 лет	Часть 4 статьи 158 УК РФ: Лишение свободы на срок до 10 лет

⁴ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (25.03.2019).

Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?Id=79&item=4572> (03/25/2019).

предусматривалось лишение свободы на срок от 5 до 15 лет, в то время как за кражу личной собственности максимальное наказание было установлено в виде лишения свободы сроком на десять лет.

Статья 8 Конституции России установила, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Соответственно и в УК РФ санкции за хищения чужого имущества перестали зависеть от формы собственности. На размер наказания влияют форма хищения (например, кража, грабеж, разбой), суммы ущерба и другие существенные признаки. В первоначальной редакции УК РФ стоимостной критерий был единым для всех форм хищений (Пермиловская, 2017; Арзамасцев, 2012; Долгих, 2015; Калинина, 2016). Так, согласно примечанию к ст. 158 УК РФ крупным признавался размер похищенного имущества, стоимость которого в пятьсот раз превышала минимальный размер оплаты труда. В редакции Федерального закона от 08.12.2003 N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» крупным размером признавалась стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – один миллион рублей⁵.

Однако в 2012 г. примечание к ст. 158 УК РФ подверглось изменениям, согласно которым для мошеннических действий, предусмотренных ст.ст. 159.1, 159.3, 159.4, 159.5, 159.6. (мошенничество в сфере кредитования, при получении выплат, с исполь-

зованием платежных карт, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации), крупным признавалась стоимость имущества лишь при условии, если она превышала один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным – шесть миллионов рублей⁶. Через три года в УК РФ вновь были внесены изменения, согласно которым крупным для всех видов мошенничества признавалась стоимость имущества уже в размере, превышающем три миллиона рублей, а особо крупным – превышающая двенадцать миллионов рублей⁷. Таким образом, вследствие указанных изменений лица, совершившие хищение чужого имущества путем мошенничества, оказались в наиболее привилегированном положении по сравнению с другими преступниками, совершившими хищение чужого имущества другим способом, например, путем кражи. В итоге преступник, совершивший кражу чужой собственности на сумму два или три миллиона рублей, отвечает за хищение в особо крупном размере, а мошенник, завладевший путем обмана и злоупотребления доверием чужим имуществом на ту же или на гораздо большую сумму, не может быть признан виновным даже в крупном мошенничестве, не говоря уже о мошенничестве в особо крупном размере.

В результате мошенник, похитивший с чужой банковской карты денежные средства на сумму три миллиона рублей, отвечает за мошенничество лишь в значительном размере и может быть наказан лишением свободы максимум на пять лет (ч. 2 ст. 159.3. УК РФ). В то же время за кражу на сумму

⁵ Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 15.12.2003. N 50. ст. 4848. Federal law of 08.12.2003 N 162-FL (as amended on 07.12.2011) "On introduction of amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation" // "Collected Acts of the Russian Federation", 15.12.2003. N 50. Art. 4848.

⁶ Федеральный закон от 29.11.2012 N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». «Собрание законодательства РФ», 03.12.2012. N 49, ст. 6752. Federal Law of 29.11.2012 N 207-FL "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian

Federation". " Collected Acts of the Russian Federation ", 03.12.2012. N 49, art. 6752.

⁷ Федеральный закон от 03.07.2016 N 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» «Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, N 27 (часть II), ст. 4256, «Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, N 27 (часть II), ст. 4256. Federal Law of 03.07.2016 N 323-ФЗ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the issues of improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability" "RF Legislative Assembly", 04.07.2016, N 27 (Part II), Art. 4256, "Collected Acts of the Russian Federation", 04.07.2016, N 27 (Part II), Art. 4256.

свыше миллиона рублей виновный наказывался лишением свободы на срок до десяти лет (ч. 4 ст. 158 УК РФ). Между тем нет никаких оснований считать мошенников менее опасными преступниками, чем обычные воры, поскольку такой способ завладения чужим имуществом, особенно с использованием банковских карт, компьютерных технологий и т. д. свидетельствует о большей изощренности и, так сказать, большем профессионализме преступника, а значит и о более высокой степени его общественной опасности. Как показывает судебная статистика, в Российской Федерации количество мошенничеств достаточно велико. Так, в 2017 г. за все виды мошенничеств осуждено 23045 человек⁸. Поэтому установленный нормами УК РФ своеобразный льготный режим для мошенников, совершающих крупные и особо крупные хищения, ничем не оправдан и не соответствует конституционным положениям, направленным на защиту собственности.

Конституция РФ помимо принципиальных положений, направленных на охрану прав личности как индивида, его жизни, здоровья, других конституционных прав, содержит нормы, посвященные охране прав человека как члена социума, местного сообщества, жителя региона и страны в целом. Конституция Российской Федерации (ст. 9) провозгласила, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Особое значение природных ресурсов, как национального достояния, требует и особого внимания к их охране.

Посягательство на природные ресурсы отличается от обычных преступлений, посягающих на право собственности тем, что хищения причиняют ущерб конкретному собственнику, а посягательства на природные ресурсы наносит вред неопределенному числу лиц – местному сообществу, региону, государству. Поэтому такое преступ-

ления как, например, незаконная рубка леса представляет гораздо большую общественную опасность, чем аналогичные преступления против собственности (Татарников, 2018. С. 234–235).

В настоящее время незаконная рубка леса в значительном размере относится к преступлениям небольшой тяжести (ч. 1 ст. 260 УК РФ). Между тем кража, причинившая значительный ущерб (ч. 2 ст. 158 УК РФ), относится к преступлениям средней тяжести. Незаконная рубка леса в крупном размере группой лиц, лицом, с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 260 УК РФ), отнесена к преступлениям средней тяжести. В то же время кража в крупном размере (ч. 3 ст. 158 УК РФ) относится к тяжким преступлениям.

Незаконная рубка леса в особо крупном размере группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 3 ст. 260 УК РФ) отнесена к тяжким преступлениям, за которые установлено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет. Между тем преступления против собственности ненасильственного характера, причинившие ущерб в особо крупном размере, наказываются значительно строже. Так кража в особо крупном размере (п. «б») ч. 4 ст. 158 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

В этой связи незаконная рубка леса в значительном размере должна быть отнесена к преступлениям средней тяжести, в крупном размере – к тяжким преступлениям, в особо крупном размере – к особо тяжким преступлениям. При этом основным наказанием за указанное преступление в крупном и особо крупном размере должно быть лишение свободы. Поэтому необходимо в санкции части первой ст. 260 УК РФ максимальный срок лишения свободы увеличить до четырех лет, в санкции части второй ст. 260 УК РФ – до семи лет лишения свободы, в санкции части третьей ст. 260 УК РФ – до двенадцати лет лишения свободы.

⁸ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (25.03.2019). Official website of the Judicial Department

at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (03/25/2019).

Библиографический список

Арбузкин А.М. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 18–25.

Арзамасцев М.В. Вопросы назначения судами уголовного наказания в виде ограничения свободы // Уголовное право. 2012. № 3. С. 4–7.

Долгих Т.Н. Некоторые особенности правового и организационного характера назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 20–23.

Калинина О.М. Ограничение свободы: новые разъяснения судебной практики // Уголовное право. 2016. № 2. С. 42–44.

Крылатова И.Ю. Отдельные аспекты достоинства личности через призму реализации стратегии национального развития России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 32–34.

Пермиловская Е.А. Особенности назначения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. матер. IV междунар. науч.-практ. конф. № 4(4). Новосибирск: СибАК, 2017. С. 132–138.

Татарников В.Г. О совершенствовании законодательства об уголовной ответственности в сфере охраны лесах // Глаголь правосудия. 2016. № 2 (12). С. 40–42.

Татарников В.Г. Уголовно-правовая охрана личности в условиях усиления борьбы с терроризмом: сб. науч. трудов // Государственно-правовое регулирование вопросов охраны правопорядка в свете усиления борьбы с терроризмом: сб. мат. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во БГИ. 2004. 122 с.

Татарников В.Г., Никитин Ю.П. К вопросу о санкциях за тяжкие и особо тяжкие преступления против здоровья // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII международной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во: Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. С. 151–154.

Татарников В.Г., Никитин Ю.П. О совершенствовании законодательства об уголовной ответственности за незаконную рубку леса // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8 (123). С. 234–235.

Burnham, M.A. Indigenous constitutionalism and the death penalty: The case of the Commonwealth Caribbean // International Journal of Constitutional Law. 2005. 3(4), с. 582–616.

Dudai R. Restraint, Reaction, and Penal Fantasies: Notes on the Death Penalty in Israel, 1967–2016 Restraint, Reaction, and Penal Fantasies: Notes on the Death Penalty in Israel, 1967–2016 // Law and Social Inquiry. 2018. 43(3), с. 862–888.

References

Arbuzkin A.M. (2016) Are a person, their rights and freedoms the highest value? *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo = Constitutional and municipal law*. No. 2. Pp. 18–25. (In. Russ.)

Arzamastsev M.V. (2012) Issues of the court's appointment of criminal penalties in the form of freedom deprivation sanction. *Ugolovnoe parvo = Criminal Law*. No 3. Pp. 4–7. (In. Russ.)

Dolgikh T.N. (2015) Some features of the legal and organizational nature of the appointment and execution of criminal punishment in the form of freedom deprivation. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian justice*. No. 1. Pp. 20–23. (In. Russ.)

Kalinina O.M. (2016) Custodial restraint: new explanations of court practice. *Ugolovnoe parvo = Criminal Law*. No. 2. Pp. 42–44. (In. Russ.)

Krylatova I.Yu. (2016) Some aspects of the dignity of the individual through the prism of the implementation of the strategy of the national development of Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo = Constitutional and municipal law*. No. 9. Pp. 32–34. (In. Russ.)

Permilovskaya E.A. (2017) Features of the purpose of criminal punishment in the form of freedom deprivation. *Aktual'nye problemy yurisprudentsii: sbornik materialov IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current issues of jurisprudence: collection of writings of IV international scientific and practical conference]. No. 4(4). Novosibirsk: SibAK Publ. Pp. 132–138. (In. Russ.)

Tatarnikov V.G. (2016) On the improvement of legislation on criminal responsibility for crimes in the sphere of forest protection. *Glagol' pravosudiya = Glagol' jurisprudence*. No. 2 (12). Pp. 40–42. (In. Russ.)

Tatarnikov V.G. (2004) Criminal law protection of the person in the conditions of strengthening the fight against terrorism. *Gosudarstvenno-pravoe regulirovanie voprosov okhrany pravoporyadka v svete usileniya bor'by s terrorizmom: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii* [State-law regulation of law enforcement issues in the light of strengthening the fight against terrorism: collection of writings of scientific and practical conference]. Irkutsk: BGI Publ. 122 p. (In. Russ.)

Tatarnikov V.G., Nikitin Yu.P. (2017) On the issue of sanctions for grave and especially grave crimes against health. *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov XXII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Law enforcement activities in modern conditions: a collection of materials of the XXII international scientific and practical conference]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii Publ. 2017 Pp. 151–154. (In. Russ.)

Tatarnikov V.G., Nikitin Yu.P. (2018) On the improvement of legislation on criminal liability for illegal logging. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian law journal*. No. 8 (123). Pp. 234–235. (In. Russ.)

Burnham, M.A. Indigenous constitutionalism and the death penalty: The case of the Commonwealth Caribbean // International Journal of Constitutional Law. 2005. 3(4), с. 582–616.

Dudai R. Restraint, Reaction, and Penal Fantasies: Notes on the Death Penalty in Israel, 1967–2016 Restraint, Reaction, and Penal Fantasies: Notes on the Death Penalty in Israel, 1967–2016 // Law and Social Inquiry. 2018. 43(3), с. 862–888.

Sigler, M. Principle and Pragmatism in the Death Penalty Debate // Criminal Justice Ethics 2018. с. 1–15.
Villaseñor Moreno, M.E.B. Death penalty in the United States: From public derision to private execution | [La pena de muerte en Estados Unidos: Del escarnio público a la ejecución privada] // Signos Historicos. 2018. 20(39), с. 150–189.

Сведения об авторе

Татарников Владимир Германович, заместитель председателя Комиссии по права человека, общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов и силовых структур Общественной палаты Иркутской области, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции ИРНИТУ, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: voldemar55@mail.ru

Критерии авторства

Татарников В.Г. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Sigler, M. Principle and Pragmatism in the Death Penalty Debate // Criminal Justice Ethics 2018. C. 1–15.
Villaseñor Moreno, M.E.B. Death penalty in the United States: From public derision to private execution | [La pena de muerte en Estados Unidos: Del escarnio público a la ejecución privada] // Signos Historicos. 2018. 20(39), с. 150–189.

Author's Credential

Vladimir G. Tatarnikov, Deputy Chairman of the Commission on human rights, public control over the activities of law enforcement and security agencies of the Public Chamber of Irkutsk Region, PhD in Law, Associate Professor at Law Department, IRNITU, 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russia, e-mail: voldemar55@mail.ru

Criteria for Authorship

Tatarnikov V.G. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Использование полиграфа в расследовании преступлений

© Т.Т. Шамурзаев*, А.Н. Архипова**, В.Н. Туркова***

*Кыргызско-Российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика
,*Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье исследуется взаимосвязь между уголовными расследованиями и проверками на полиграфе, так как для правоохранительных органов он является жизненно важным инструментом. Подробно рассматриваются методы проведения допросов с его использованием, конституционные права подозреваемых. Делаются общие научные выводы оценки полиграфа, последствия предлагаемых изменений в области тестирования на нем. В статье анализируются основные положения применения психофизиологического исследования с использованием полиграфа в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе, выявляются актуальные проблемы применения прибора при расследовании преступлений, дальнейшие пути его развития и применения в криминалистическом аспекте. Определяются возможности создания экспертизы с использованием полиграфа, делается вывод о необходимости совершенствования как самого полиграфического устройства, так и методики его применения.

Ключевые слова: полиграф, расследование преступления, уголовное наказание, следственные действия, детектор лжи

Информация о статье: Дата поступления 12 мая 2019 г.; дата принятия к печати 13 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Использование полиграфа в расследовании преступлений. Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 2. С. 120–127.

The use of polygraph in investigation of crimes

© Taalaibek T. Shamurzaev*, Anastasia N. Arkhipova**, Valentina N. Turkova***

*Kyrgyz-Russian Slavic University named after Boris Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic
,*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article examines the relationship between criminal investigations and polygraph tests. For law enforcement, in particular, the polygraph is a vital tool in investigations. Various lie detectors have been used by officers since the early twentieth century, and as the technology underlying the devices has evolved, so have various practical applications in law enforcement. This paper discusses in detail the methods of interrogation, the constitutional rights of suspects, as well as a polygraph application. The authors describe the general scientific findings of the polygraph assessment, and then discuss in detail the specific scientific findings and implications of the latest and propose changes in the Federal policy in the field of polygraph testing. Although modern polygraphs represent a significant technological improvement over earlier instruments, the physiological measures included in earlier instruments are largely the same as those used today. Modern polygraph is a diplomat of the size of the device that in most situations area, recording changes in electrodermal activity (GSR) using two electrodes attached to the fingertips. To record changes in relative blood pressure and heart rate, a standard cuff is used to measure blood pressure, which is partially inflated during testing.

Keywords: the polygraph, the investigation of the crime, criminal penalties, investigations, lie detector

Article info: Received May 12, 2019; accepted for publication May 13, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Shamurzaev T.T., Arkhipova A.N., Turkova V.N. (2019) The use of polygraph in investigation of crimes. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 4. No. 2. Pp. 120–127. (In Russ.)

Известно, что действие полиграфа основано на том, что он регистрирует сигналы, которые поступают с чувствительных датчиков, закрепляемых на определенных частях тела испытуемого. Колебания уровня возбуждения человека вызывают значительное изменение показателей. Иными словами, когда человек волнуется, услышав значимый для него вопрос, эмоциональный

фон и связанные с ним физиологические характеристики меняются. Принято считать, что неискренность или откровенная ложь при ответе на вопрос эксперта ведет к повышению уровня возбуждения. При правдивом ответе этого не происходит. Такая разница в реакциях на стимулы может быть связана с чувством вины или возникновением у человека страха перед разоблачением его лжи

и следующим за этим наказанием. Обман – это неотъемлемая составляющая обыденных социальных взаимодействий. Ложь в разной степени, в той или иной форме, является главным составляющим человеческих отношений в любом обществе. Данная проблема стара как мир.

Способы обнаружения лжи стремились найти еще в древности. Подозреваемому предлагались суровые испытания и «тесты» на честность и выявление причастности к совершенному преступлению. Карамзин Н.М. в «Истории государства Российского» упоминает об испытании железом и водой на Руси: тяжущийся, чтобы доказать свою правоту, должен был взять в руки раскаленное железо и вытащить кольцо из кипящей воды. Доказательством невиновности было отсутствие через три дня язвы от ожога. Наказания сопровождалась позором, изувечением тел и смертью. (Карамзин, 1988. С. 696). В тоже время было замечено, что в ходе допроса человека, который совершил преступление, имеющийся у него страх перед разоблачением, дальнейшими испытаниями и наказанием сопровождается определенными изменениями в физиологических функциях его организма. Общество старалось найти более человечный способ, не прибегая к чрезмерному давлению на психику подозреваемого, который мог бы ошибочно различать ложь и обман.

Данный подход к обнаружению лжи и аналогичные попытки, конечно, не предполагали использования научных регистрирующих приборов. Только в 1895 году, когда Ломброзо, итальянский криминалист и его студент Моссо, использовали гидросфигмограф и «научную колыбель», объективное измерение физиологических изменений стало ассоциироваться с обнаружением обмана. Вслед за Ломброзо психолог Мюнстерберг и другие отметили влияние лежания на дыхание, сердечно-сосудистую активность, произвольные движения и гальваническую реакцию кожи (ГСР) – изменения электрического сопротивления в коже. В 1917 году Марстон сообщил об успехах в обнаружении обмана с помощью прерывистых измерений кровяного давления. В 1920-х годах Ларсон изобрел инструмент для непрерывной записи как кровяного давления, так и дыхания. В 1930-х годах Килер усовер-

шенствовал аппарат Ларсона, добавив устройство для записи GSR. В конце 1940-х годов Рид встроил в полиграф прибор для обнаружения скрытых мышечных движений. Несмотря на отсутствие научного консенсуса относительно точности проверки на полиграфе, эта задача редко ставится в надлежащую перспективу. Один из важных вопросов, который необходимо задать, заключается не в том, насколько точна проверка на полиграфе, а в том, насколько она точна по отношению к другим типам доказательств и процессам, используемым для достижения аналогичных целей. При рассмотрении в этом свете доказательства сильно отличаются от обычно представляемых. Например, проверка на полиграфе CQT в контролируемых условиях показывает точность, равную или превышающую точность других распространенных средств исследования. В одном из них было показано, что проверка на полиграфе дает точность, сопоставимую с результатами, полученными экспертами по анализу документов и отпечаткам пальцев, и значительно превышающую точность информации очевидцев. Не менее важно и то, что проверка на полиграфе показала большую полезность, то есть была полезна в большем количестве ситуаций, чем другие рассмотренные формы аналогичных доказательств.

Сравнение точности проверки на полиграфе с другими распространенными судебно-медицинскими методами показывает аналогичные результаты. Как правило, в этом тестировании сотрудников криминалистической лаборатории просят проанализировать вслепую образцы вещественных доказательств, которые были специально подготовлены для исследования. Оценки этих образцов практикующими специалистами криминалистической лаборатории затем возвращаются на центральный объект, где они сопоставляются с известными стандартами. Таким образом, можно определить долю соглашений и несогласий экспертных решений со стандартами, а также степень квалификации, с которой анализируются определенные виды вещественных доказательств.

В последние годы в ряде регионов России нашла свое распространение трансформация результатов опроса на по-

лиграфу, как одного из видов оперативно-розыскных мероприятий, в процессуальную форму – для последующего использования в процессе доказывания. Так, приговором Увельского районного суда Челябинской области от 29 сентября 2003 г. В. Мальцев признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и приговорен к восьми годам лишения свободы. Суд, обосновывая доказанность вины подсудимого, сослался на документ оперативного использования – справку о результатах опроса Мальцева на полиграфе.

Федеральный судья Мещанского районного суда Центрального административного округа г. Москвы в приговоре по делу И. Якушевой (ч. 1 ст. 105 УК РФ) сделал ссылку на справку о результатах опроса с использованием полиграфа. Данный документ, согласно которому «с высокой степенью вероятности И.Н. Якушева причастна к убийству гр. Сорокина...», использован судьей как доказательство, подтверждающее вину.

По уголовному делу об убийстве С. Ефремова подсудимыми Д. Авдеев отказался от данных ранее признательных показаний. Кунцевский районный суд г. Москвы, взяв за основу показания, полученные в ходе предварительного расследования, обосновал свой обвинительный приговор в том числе и тем, что «в материалах уголовного дела имеется справка по результатам опроса Авдеева с применением полиграфа, в которой указано, что Авдеевым совершено убийство Ефремова...».

В Ростовской области следователи приобщают к материалам уголовных дел результаты опроса с использованием полиграфа, оформленные в виде выписок из справки либо рапортов. При этом задания органу дознания на проведение исследований даются в рамках отдельных поручений по выполнению оперативно-розыскных мероприятий.

В Брянской области следователи разработали «механизм закрепления» результатов полиграфического опроса:

1. К материалам уголовного дела приобщается справка-меморандум о проведенных оперативно-розыскных мероприятиях и справка специалиста-полиграфолога.

2. Проводится допрос специалиста о результатах опроса и научных методах, используемых при снятии данных и подсчете результатов полиграмм.

3. Допрашивается лицо, опрошенное ранее на полиграфе, с предъявлением ему результатов опроса.

Следователи Брянской области считают материалы полиграфической проверки «иными документами», предусмотренными ст. 10 УПК РФ, поэтому оперируют ими в дальнейшем как доказательствами, отражая в обвинительном заключении.

Аналогичной позиции по привлечению полиграфологов в качестве специалистов с применением указанных процессуальных норм придерживаются и следователи Астраханской области.

Все эти примеры с перечислением «положительной» трансформации результатов полиграфического опроса в уголовно-процессуальное доказательство взяты нами из официального документа, подписанного первым заместителем Генерального прокурора РФ Ю.С. Бирюковым, и направленного во все структурные подразделения органов прокуратуры России. Нужно отметить, что возникший в 2007 году Следственный комитет при прокуратуре РФ до сих пор использует рекомендации данного обобщения в своей практической деятельности¹.

Сама по себе идея такого новаторство выглядела бы весьма похвальной, если не считать одно важное обстоятельство. В соответствии с п. 1.2 «Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан», утвержденной 28 декабря 1994 г., сведения, полученные в ходе опроса с использованием полиграфа, не могут служить доказательствами, а имеют только ориентирующее значение из-за их вероятностного характера. Сторонники отнесения результа-

¹ Информационное письмо Генеральной прокуратуры России «Обобщение практики использования возможности полиграфа при расследовании преступления» от 14 февраля 2006 года № 8-15-05 // СПС

«Гарант». Information letter of the General Prosecutor Office of Russia "Generalization of application of the polygraph capability when investigating a crime" dated February 14, 2006 No. 8-15-05 // ATP "Garant".

тов полиграфических испытаний в категорию судебных доказательств обычно не упоминают про обстоятельство, делающее вероятностными (гадательными) выводы оператора, – большую вариабельность причин, по которым испытуемый: может давать реакцию «виновного лица», хотя к преступлению непричастен, либо продемонстрировать «симптомы невинности» при убедительной совокупности изобличающих доказательств. Выяснилось, что конкретные общественные ситуации в разных странах позволяют неоднозначно толковать результаты полиграфических испытаний. Польские исследователи З. Божычко и Т. Ханаусек, определяя принципы полиграфических исследований, сообщают: «Исследования доказали, что общественные условия так обуславливают психические процессы личности, что различные изменения этих условий влекут изменения реакций на идентичные раздражители. С учетом этого исследования возможности применения полиграфа в польских условиях следует признать – как и для каждой страны – оригинальными поскольку ценность методик, разработанных для одной страны, может быть непригодна в условиях другой (Зинкевич, 1980. С. 194–195). После проведения многолетних экспериментальных испытаний пригодности полиграфа в Польше, Т. Ханаусек и в других своих работах подтверждает тезис об уникальности результатов полиграфического исследования для каждой страны (Зинкевич, 1980. С. 195).

Данное положение, отвергающее универсальность экспертных методик для полиграфа, свидетельствует, на наш взгляд, что этот метод может служить лишь ориентиром для криминалистов и оперативных работников, а его результаты не вправе претендовать на получение статуса уголовно-процессуальных доказательств. Если судебные медики и психиатры успешно осваивают зарубежные методики, то данное обстоятельство объективно доказывает достоверность и универсальность применяемых методик. В практике использования полиграфа такой достоверности нет, исследователи ссылаются на «уникальность» результатов полиграфической проверки для каждого государства, что говорит об отсутствии общепризнанных критериев диагностических признаков. Поэтому нельзя согласиться с мнением

Я.В. Комиссаровой и А.П. Сошниковой «о возможности, с процессуальной точки зрения, придания проверкам на полиграфе статуса самостоятельного вида экспертизы – психофизиологической (Комиссарова, Сошников, 2002. С. 69).

Исаева Л.М. обоснованно замечает, что "проблемой в использовании полиграфа является отсутствие стандартизированных методик, позволяющих оценить работу специалиста-полиграфолога. Поэтому результат данного исследования просто не имеют такого свойства доказательств, как достоверность, и, следовательно, не может быть доказательством (Исаева, 2005. С. 26).

Холодный Ю.И. уверяет, что к началу 2008 года известны уже десятки случаев, когда результаты опроса с использованием полиграфа, выполненные в форме судебно-психофизиологической экспертизы, были признаны доказательствами судами различных инстанций, в том числе – Военной коллегией и Коллегией по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации. В. Куликов и А. Веретенников сообщают, что с 1994 года Верховный Суд России принял как доказательство всего 24 такие экспертизы. Причем во всех случаях это были исследования, проведенные экспертами ФСБ. Экспертизы на полицейских полиграфах суды нередко отклоняют (Холодный, 2008. С. 25).

Авторы, призывающие придать результатам опроса на полиграфе статус уголовно-процессуальных доказательств, старательно избегают упоминания о многочисленных ошибках и нарушениях, которые очень дорого обходятся для испытуемых лиц. Достаточно вспомнить недавний случай (2003–2004 гг.) привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего жителя Ставропольского края Д. Медкова, обвинявшегося в том, что он убил свою сестру, ее тело расчленил и по частям сжег в печи. Позднее выяснилось, что «убитая» сестра жива, вышла замуж в другом регионе страны, родила ребенка и не подозревала, что ее тайный отъезд к жениху обернется судебным вердиктом в отношении брата. По итогам служебного расследования данного случая следователь А. Анищенко и прокурор Г. Кашкидько написали рапорты об отставке, добровольно прекратил свои полно-

мочия судья Ю. Иванов. А основным доказательством вины Д. Медкова являлись показания его школьного товарища А. Хиленко, чья проверка на полиграфе была признана «полностью объективной», хотя на самом деле Хиленко лгал.

В другом случае по обвинению в совершении убийства депутата думы Слюдянского района Иркутской области был арестован начальник Байкальского ГОМ В. Карabanов. Руководитель УБОП ГУВД по Иркутской области Ф. Чернышев в своем интервью в прессе заявил: «Исполнитель преступления Карabanов прошел три полиграфических исследования, вынесено научно обоснованное заключение о том, что именно он совершил это убийство. Однако Иркутский областной суд оправдал В. Карabanова и освободил из зала суда. Выяснилось, что Карabanов оговорил себя в процессе неправомерного получения от него показаний (приговор Иркутского областного суда от 1 сентября 2008 г.) (Самойленко, 2008. С. 12).

О несостоятельности «психофизиологической» экспертизы свидетельствует и другое дело, изученное авторами. В июле 2006 года в Москве на квартире И. Старуновой был убит ее знакомый Д., тело которого при невыясненных обстоятельствах подверглось расчленению здесь же, а затем исчезло. Сама Старунова при ее допросе сообщила, что убийство потерпевшего, якобы, в ее присутствии совершил Д. Тихонов, который расчленил тело в ванной комнате, а потом постепенно вынес части трупа из квартиры и где-то закопал. Тихонов не отрицал, что в указанное время находился на квартире Старуновой вместе с Д. непродолжительное время, но никакого преступления не совершал. При осмотре жилища обнаружили замываемые следы крови, нож и молоток со следами крови Д. Тихонова осудили к восьми годам лишения свободы. Дальнейшие жалобы осужденного и его адвоката привели к отмене приговора и повторному судебному рассмотрению дела. Записи видеокamer, установленных возле подъезда жилища Старуновой показали, что Тихонов и Д. вместе находились в данной квартире не более 25 минут, после чего Тихонов ушел без всяких предметов в руках. По заключению судебно-медицинского эксперта за такое время невозможно совершить убийство,

расчленив труп и упаковать его части (как утверждала «свидетель» Старунова). Последняя же, как зафиксировали видеокamerы, ранним утром следующего дня вынесла из подъезда явно тяжелую сумку. Гагаринский районный суд г. Москвы назначил психофизиологическую экспертизу, поручил ее производство «независимому специалисту» И. Нестеренко. Тестированию на полиграфе подвернули Старунову и Тихонова. Если Тихонов отвечал охотно на все вопросы, то Старунова ответы прервала на середине процедуры опроса – когда ее стали спрашивать о деталях убийства Д.: держала ли она в руках нож, наносила ли удары, расчленяла ли затем труп?

В приговоре Гагаринского районного суда от 19 мая 2009 г. цитируется вывод специалиста-полиграфолога: «Тихонов Д.А. удары ножом Д. не наносил, руками к мертвому телу человека не прикасался, в руках документов на автомашину не держал. Старунова 10 июля 2006 года у себя в квартире нож в руках Тихонова не видела, не видела она, чтобы Тихонов расчленял труп Д., и видела потерпевшего после ухода из нее Тихонова. Вместе с указанными однозначными выводами эксперта существуют вероятностные выводы, полученные в результате проведенных исследований в порядке экспертной инициативы, которые с высокой вероятностью свидетельствуют о том, что Старунова в момент видеозаписи ее выхода из подъезда 11 июля 2006 года примерно в 06 часов утра в сумке выносит не системный блок компьютера, а также, с высокой вероятностью, сама лично производила расчленение тела Д.» (Лист 29 приговора от 19 мая 2009 г.) (Самойленко, 2008. С. 12).

За хищение имущества потерпевшего Д. суд приговорил Старунову к 8 годам 6 месяцам лишения свободы, а Тихонов Д.А. был оправдан и освобожден из-под стражи в зале суда (Самойленко, 2008. С. 12).

Полагаем, что ссылки суда на доказательственное значение полиграфического опроса подсудимых, именуемого «психофизиологической экспертизой», несостоятельны, так как это противоречит положениям «Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан». Можно согласиться с таким утверждением в приговоре: «По мнению

суда, следователь фактически уклонился от расследования обстоятельств исчезновения Д. по данному делу и, неслучайно поэтому следственным путем не найден потерпевший или его тело, не установлены обстоятельства его исчезновения...)» (Листы приговора 29-30). Однако плохая работа следственных органов – не повод для использования результатов исключительно оперативного мероприятия (опроса на полиграфе) в качестве судебного доказательства. Убийство Д. так и осталось нераскрытым.

Кокорев Д.А. и Белюшина О.В. вынуждены признать: «Пока не решен вопрос относительно использования в экспертной практике математических алгоритмов обработки, применяемых в отечественных полиграфных устройствах, эти алгоритмы не только не опубликованы, но даже не задекларированы в технической документации полиграфа, что полностью исключает возможность построения выводов экспертом на основе этих алгоритмов. Следовательно, выводы, построенные на результатах математической обработки, в соответствии с ч. 3 ст. 75 УПК РФ могут быть признаны недопустимым доказательством. Об ошибках оператора полиграфа, ставших предметом специального обсуждения Верховного суда РФ, говорится в специальной литературе (Белюшина, Кокорев, 2005. С. 50).

Мы убеждены, что использование отдельными судьями при вынесении приговора результатов опроса на полиграфе в качестве уголовно-процессуального доказательства является противозаконным, а тенденция умножения подобных случаев в судебной практике требует немедленного официального разъяснения со стороны Верховного Суда РФ, подобно тому как ранее этот судебный орган признал лишенным доказательственного значения такой документ, широко составляемый до сих пор, как акт применения собаки-ищейки на месте происшествия.

Один из опрошенных в ходе ДФИ получил информацию, свидетельствующую о том, что он был осведомлен о поставках партии наркотиков. Для того чтобы конкретизировать сведения, была продолжена работа по вопросам, касающимся ее нахождения. Проведя ряд тестов, было установ-

лено, что данная партия наркотиков находится в городе Н.

Кроме того, в результате ряда УФО удалось проверить версии, выдвинутые следствием на начальном этапе расследования, уточнить роли каждого из подозреваемых по данному уголовному делу и получить информацию о наличии других участников организованной преступной группы, которые еще не задержаны правоохранительными органами и продолжают осуществлять преступную деятельность (Шумилов, 1999. С. 56).

Основная причина, по которой научные дебаты о достоверности полиграфа приводят к противоречивым выводам, заключается в том, что достоверность такой сложной процедуры очень трудно оценить, она может сильно варьироваться от одного применения к другому. Точность, полученная в одной ситуации или исследовании, не может быть обобщена на другие ситуации или на различные типы испытуемых. Научно приемлемые исследования по тестированию на полиграфе сложно проектировать и проводить.

Сторонники полиграфа утверждают, что были проведены тысячи проверок, которые подтверждают его полезность в криминальных или скрининговых ситуациях. Однако заявления о полезности часто зависят от информации полученной до или после фактического испытания, и от ее воспринимаемой ценности в качестве сдерживающего фактора (Китаев, Китаева, 2002. С. 179).

В центре внимания технического меморандума ОТА был вопрос – является ли проверка на полиграфе полезной и есть ли научная основа для ее использования. ОТА пришел к выводу, что, хотя есть некоторые доказательства обоснованности проверки на полиграфе, как дополнения к типичным уголовным расследованиям конкретных инцидентов, и более ограниченные доказательства, когда такие расследования распространяются на случаи несанкционированного раскрытия. Однако существует очень мало исследований или научных доказательств для установления достоверности проверки на полиграфе при крупномасштабном скрининге в рамках расследова-

ний несанкционированного раскрытия информации или в ситуациях проверки безопасности персонала.

Таким образом, можно выделить наиболее значимые аспекты использования полиграфа при расследовании преступлений. Они должны включать тщательный анализ и разработку наиболее оптимальной последовательности проведения ПФИ для подозреваемых с учетом того, что нижние звенья преступной цепи наименее защищены от разоблачения. Их тактически сбалансированное исследование позволит получить информацию, необходимую для выявления членов среднего и старшего звена, а также для создания полной картины. При подготовке к ПФИ специалист должен детально

Библиографический список

- Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1988. Кн.1. С. 696–701.
- Белюшина О.В., Кокорав Д.А. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа // Адвокат. 2005. № 7. С. 50.
- Зинкевич И.Б. Проблемы использования полиграфа при расследовании преступлений в ПНР // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. [Сб. статей]. Киев: Изд-во КВШ МВД СССР, 1980. С. 194–195.
- Исаева Л.М. Использование психологических методов в сфере уголовного судопроизводства // Юридический консультант. 2005. № 9. С. 25–28.
- Китаев Н.Н. Психофизиологическая экспертиза – грубое нарушение инструкции о порядке применения полиграфа при опросе граждан // Российский следователь. 2007. № 3.
- Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы практика перспективы. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. С. 179–182.
- Комиссарова Я.В., Сошников А.П. Заключение полиграфолога как источник доказательств // Актуальные проблемы современной криминалистики: сборник материалов международной научно-практической конференции. Симферополь, 2002. С. 68–69.
- Самойленко С. Василий Сайков на свободе // Областная газета. 2008, 9 сентября.
- Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период установления // Вестник криминалистики. 2008. № 1. С. 25.
- Шумилов А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий. М.: Юрист, 1999. С. 55–56.

изучить показания всех допрашиваемых лиц, отметить противоречия в них. Надо иметь как можно больше информации о личности обследуемого, других участников. Интересно отметить, что в связи с изменениями в технологии возможно преобразование аналоговых сигналов полиграфа в цифровую форму и, таким образом, использование компьютеризированных приборов. Такие устройства широко используются сегодня, и, хотя они изменили способ отображения физиологических данных (например, на мониторе компьютера, а не только на печатном листе), и в некоторой степени, как они анализируются, компьютеризированный полиграф по-прежнему является только регистрирующим инструментом.

References

- Karamzin N.M. (1988) History of the Russian state. Moscow: Nauka Publ. Book 1. Pp. 696–701. (In. Russ.)
- Belyushina O.V., Kokorav D.A. (2005) Psychophysiological expertise using a polygraph. *Advokat*. No.7. Pp. 50. (In. Russ.)
- Zinkevich I.B. (1980) Problems of using a polygraph in the investigation of crimes in the Polish People's Republic. *Teoriya i praktika sobiraniya dokazatel'stvennoi informatsii tekhnicheskimi sredstvami na predvaritel'nom sledstvii = Theory and practice of collecting evidentiary information by technical means during the preliminary investigation*. Sb. statei. Kiev: KVSh MVD SSSR Publ. Pp. 194–195. (In. Russ.)
- Isaeva L.M. (2005) The use of psychological methods in the field of criminal justice. *Yuridicheskii konsultant = Legal consultant*. No. 9. Pp. 25–28. (In. Russ.)
- Kitaev N.N. (2007) Psychophysiological expertise – a serious violation of the polygraph application instructions when interviewing citizens. *Rossiiskii sledovatel' = Russian law*. No. 3. (In. Russ.)
- Kitaev N.N., Kitaeva V.N. (2008) Expert psychological research in the criminal process: problems, practice, prospects. *Irkutsk: BGUEP Publ*. Pp. 179–182. (In. Russ.)
- Komissarova Ya.V., Soshnikov A.P. (2002) *Zaklyuchenie poligrafologa kak istochnik dokazatel'stv [A polygraphologist's conclusion as a source of evidence]*. *Aktual'nye problemy sovremennoi kriminalistiki: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Current issues of modern criminology: proceedings of international scientific and practical conference*. Simferopol'. Pp. 68–69. (In. Russ.)
- Samoilenko S. (2008) Vasilii Saikov at liberty. *Oblastnaya gazeta*. 9 sentyabrya.
- Kholodnyi Yu.I. (2008) Forensic-psychophysiological expertise with the use of a polygraph: the period of establishment. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*. No. 1. Pp. 25. (In. Russ.)
- Shumilov A.Yu. (1999) Legal basis of investigative and police operations. Moscow: Yurist Publ. Pp. 55–56. (In. Russ.)

Сведения об авторах

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, 720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44, Кыргызская Республика,
e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Архипова Анастасия Николаевна, заместитель директора по учебной работе Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: anastasia_dekanat@mail.ru

Туркова Валентина Николаевна, заместитель директора по научной работе Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Критерии авторства

Шамурзаев Т.Т. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Архипова А.Н. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Туркова В.Н. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' Credentials

Taalaibek T. Shamurzaev, Dr. Sci. (Juridical Sciences), Professor, Head of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Law Faculty of Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, 44 Kievskaya St., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic,
e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Anastasia N. Arkhipova, Deputy Director for Academic Affairs at Economics, Management and Law Institute, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, Russia,
e-mail: anastasia_dekanat@mail.ru

Valentina N. Turkova, Deputy Director for Research, at Economics, Management and Law Institute, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, Russia,
e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Criteria for Authorship

Shamurzaev T.T. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Arkhipova A.N. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Turkova V.N. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Педагогическая поддержка обучающихся – деятельность на границах социализации и индивидуализации личности

© И.С. Гомбоева

ГПОУ «Приаргунский государственный колледж», п. Приаргунск, Забайкальский край, Россия

Аннотация: Статья посвящена одному из гуманистических направлений отечественной педагогики – педагогической поддержке обучающихся. Традиционно она рассматривается как деятельность на границах социализации и индивидуализации личности. Эти процессы имеют разную сущность, но являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Основной личностной характеристикой воспитанника, включенного в процессы социализации и индивидуализации, является самостоятельность. Цель педагогической поддержки состоит в устранении препятствий, мешающих его самостоятельному продвижению в различных видах деятельности. Ведущими направлениями педагогической поддержки являются личностная и индивидуальная. Первая предполагает оказание дифференцированной помощи в обучении и личностном развитии. Вторая – в поддержке в конкретной жизненной ситуации, с которой воспитанник самостоятельно справиться не может. В качестве основного средства общения педагога и обучающегося в условиях поддерживающей деятельности выступает диалог. С его помощью осуществляется не только познание другого человека, но и самого себя. В процессах социализации-индивидуализации происходит оформление «образа Мира» и «образа Я» личности посредством аксиологизации окружающего пространства. Педагогическая поддержка в этом случае представляется, как помощь молодому человеку в выборе «подлинных» ценностей, как соиздание воспитанником своего внутреннего мира на основе усвоенных ценностей, как создание условий для овладения определенными способами выхода из конфликта.

Ключевые слова: индивидуализация обучающийся, педагогическая поддержка, самостоятельность, социализация, проблемы, трудности

Информация о статье: Дата поступления 6 марта 2019 г.; дата принятия к печати 10 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Гомбоева И.С. Педагогическая поддержка обучающихся – деятельность на границах социализации и индивидуализации личности. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. С. 128–134.

Pedagogical support of students – activities at the boundaries of an individual's socialization and self-dependence

© Irina S. Gomboyeva

Priargunsk State Colleg, Priargunsk, Zabaykalsky Krai, Russia

Abstract: The article is devoted to one of the humanistic directions of national pedagogy – pedagogical support. Traditionally, pedagogical support of students is considered as an activity on the boundaries of socialization and self-dependence of the person. The processes of socialization and individualization have different essence, but are interrelated and interdependent. The main personal characteristic of the pupil included in the processes of socialization and individualization is his independence. The purpose of pedagogical support is to eliminate obstacles to his self-promotion in various activities. The leading areas of pedagogical support are personal and individual support. Personal support involves providing students with differentiated assistance in learning and personal development. The individual one means support in a particular life situation when the pupil can not do things on his\her own. The main communication tool of a teacher and a student in the conditions of the supporting activity is a dialogue. It helps to get to know not only another human, but also him\herself. In the processes of socialization-individualization the «World image» and «self-image» are established by means of axiologization of environment. Pedagogical support in this case is provided, as a help for a young person to choose true values, as his\her creation of his\her inner world on the basis of the adopted values, as the creation of conditions to find the solutions of the conflict.

Keywords: personalization, student, pedagogical support, self-dependence, socialization, problem, difficulty

Article info: Received March 6, 2019; accepted for publication April 10, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Gomboyeva I.S. (2019) Pedagogical support of students – activities at the boundaries of an individual's socialization and self-dependence. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 4. No. 2. Pp. 128–134. (In Russ.)

Природа человека многомерна и становление его протекает в условиях синтеза двух составляющих – внешних обстоятельств и внутренних личностных ресурсов. Вопрос о соотношении социального и индивидуального исследуется различными гуманитарными науками в контексте изучения процессов социализации и индивидуализации.

Соотнося рассматриваемые феномены, Д.И. Фельдштейн (Фельдштейн, 2014) под социализацией понимает процесс вхождения человека в мир конкретных социальных связей и освоение им социального как всеобщей характеристики человечества. Это осознание и присвоение воспитателем социокультурных достижений общества обеспечивает индивидуализацию, поскольку только в общественных контактах, диалоге, в самоопределении в социокультурном пространстве и происходит рефлексия, развивается самосознание личности. В связи с этим, указывает ученый, чем больше растущий человек социализируется, тем в большей степени он индивидуализируется. Под индивидуализацией он понимает постоянное открытие, утверждение и формирование человеком себя как субъекта (Фельдштейн, 2014).

Педагогической концепцией, возникновение и развитие которой базируется на синтезе гуманистических идей отечественных и зарубежных исследователей, и представляющей системообразующую основу, объединяющую и гармонизирующую противоположные процессы социализации и индивидуализации, является педагогика поддержки.

Направления педагогической поддержки

К настоящему времени оформились основные направления в системе взглядов на педагогическую поддержку. Первое – предполагает личностную педагогическую поддержку, второе – связано с индивидуальной педагогической поддержкой.

В русле культурологической концепции образования Е.В. Бондаревской (Бондаревская, 2000) личностная педагогическая поддержка представляется в виде оказания дифференцированной помощи воспитанникам в их обучении и личностном развитии.

То есть, главным ориентиром образования является личность, становление которой осуществляется в контексте общечеловеческих ценностей мировой и национальной духовной культуры.

К основным характеристикам образования, нацеленного на личность, относятся: диалогичность; деятельностно-творческий характер; поддержка личностного развития обучаемого; предоставление воспитателю необходимого пространства свободы для принятия самостоятельных решений, творчества, выбора содержания и способов обучения и поведения.

Индивидуальная педагогическая поддержка состоит в оказании помощи обучающимся в конкретной жизненной ситуации, с которой воспитанник самостоятельно справиться не может в силу субъективных или объективных причин.

Итак, основополагающей личностной характеристикой воспитанника, включенного в процессы социализации и индивидуализации, является его самостоятельность, а цель педагогической поддержки состоит в минимизации или полном устранении препятствий, мешающих успешному самостоятельному продвижению обучающегося в образовании.

Проблема личности – квинтэссенция педагогической поддержки

Отправной точкой как в личностной, так и в индивидуальной педагогической поддержке считается проблема воспитанника, препятствующая его самоопределению и самореализации в какой-либо деятельности. Сферы возникновения могут быть различными: здоровье, учение, общение, творчество, досуг, труд и др.

Анохиной Т.В. разработан подход к классификации препятствий, с которыми молодые люди сталкиваются в процессе обучения, воспитания и саморазвития. Согласно данному подходу, основу возникновения препятствий составляет «недостаточность». Она имеется в самом субъекте (личности) или окружающей социальной среде, а также в материальных и иных условиях (Анохина, 2000. С. 63–81).

Одной из причин появления препятствий первой группы – субъективных (лич-

ностных), по мнению автора, является отсутствие у обучающихся информации для выполнения самостоятельного действия. В этом случае помощь со стороны педагога заключается в предоставлении воспитанникам необходимой информации или обучении способам ее поиска.

Еще одним проявлением личностных препятствий является препятствия-трудности. С ними молодые люди могут справиться самостоятельно, поскольку обладают необходимыми для этого качествами и способностями. Однако преодоление требует дополнительного напряжения волевых, интеллектуальных, моральных сил. Предметом педагогической поддержки в этом случае выступает потребностно-мотивационная сфера личности.

Третьим компонентом субъективных (личностных) препятствий в классификации Анохиной – это препятствия-проблемы. Они заключаются в отсутствии у человека знаний, умений, опыта, способов деятельности или общения, а также недостаточном развитии в физическом и психическом плане. Решение предполагает использование личностью новых средств, способов для их устранения.

Таким образом, источником субъективных (личностных) препятствий являются компоненты личностной структуры воспитанников: эмоционально-волевой, потребностно-мотивационной, когнитивной, поведенческой и др. В преодолении обозначенных препятствий важную роль играют индивидуальные признаки человека, развитие которых, с одной стороны, является целью педагогической поддержки, с другой – ее необходимым условием (Бедерханова, 2000. С. 39–50). К таким признакам человека В.И. Гинецинский относит совесть, самореализацию, саморегуляцию, самообладание, самочувствие, самосознание, самоопределение, самоидентификацию, самооценку, самоактуализацию (Гинецинский, 2006. С. 11–15).

Препятствия второй группы носят название социальных и связаны со средой, окружающей человека, включающей

микро-, мезо-, макро- и мегафакторы социализации¹.

Мудрик А.В. микрофакторами социализации называет следующие: семью; соседство, как общность, имеющую отношение к определенному месту проживания; группы сверстников; компьютер как средство, расширяющее коммуникативные и познавательные возможности человека; образовательные и другие виды организаций. В качестве мезофакторов социализации ученым выделяются: регионы как составные части страны, государства; средства массовой коммуникации; субкультуры; различные виды поселений (село, город, поселок). К макрофакторам, влияющим на социализацию человека, относятся: страна как географическо-культурный феномен; этнос; общество как политолого-социологическое понятие; государство как политическая система общества; различные социальные институты общества. Мегафакторы включают такие глобальные образования как космос, планета, мир, Интернет². Каждый из обозначенных факторов социализации характеризуется социокультурными особенностями, традициями, ценностями.

Третью группу составляют материальные препятствия, обусловленные как степенью материально-технического обеспечения образовательного процесса, так и материальным положением семьи обучающегося.

Таким образом, классификация препятствий с точки зрения характера источников их возникновения позволяет определить цели, задачи и направления педагогической поддержки в каждом из отдельных случаев.

Известен также другой подход к классификации проблем обучающихся, в основу которого положены особенности возраста и, как следствие, опасности, присутствующие конкретному периоду жизни человека. Автором данного подхода является А.В. Мудрик, который выделил три группы возрастных задач: естественно-культурные, социально-культурные и социально-психологические³.

¹ Мудрик А.В. Социализация человека: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. А.В. Мудрик. М: Академия, 2006. 304 с. Mudrik A.V. Human socialization: a textbook for students of higher educa-

tional institutions. A.V. Mudrick. M: Academy, 2006. 304 p.

² Там же Ibid

³ Там же Ibid

Каждая из них определяет особенности оказания индивидуальной помощи социализирующимся обучающимся в условиях образовательной организации.

В процессе решения естественно-культурных задач, по мнению ученого, необходимость индивидуальной помощи обуславливается возникновением у человека следующих проблем:

- укрепления здоровья; развития физических задатков;
- познания и принятия своего тела и происходящих изменений;
- осознания относительности норм маскулинности-феминности;
- усвоения полоролевого поведения, владения соответствующими нормами, этикетом и символикой.

В решении социально-культурных задач индивидуальная помощь оказывается при появлении проблем, связанных с:

- осознанием и развитием своих способностей, умений, установок, ценностей;
- приобретением знаний, умений, которые необходимы человеку для удовлетворения собственных потребностей;
- овладением способами взаимодействия с людьми;
- пониманием и восприимчивостью к проблемам семьи, группы, социума.

Решение социально-психологических задач предполагает оказание индивидуальной помощи при возникновении проблем, связанных с:

- самопознанием и самопринятием;
- самоопределением и самоактуализацией;
- развитием понимания и восприимчивости по отношению к себе и другим людям;
- адаптацией к условиям жизни;
- установлением позитивных взаимоотношений с окружающими, разрешением внутриличностных и межличностных конфликтов.

Таким образом, в приведенной классификации оказание индивидуальной помощи обучающимся должно осуществляться с учетом половозрастных особенностей человека, в условиях его личностного, социального, культурного становления.

Диалог в педагогической поддержке

Наиболее полно процессы социализации и индивидуализации личности развиваются в условиях педагогической поддержки, основанной на диалоге между педагогом и воспитанником (Газман, 2002).

Продуктивной для разработки проблемы диалога в поддерживающей деятельности педагога является мысль М. Бубера о восприятии человека человеком в ходе общения. Философом рассматриваются три способа восприятия. Первый – наблюдение, как запечатление образа наблюдаемого человека. Второй – созерцание, основанное на полной свободе, исключающей всякое напряжение. Созерцатель и наблюдатель характеризуются присутствием желания принять другого человека. Третий вид восприятия – проникновение. По мнению М. Бубера, именно в проникновении происходит зарождение диалога. Учитывая сущность диалогических отношений, ученый выделяет важное его качество – взаимную направленность внутреннего действия. Два участвующих в диалоге человека должны быть обращены друг к другу (Бубер, 1999).

Действительно, эффективность оказания помощи со стороны взрослого и желание ее принять со стороны обучающегося зависят от характера взаимного отношения. Поддержка начинается с взаимопонимания, взаимоуважения. Наличие формализма в общении между педагогом и воспитанником, отсутствие доверия влечет за собой сопротивление последнего педагогическим воздействиям. Уверенность педагога в своем авторитете, непринятие мнения обучающихся превращает поддержку в манипуляцию.

Нужно отметить, что совпадение позиций и мнений людей, вступающих в диалог и участвующих в нем, не является их целью. Ценность диалога в организации педагогической поддержки заключается в установлении «поля согласия» – области, в которой на добровольной основе выстраиваются действия равноправных партнеров (обучающегося и педагога) по решению проблемы. В этом смысле педагогическая поддержка приобретает характер деятельности по «выращиванию» субъектной позиции обучающегося (Михайлова, 2000. С. 51–57).

Включение обучающегося в диалог «внешний» приводит к постепенному развитию у него способности к диалогу «внутреннему». Процесс открытия личностью соотношения и соподчинения собственных мотивов, осмысления характера осуществляемых поступков оформляется в сознании человека, по мнению А.Н. Леонтьева, в виде «личностных смыслов», которые возникают в ситуациях столкновения позиций и предполагают выбор (Леонтьев, 2005).

Таким образом, в диалоге происходит не только познание другого человека, но и познание себя. Возникновение внутреннего диалога личности является началом ее духовного, нравственного саморазвития. В условиях педагогической поддержки диалог образует пространство личностных изменений воспитанника и взрослого (Крылова, 2000. С. 92–103).

Ценностные основания процессов социализации-индивидуализации

В процессах социализации-индивидуализации в сознании и самосознании личности происходит постепенное оформление «образа Мира» и «образа Я». В этом случае интерес вызывает педагогическая концепция А.В. Мудрика, в основе которой лежит развивающаяся система отношений воспитанника, с одной стороны, к миру, и с миром, а с другой – к себе и с самим собой⁴.

Доминантой сознания личности, которая включает в себя представление о мире вещей, явлениях природы, социальной жизни, о достижениях культуры и техники, межличностных отношениях в трудовой и профессиональной деятельности является «образ Мира». В качестве продукта самосознания личности, состоящего из представлений индивида о самом себе, о своих моральных качествах, способностях, чертах характера, социальных возможностях, успехах и неудачах в общении и деятельности, особенностях отношений с близкими и друзьями, с педагогами; представлений о том, как к его качествам относятся другие люди,

выступает «образ Я».

Оформление «образа Мира» происходит в процессе интериоризации человеком ценностей, норм, способов деятельности и общения при его вхождении в социокультурное пространство. Причем, культура первоначально не является для субъекта абстрактным явлением, а раскрывается в общении, в совместной деятельности, в виде образцов поведения других людей. Приобщение к культуре происходит в процессе общения человека с конкретными людьми (Мухина, 1999).

В диаде «обучающийся-педагог» взрослый выступает в качестве посредника между взрослеющим человеком и социокультурными ценностями. Взаимосвязь личности воспитанника и социокультурного пространства задается ценностными ориентациями человека, которые представляют основной «канал усвоения духовной культуры общества, превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы поведения людей (Кирьякова, 1991).

Во взаимоотношении личности и культурных ценностей А.Я. Флиер выделяет три уровня: восприятие, переживание, интерпретацию⁵. Продуктом восприятия, как исходной формой чувственного познания, является субъективный образ предмета, процесса или явления. На восприятие человеком ценностей оказывает влияние воспитание, рассматриваемое в качестве условия «приобщения» личности к социокультурным ценностям (Каган, 1988). Момент переживания связан с эмоциональными проявлениями личности и возникает тогда, когда личный жизненный опыт и ценности не совпадают или находятся в противоречии. В этом случае человек попадает в ситуацию выбора. Причем особую трудность для него, подчеркивает А.В. Гулыга, представляет процесс отличия подлинных ценностей от мнимых (Гулыга, 2000). В связи с этим, актуальность приобретает помощь взрослого человека воспитаннику в выборе тех или иных ценностей. Интерпретация предполагает осмысление ценностей человеком. В этом

⁴ Мудрик А.В. Социализация человека: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2006. С. 296–298. Mudrik A.V. Human socialization: a textbook for students of higher educational institutions. M.: Academy, 2006. P. 296–298

⁵ Флиер А.Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов. М.: Академический проект, 2000. 496 с. Flier A.Ya. Culturology for culturology students: a textbook for undergraduates and graduate students. M.: Academic project, 2000. 496 p.

случае воспитанник становится «не только рецептором культуры, тем драгоценным сосудом, который щедрые взрослые наполняют до краев «разумным, добрым, вечным», но и самостоятельным источником неподражательных, добрых и разумных дел, существом, ответственным за собственное развитие» (Цукерман, 1995. С. 16–17).

Обучающийся рассматривается в качестве субъекта социокультурного пространства. Культура в становлении человека, как субъекта предоставляет ему выбор, а педагог – поддержку в выборе и принятии (переживании) ценностей. На основе принятых ценностей происходит выстраивание воспитанником системы смыслов, оформленной в виде «образа Я».

В условиях педагогической поддержки осуществляется взаимопроникновение двух систем (миров) – макро (с ее культурой, нормами, ценностями) и микро – человека, который, сталкиваясь с другой системой, стоит перед проблемой сохранения себя как уникальной единицы. Педагогическая поддержка обеспечивает созидание воспитанником своей микросистемы на основе присвоенных ценностей. Результатом становится оформление ценностной основы самосознания, которая предполагает осмысление личностью социокультурных ценностей, ее самосовершенствование в контексте осмысленных ценностей и конструирование на их основе позитивных межличностных отношений и поведения.

Особую актуальность педагогическая поддержка приобретает в ситуации конфликта между взаимодействующими микро- и макросистемами, несовпадением ценностей личности с ценностями внешнего мира. В этом случае педагогическая поддержка заключается в создании

условий для овладения культурными способами выхода из конфликта.

Выводы

Итак, на основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Процессы социализации и индивидуализации личности, обладая разной сущностной природой, взаимосвязаны и взаимообусловлены.

2. «Встреча», взаимное равновесие и гармония социализации и индивидуализации личности происходит в условиях педагогической поддержки обучающихся.

3. Цель педагогической поддержки – устранение препятствий, мешающих успешному и самостоятельному продвижению обучающегося в учении, воспитании и саморазвитии.

4. Направление вектора педагогической поддержки определяется проблемой (трудностью, препятствием), которые возникают перед обучающимися в различных жизненных ситуациях.

5. Через диалогичность общения педагога и обучающегося в условиях педагогической поддержки происходит социализация и индивидуализация последнего.

6. В системе «социализация-индивидуализация» оформляется «образ Мира» и «образ Я» личности посредством аксиологизации окружающего пространства. Педагогическая поддержка в этом случае рассматривается как помощь взрослого человека воспитаннику в выборе «подлинных» ценностей, как созидание воспитанником своего внутреннего мира на основе присвоенных ценностей, как создание условий для овладения культурными способами выхода из конфликта.

Библиографический список

- Анохина Т.В. Педагогическая поддержка как реальность современного образования // *Классный руководитель*. 2000. № 3. С. 63–81.
- Бедерханова В.П. Педагогическая поддержка индивидуализации ребенка // *Классный руководитель*. 2000. № 3. С. 39–50.
- Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского педагогического университета, 2000. 352 с.
- Бубер М. Два образа веры. М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. 529 с.

References

- Anokhina T.V. (2000) Pedagogical support as a reality of contemporary education. *Klassnyi rukovoditel' = Class master*. No. 3. Pp. 63–81. (In Russ.)
- Bederkhanova V.P. (2000) Pedagogical support for individualization of the child. *Klassnyi rukovoditel' = Class master*. No. 3. Pp. 39–50. (In Russ.)
- Bondarevskaya E.V. (2000) *Theory and practice of student-centered education*. Rostov n/D.: Rostovskii pedagogicheskoi universitet Publ. 352 p. (In Russ.)
- Buber M. (1999) *Two images of faith*. Moscow: ООО «Firma «Izdatel'stvo AST» Publ. 529 p. (In Russ.)

Газман О.С. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы. М.: МИРОС, 2002. 296 с.

Гинецинский В.И. Индивидуализация как тип образовательной стратегии // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2006. № 6 (1). С. 11–15.

Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии: пятьдесят лет на Волхонке. СПб: Алтейя, 2000. 447 с.

Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.

Кирьякова А.В. Ориентация школьников на социально значимые ценности: теория и диагностика. Л.: ЛГПИ, 1991. 84 с.

Крылова Н.Б. Педагогическая, психологическая и нравственная поддержка как пространство личностных изменений ребенка и взрослого // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 92–103.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.

Михайлова Н.Н. Свободоспособность как результат развития субъектности ребенка в процессе педагогической поддержки // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 51–57.

Мухина В.С. Психология детства и отрочества. М.: ИПП, 1998. 448 с.

Фельдштейн Д.И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. 670 с.

Цукерман Г.А. Психология саморазвития: задача для подростков и педагогов. Рига: Эксперимент, 1995. 345 с.

Gazman O.S. (2002) Non-classical education: from authoritarian pedagogy to the pedagogy of freedom. Moscow: MIROS Publ. 296 p. (In Russ.)

Ginetsinsky V.I. (2006) Individualization as a type of educational strategy. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty* = *Scholarly notes of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*. No. 6 (1). Pp. 11–15. (In Russ.)

Gulyga A.V. (2000) Aesthetics in the light of axiology: fifty years at Volkhonka. Sankt-Peterburg: Alteiya Publ. 447 p. (In Russ.)

Kagan M.S. (1988) The world of communication: the problem of intersubjective relations. Moscow: Politizdat Publ. 319 p. (In Russ.)

Kir'yakova A.V. (1991) Schoolchildren's orientation towards socially significant values: theory and diagnostics. Leningrad: GPI Publ. 84 p. (In Russ.)

Krylova N.B. (2000) Pedagogical, psychological and moral support as a space of personal changes of a child and an adult. *Klassnyj rukovoditel'* = *Class master*. No. 3. Pp. 92–103. (In Russ.)

Leont'ev A.N. 2005. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Smysl, Akademiya Publ. 352 p. (In Russ.)

Mikhajlova N.N. (2000) Ability to be free as a result of development of the child's subjectivity in the process of pedagogical support. *Klassnyj rukovoditel'* = *Class master*. No. 3. Pp. 51–57. (In Russ.)

Mukhina V.S. (1998) Psychology of childhood and adolescence. Moscow: IPP Publ. 448 p.

Feldshtein D.I. (2004) Psychology of growing up. Structural and informative characteristics of the process of personality development. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut Publ. 670 p. (In Russ.)

Tsukerman G.A. (1995) Psychology of self-development: the task for adolescents and teachers. Riga: Eksperiment Publ. 345 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Гомбоева Ирина Сергеевна, кандидат педагогических наук, преподаватель ГПОУ «Приаргунский государственный колледж»
Россия, 674310, п. Приаргунск, Забайкальский край, ул. Чернышевского, 1А,
e-mail: gomboevai@mail.ru

Author's Credential

Irina S. Gomboyeva, Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), Educator of Priargunsk State College
1A Chernyshevsky St, Priargunsk, Zabaykalsky Krai, 674310, Russia,
e-mail: gomboevai@mail.ru

Критерии авторства

Гомбоева И.С. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Gomboyeva I.S. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Парадигмы социально-культурной анимации в истории педагогики

© А.В. Дмитриева

Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Россия

Аннотация: В статье рассматривается недавно появившийся термин «анимация», который возник во Франции в середине XX века и рассматривался как неформальная педагогика и психология, где посредником между ребенком (подростком) и родителями выступал аниматор (мастер своего дела). Анимация выполняла ряд важных функций, таких как рекреация, адаптация, релаксация, коррекция и коммуникация. На данный момент функции расширились, появились – развлекательная, гедонистическая и регенерирующая. Отличительной чертой анимации от остальных социальных практик является не принуждение участников к действию, а свобода выбора и доброжелательная обстановка. Одной из самых ярких видов анимации считается социально-культурная, она является относительно молодой отраслью социальной педагогики и социальной психологии. Социально-культурная анимация в истории педагогики приобщала и на сегодняшний день продолжает приобщать человека к гуманистическим идеалам и ценностям. Социокультурная анимация представляет собой самоорганизующуюся педагогическую систему, субъектом которой непосредственно являются общественные объединения аниматоров, имеющие основную цель актуализировать духовные потребности личности, привлечь к активному творческому процессу и действию. Данная работа основывается как на опыт видных зарубежных ученых в анимационной деятельности, так и на отечественных исследователях социально-культурной анимации, которые рассматривают это явление, начиная с середины XX века и до наших дней.

Ключевые слова: педагогика, социально-культурная анимация, аниматор, творчество, досуг, социально-культурная деятельность, культурно-просветительная работа, культурно-досуговая деятельность

Информация о статье: Дата поступления 13 мая 2019 г.; дата принятия к печати 15 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Дмитриева А.В. Парадигмы социально-культурной анимации в истории педагогики. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 135–139.

Paradigms of social and cultural animation in the history of pedagogy

© Anna V. Dmitrieva

Krasnodar state Institute of culture, r. Krasnodar, Russia

Annotation: The article deals with the relatively recent term "animation", which originated in France in the middle of the 20th century, and was considered as informal pedagogy and psychology, where an animator (master of his craft) acted as an intermediary between a child (adolescent) and parents. The animation performed a number of important functions, such as recreation, adaptation, relaxation, correction, and communication, functions have been expanded at the moment, and over time, entertainment, hedonistic, and regenerating functions have appeared. A distinctive feature of animation from other social practices is not forcing participants to action, that is, freedom of choice and friendly atmosphere. One of the brightest types of animation is socio-cultural animation, it is one of the relatively young branches of social pedagogy and social psychology. Socio-cultural animation in the history of pedagogy has attached and today continues to familiarize people with humanistic ideals and values. Socio-cultural animation is a self-organizing pedagogical system, the subject of which is directly the public associations of animators, whose main goal is to actualize the spiritual needs of the personality of the population, to engage in an active creative process and action. This work is based both on the experience of prominent foreign scientists in the animation activity, and on domestic researchers of social and cultural animation, who have been considering this phenomenon since the mid-20th century to the present day.

Keywords: pedagogy, socio-cultural animation, animator, creativity, leisure, socio-cultural activities, cultural and educational work, cultural and leisure activities

Article info: Received May 13, 2019; accepted for publication May 15, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Dmitrieva A.V. (2019) Paradigms of social and cultural animation in the history of pedagogy. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 4. No. 2. Pp. 135–139. (In Russ.)

Если рассматривать понятие «анимация» в педагогическом контексте, то это направление социальной деятельности, ориентированное на реализацию профессиональных действий специалиста (аниматора) с целью оздоровления социального климата, создания атмосферы креативности, оказания помощи людям в адаптации к социальным изменениям, содействие их интеграции в социально-культурное пространство, побуждение к взаимодействию через привлечение к просоциальной деятельности. Понятие «социально-культурной анимации» появилось во Франции после Второй мировой войны и имеет схожесть с теорией социально-воспитательной среды. Одними из главных причин развития концепции анимации были: понижение общественной активности как в городах, так и в сельских местностях, необходимость активизации воспитательного потенциала социально-культурного пространства ребенка, подростка, а также и молодежи. Анимация в теории предоставляет возможность объективно охарактеризовать цели социально-культурной деятельности, обозначить внутреннюю сторону взаимоотношений субъектов педагогического процесса, выражающиеся как специфические способы осуществления диалогов, коммуникаций, которые наполнены эмпатией, сочувствием, содействием, соучастием.

Термин «аниматор» непосредственно был введен для характеристики организаторов деятельности детей в свободное от учебы время и использовался как идея педагогизации досуга. Другими словами, чтобы свободное время детей и подростков имело четкий сценарий действий, а не было хаотично и непредсказуемо. Одна из отличительных черт анимационной деятельности – это не принуждение участников, а предоставление свободы, но в ограниченных рамках. Далее французские педагоги (в частности, Р. Торайя) пришли к выводу, что педагогическая анимация включает не только внешкольную и внеурочную деятельность школьника, однако, современные педагоги стремительно вводят в учебно-воспитательный процесс и активно внедряют элементы анимационной деятельности, при этом выполняя задания по основному предмету.

Со временем происходит развитие в

плане осмысления анимации в таком направлении: от категории социально-культурной непосредственно к социально-педагогической. На Первом национальном конгрессе по вопросам анимации (1966 г.), социолог Ж.-П. Имоф в своем отчете обозначил анимацию как деятельность в коллективе или с коллективом, нацеленную на формирование взаимодействия внутри этой группы с использованием методов прямого участия и интеграции.

Основной функцией анимации, по мнению ученых, стала адаптация личности к новым формам социальной жизни с учетом таких аспектов как работа по адаптации и развитию личности, коллектива. Ведь личность не может существовать вне коллектива, если мы воздействуем на нее, то мы влияем и на коллектив. Прослеживается, как анимация со временем обретает свойства методологии, установления взаимоотношений между людьми и их связей с культурой на разных уровнях ее выражения. Иногда это приводит к таким последствиям, что анимацию воспринимают как развлечение и не более того. Данная статья направлена на то, чтобы доказать, что социально-культурная анимация носит не только развлекательный характер, в этом как раз и заключаются парадигмы данной деятельности.

Безнар П., известный французский ученый, подчеркнул, что анимация является синтезом разных и сложных научных областей, таких как психология, история, социология, политология и др.

Ценности гуманизма являются методологией социально-культурной анимации во Франции. Они нашли свое отражение в философии Просвещения, в немецкой классической философии. Анимационное движение испытало на себе влияние многих философских, материалистических течений, в их числе марксизм, неотомизм. Но основой можно считать именно идеализм, как наличие духовного мира за пределами мира материального, как осознание себя вне материи, но гораздо шире и объемней.

Данные исследования дают возможность рассматривать философию персонализма в качестве одного из основных идейных источников социокультурной анимации XX века. Социально-культурная анимация выросла из движения «народное

воспитание», которое занималось культурным образованием взрослых. Можно говорить также о влиянии на анимацию движения («новое воспитание»), использующего методы активной педагогики в работе с детьми и подростками.

Опираясь на труды В.Г. Бочаровой, О.С. Газмана, Г.А. Евтеевой, А.В. Мудрика, В.И. Пименовой, В.В. Полукарова, Э.В. Соколова, Б.А. Титова и др. можно констатировать, что культурно-досуговая деятельность детей, подростков и молодежи выполняет такие функции:

1. Рекреационную.
2. Коммуникативную.
3. Когнитивную.
4. Креативную.
5. Духовную.

Особое место в рассмотрении проблемы педагогической организации детско-юношеского досуга занимает теория социального воспитания. А.В. Мудрик, который определяет социальное воспитание как «вращивание человека в процессе планомерного создания условий для позитивного развития и духовно-ценностной ориентации» (Мудрик, 2006. С. 145). В одной из последних работ в качестве особого источника социального воспитания личности автор выделяет «несформированные, но реализуемые в практике воспитания представления о том, в каких целях и каким образом одни субъекты стремятся повлиять на других в процессе воспитательного взаимодействия» (Мудрик, 2006. С. 145).

В исследованиях Р.Н. Азаровой, Е.В. Новаторова, В.В. Полукарова, Т.А. Ромм, С.Б. Серяковой, Н.Н. Ярошенко сделан подробный анализ историко-педагогического опыта непосредственно социально-воспитательной деятельности в области досуга детей и подростков в нашей стране. Так, например, Р.Н. Азарова констатирует, что в разные периоды советской педагогики воспитательная работа в сфере досуга называлась по-разному:

- внешкольное образование (до 1920 г.);
- политико-просветительская работа (с 1920 по 1970 гг.);
- культурно-просветительская работа (с 1970 по 1990 гг.);
- культурно-досуговая деятельность

(до середины 90-х годов);

- социально-досуговая деятельность (с середины 90-х годов).

Данный феномен связан с тем, что в советское время термин «досуг» практически не употреблялся, но интерпретировался в виде представленной терминологии.

Общие проблемы внешкольного образования, с которыми было связано воспитание в сфере досуга детей и подростков в 20-е годы XX века, отражены в работах П.П. Блонского, Н.К. Крупской, А.С. Макаренко, В.Н. Шацкого и других педагогов. В этот период досуговое воспитание идентифицировалось в теории и практике с политико-просветительской работой. В частности, по мнению Е.В. Новаторова, в советское время доминантой социально-организованного досуга становится политика. Связь просвещения с политикой надолго оставалась ведущим принципом политико-просветительской работы. (Новаторов, 1999. С. 109–114).

В трудах Р.Н. Азаровой обозначено, что после «культурно-просветительской работы» появилась «культурно-досуговая деятельность».

Далее происходит постепенная трансформация культурно-досуговой деятельности в социально-культурную, а затем в социально-досуговую (середина 50-х гг. XX века). Социально-досуговая деятельность становится непосредственно свободной от идеологических, политических, религиозных предпочтений общества и государства, предполагает достаточно высокий уровень избирательности в сфере свободного времени. Теория и практика культурно-досуговой, социокультурной и социально-досуговой деятельности, как отмечено выше, последовательно развивается и формируется в современной России (А.Д. Жарков, Л.С. Жаркова, Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников, М.А. Ариарский, Л.А. Гордон, А.А. Горбачев, Д.А. Горбачева, В.С. Садовская, С.Н. Иконникова, Л.Н. Кондратьева, В.Г. Лисовский, В.Е. Триодин, Н.Н. Ярошенко, Л.В. Янковская и др.).

В социально-педагогической теории и особенно в практике социально-воспитательной работы с детьми и подростками для обозначения профессии педагога досуга начинают употреблять термин «анимация».

Это понятие в русле социально-педагогического подхода непосредственно рассмотрено в трудах таких ученых как В.Г. Бочаровой, А.И. Лучанкина, А.А. Снятского, Ю.А. Стрельцова, Л.В. Тарасова, Н.Н. Ярошенко и др. Согласно суждению В.Г. Бочаровой, «анимация может рассматриваться как обеспечение процесса развития организованной группы и ее членов на уровне общественных отношений и культурного формирования в сфере свободного времени (Бочарова, 1994. С. 105).

Ромм Т.А. подчеркивает, что педагогический образ социального воспитания в современной науке формируется за счет осмысления роли и места различных педагогических феноменов, например, такого как социально-культурную анимация. А.И. Лучанкин и А.А. Снятский в своих исследованиях представляют анимацию непосредственно как культурно-досуговую работу с детьми, подростками, молодежью, для воспитания и, возможно, как дополнительное образование, используя средства культуры, искусства и общения.

Современный учёный Н.Н. Ярошенко определяет «социально-культурную деятельность как совокупность педагогических технологий, обеспечивающих интериоризацию культурных ценностей личностью и представляющих возможность сделать культурные ценности подлинной основой социального взаимодействия» (Ярошенко, 2005. С.12). Технология рассматривается как совокупность методов и способов для достижения поставленной цели и задач, но в отличие от методики, технология имеет свой индивидуальный аспект, другими словами – креативность каждого деятеля культуры и искусства.

Анимация использовалась в нашей стране как вид актерской деятельности, однако имело совершенно другое название. Творческие служащие в те времена назывались массовиками-затейниками. Они занимались не только анимационной деятельностью, но и проведением развлекательных и конкурсных программ на праздниках и разного рода мероприятиях. В процессе общественного развития в России, как и во многих зарубежных странах, стал расширяться рынок предоставления услуг в сфере досуга,

что привело к созданию целой индустрии. Слово «анимация» в русский язык вошло от заимствованного зарубежного слова, значение которого приводилось выше. Однако стоит отметить, что термин «анимация» используется и в других сферах, например, мультипликационного кинопроизводства. Только художники-мультипликаторы оживляют, приводят в действие и оживляют нарисованные на бумаге образы, а специалисты в сфере социально-культурной деятельности («воодушевляют») реальных людей на активизацию способностей, помогающих реализовать себя в свободное время.

Анимация сегодня отмечается новой ступенью в своем развитии, являясь одной из самых молодых наук, но уже активно применяемая на практике. Современная анимация на сегодняшний день имеет большое множество понятий. Социально-культурная анимация – это специфическая модель организации СКД, представленная в качестве:

– элементов, постоянно воздействующих друг с другом. Это наличие самих аниматоров, целевой и фактической аудитории, добровольческих ассоциаций, занимающихся некоммерческой деятельностью по оказанию развлекательных услуг, анимационных организаций и учреждений, а также государственных органов, управляющих всеми ими;

– единство занятий, видов деятельности и отношений, отвечающих интересам людей в свободное от профессиональной деятельности время;

– психологическая помощь в социализации и инкультурации, так как аниматоры должны обладать специальной подготовкой и использовать, как правило, методы активной педагогики.

Следовательно, социокультурная анимация – это самоорганизующаяся педагогическая концепция, субъектом которой можно определить общественные объединения аниматоров целью которых является актуализацию духовных потребностей детей, подростков и молодежи. Социально-культурную анимацию можно считать эффективным педагогическим методом в процессе воспитания подрастающего поколения, нацеленности на индивидуальный подход к каждому человеку, открытия и развития

личностных качеств, умений и способностей, формирования мировоззрения. Парадигмальный подход позволил широко охва-

Библиографический список

- Драгичевич-Шешич М. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск: Тигра, 2000. 165 с.
- Бочарова В.Г. Педагогика социальной работы. М.: Аргус, 1994. 208 с.
- Ганьшина Г.С. Социально-культурная анимация: от идеи к воплощению. Тамбов: ТГУ, 2010. 67 с.
- Горбачев А.А., Дмитриева А.В. Педагогические возможности туризма как средство воспитания коллективизма у детей и подростков // Курорты. Сервис. Туризм. Краснодар: КСЭИ, 2015. № 1 (26). С. 107–109.
- Жарков А.Д. Технология культурно-досуговой деятельности. М.: Изд-во МГУК, ИПО «Профиздат», 2002. 288 с.
- Жарков А.Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности: учебник для студентов вузов культуры и искусств. М.: Издательский дом МГУКИ, 2007. 480 с.
- Крупская Н.К. Избранные педагогические произведения. М.: Просвещение, 1968. 695 с.
- Курило Л.В. Теория и практика анимации: Теоретические основы туристской анимации. М.: Советский спорт, 2006. 195 с.
- Макаренко А.С. О воспитании. М.: Политиздат, 1988. 256 с.
- Мудрик А.В. Основы социальной педагогики. М.: «Академия», 2006. 205 с.
- Новаторов В.Е. 1999. Современные технологии культурно-досуговой деятельности: состояние, проблемы, перспективы развития. // Вестник Омского университета. № 3. С. 109–114.
- Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1979. 558 с.
- Тарасов Л.В. Формирование жизненной устойчивости инвалидов в процессе социокультурной анимации в учреждении культуры. М.: МГУКИ, 2005. 192 с.
- Фельдштейн Д.И. Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века // Российский психологический журнал. 2013. № 2. С. 7–31.
- Ярошенко Н.Н. Социально-культурная анимация. М.: МГУКИ, 2005. 126 с.

Сведения об авторе

Дмитриева Анна Вячеславовна, старший преподаватель Краснодарского государственного института культуры, факультета социально-культурной деятельности и туризма, кафедры социально-культурной деятельности. ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», Россия, 350072, Краснодар, ул. 40-летия Победы, 33.
e-mail: annmarina@mail.ru

Критерии авторства

Дмитриева А.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

тить социально-культурную анимацию в истории педагогики и подробно проанализировать данную деятельность.

References

- Dragichevich-Sheshich M. (2000) Culture: management, animation, marketing. Novosibirsk: Tigra Publ. 165 p. (In. Russ.)
- Bocharova V.G. (1994) Pedagogy of social work. Moscow: Argus Publ. 208 p. (In. Russ.)
- Gan'shina G.S. (2010) Socio-cultural animation: from idea to realization. Tambov: TGU Publ. 67 p. (In. Russ.)
- Gorbachev A.A., Dmitrieva A.V. (2015) Pedagogical tourism opportunities as a means of educating children and adolescents' collectivism. Kurorty. Servis. Turizm = Resorts. Service. Tourism. Krasnodar: KSJel Publ. No. 1 (26). Pp. 107–109. (In. Russ.)
- Zharkov A.D. (2002) Technology of cultural and leisure activities. Moscow: MGUK, IPO Politizdat Publ. 288 p. (In. Russ.)
- Zharkov A.D. (2007) Theory and technology of cultural and leisure activities: a textbook for students of Culture and Arts Universities. Moscow: MGUKI Publ. 480 p. (In. Russ.)
- Krupskaia N.K. (1968) Selected pedagogical works. Moscow: Prosveshhenie Publ. 695 p. (In. Russ.)
- Kurilo L.V. (2006) Theory and practice of animation: theoretical foundations of tourist animation. Moscow: Sovetskij sport Publ. 195 p. (In. Russ.)
- Makarenko A.S. (1988) About education. Moscow: Politizdat Publ. 256 p. (In. Russ.)
- Mudrik A.V. (2006) Fundamentals of social pedagogy. Moscow: Akademia Publ. 205 p. (In. Russ.)
- Novatorov V.E. (1999) Modern technologies of cultural and leisure activities: status, problems, development prospects. Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University. No. 3. Pp. 109–114. (In. Russ.)
- Suhomlinskij V.A. 1979. Selected pedagogical works. Moscow: Pedagogika Publ. 558 p. (In. Russ.)
- Tarasov L.V. (2005) Formation of physically challenged people's life sustainability in the process of socio-cultural animation in a cultural institution. Moscow: MGUKI Publ. 192 p. (In. Russ.)
- Fel'dshtein D.I. (2013) Issues of psychological and pedagogical sciences in the space-time situation of the XXI century. Russian Psychological Journal = Psychological Society Russian. No. 2. Pp. 7–31. (In. Russ.)
- Jaroshenko N.N. (2005) Socio-cultural animation. Moscow: MGUKI Publ. 126 p. (In. Russ.)

Author's Credential

Anna V. Dmitrieva, senior lecturer of Krasnodar State Institute of Culture, Faculty of Social and Cultural Activity and Tourism, Department of Social and Cultural Activity, 350072, Krasnodar State, Street 40 anniversary of Victory, 33, Russia
e-mail: annmarina@mail.ru

Criteria for Authorship

Dmitrieva A. Vyacheslavovna, has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Персонификация и определение структуры персонифицированного пространства как условия расширения возможностей личности

© И.А. Синицина

ГБОУ Стерлитамакская коррекционная школа для обучающихся с ОВЗ,
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия

Аннотация: В качестве основной задачи методологии педагогических исследований выступает выяснение сущности и углубление содержания наиболее важных на современном этапе психолого-педагогических явлений в их постоянном изменении и развитии. Направление исследований феномена «персонификация» имеет междисциплинарный характер и при разных подходах и исходных принципах тема персонификации представляется по-разному. В качестве основных при определении сущности персонификации и структуры персонифицированного пространства в данном исследовании используются метод феноменологического анализа, экзистенциальный, персонологический и системно-синергетический подходы. С позиции обозначенных подходов автором рассмотрены основные тенденции развития современной образовательной ситуации, изучена сущность категории «персонификация», виды и функциональные характеристики. Показано, что персонификация и ряд других феноменов, имеющих общие инвариантные признаки, создают логическую непротиворечивость в изучении важных образующих воспроизводства системной целостности человека и обеспечивающих развертывание его самости. Кроме того, актуально изложение авторского понимания персонифицированного пространства, обладающего свойством вариативности, как пространства расширения возможностей индивида. С позиции системно-синергетического подхода автором представлена структура персонифицированного пространства в виде трех компонентов-подпространств (психологического, социального и культурно-образовательного), а также их взаимосвязей. В качестве основных формально-динамических характеристик приводится иерархическая организация, многоуровневость, открытость границ, нелинейность развития, способность к самогенерации и самоорганизации, человекомерность и адаптивность. Проведенный автором теоретический анализ обеспечивает уточнение, обогащение терминов и понятий в педагогической науке и создает ориентиры для работы педагога-исследователя.

Ключевые слова: феноменология, феноменологический анализ, персонификация, персонифицированность, персонализация образования, персонификация, персоносфера, персонологический подход, экзистенциальный подход, экзистенциально-персонологическая образовательная парадигма, персонифицированное пространство

Информация о статье: Дата поступления 21 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 22 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Синицина И.А. Персонификация и определение персонифицированного пространства как условия расширения возможностей личности. *Социальная компетентность*. 2019. № 4. С. 140–146.

Personification and definition of the personalized space structure as a condition of an individual's empowerment

© Irina A. Sinitsyna

SBEI Sterlitamak special school for students with health limitations,
Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia

Annotation: As the main task of the methodology of pedagogical research is the elucidation of the essence and a deepening of the content of the most important psychological and pedagogical phenomena at the present stage in their continuous change and development. The direction of research of the phenomenon of "personification" has an interdisciplinary character and the topic of personification is presented in different ways according to different approaches and principles. The method of phenomenological analysis, existential, personological and system-synergetic approach are used in this study as the main methods in determining the essence of personification and the structure of personified space. From the position of the designated approaches the author considers the main trends in the development of the modern educational situation, studies the essence of the category "personification", types and functional characteristics. It is shown that personification and a number of other phenomena that have common invariant features create logical consistency in the study of important components of the reproduction of the systemic integrity of a human and ensure the deployment of selfhood. It is also relevant to present the author's understanding of the personified space, which has the property of variability as a space of individual empowerment. From the position of system-synergetic approach the author presents the structure of personalized space in the form of three components-subspaces (psychological, social, cultural and educational), as well as their interrelations. The main formal-dynamic characteristics of personalized space are hierarchical organization, multilevel, open borders, nonlinearity of development, the ability to self-generation and self-organization, human dimension and adaptability.

The theoretical analysis carried out by the author provides clarification, enrichment of terms and concepts in pedagogical science and creates guidelines for the work of the teacher-researcher.

Keywords: phenomenology, phenomenological analysis, personification, personalization of education, person sphere, personological approach, existential approach, existential personological educational paradigm, personalized space

Article info: Received April 21, 2019; accepted for publication April 22, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Sinitsyna I.A. (2019) Personification and definition of the personalized space structure as a condition of an individual's empowerment. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 4. No. 2. Pp. 140–146. (In Russ.)

Актуальность обращения к проблеме раскрытия сущности персонификации определяется наличием противоречий в представлениях о данном понятии, многообразием теоретических осмыслений, недостаточным освещением в научной литературе определенных аспектов обозначенного феномена. Одновременно глобальный и инновационный характер трансформаций, сопровождающий переход общества в новую стадию исторического развития, требует междисциплинарного подхода к изучению человека, особенностей его самоопределения и самореализации. Глубокое осмысление гуманистической позиции, согласно которой человек рассматривается как центр, высшая цель мироздания, «мера всех вещей», требует учета индивидуальной специфики развития, поскольку личность была и остается «загадкой как в техническом, так и социальном смысле» (Киященко, 2004. С. 549). Обозначенная позиция определяет необходимость обращения к методам и приемам, позволяющим изучить понятие «персонификация» с различных точек зрения, определить структурно-содержательные характеристики пространства самореализации и самоосуществления человека как личности.

Научная новизна состоит в попытке системного представления персонификации, определения структуры и характеристик персонифицированного пространства. В этом плане представляется целесообразным обращение к феноменологии, основной задачей которой является «познание полной системы образования сознания, конституирующих (имманентно) объектив-

ный мир» (Гуссерль, 2009. С. 298). В смысловых значениях феноменологии представлены значения слов *phainomenon* – явление, состояние, необычный исключительный факт и *logos* – учение о явлении, о сущности как абстрактной, так и реально существующей. Соответственно, под феноменологическим понимается анализ любого явления, понятия, ставшего реальностью и вошедшего в систему человеческой жизнедеятельности. Он включает в себя анализ явления с различных позиций: прошлого, смыслов и значений, формы и структуры, видов и типов проявления и функционирования, в аспекте взаимосвязей с другими явлениями. Феноменологический анализ раскладывает на составляющие то, что свободно проявляется, существует, самоопределяется¹.

В научной литературе накоплен определенный объем информации относительно теоретических и прикладных аспектов персонификации. Данное понятие широко используется в философии, психологии, педагогике, социологии.

Содержание понятия «персонификация» (от лат. *persona* – маска, личина, лицо и *facere* – делать) связывается, прежде всего, с представлениями, идущими от антропатизма (от греч. *ἄνθρωπος* – человек и *πάθος* – страсть, душевное переживание) – термина, предложенного немецким этнографом Ф. Шульце, и антропоморфизма, означающего представление предметов или воображаемых существ в человеческих образах². Более точная классификация подвидов персонификации представлена А.Р. Исаакян: «Собственно персонификация –

¹ Безрукова В.С. Основы духовной культуры: энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000. 937 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/index.htm> (дата обращения 22.09.2018). Bezrukova V.S. Fundamentals of spiritual culture: encyclopedic dictionary of the teacher. Ekaterinburg, 2000. 937 p. [Electronic resource]. URL:

<http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/index.htm> (appeal date 09/22/2018).

² Философская энциклопедия / глав. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская энциклопедия в 5 т. Т. 1. 504 с. Philosophical Encyclopedia / Chief ed. F.V. Konstantinov. M.: Soviet Encyclopedia in 5 volumes. V. 1. 504 p.

приписывание предметам и явлениям неживого мира специфических свойств и признаков человека; антропонимизация – наделение представителей фауны специфическими качествами человека, оживление – наделение предметов и явлений неживого мира свойствами и признаками одушевленных существ, исключая специфические черты человека» (Серебрякова, 2010. С. 67). Человек стремится материализовать, воплотить представления о мире и тем самым снять обезличенность и принципиальную непознаваемость многих явлений (жизнь – смерть, добро – зло, судьба, справедливость и т. д.). «Как только эффект образного выражения в описании состояния или события создается с помощью терминов мимодущей жизни, мы вступаем на путь персонификации», – отмечает Й. Хейзинга (Хейзинга, 2003. С. 135). К простейшим персонификациям относят мифологические рассуждения о возникновении мира и вещей, где персонификация выступает в качестве поэтического средства для образования священных, религиозных и других понятий, важной формой выражения человеческого духа. В акте персонификации объект восприятия наделяется личностным статусом, именем и образом.

Наряду с персонификациями, представления о мире находят воплощение в аллегориях, астрологической символике, ритуальных действиях, художественных образах, знаках, различных семантических полях. Серебрякова отмечает, что в некоторых источниках персонификация именуется обобщенно – «художественный прием», «термин», «изображение», «иносказание», а синонимами выступают одушевление, олицетворение, прозопопея, антропоморфная метафора (Серебрякова, 2010. С. 64).

Важно подчеркнуть, что раскрытие структурно-содержательной и функциональной сущности феномена «персонификация» предполагает рассмотрение ряда феноменов, имеющих общие инвариантные признаки и создающих логическую непротиворечивость в системе понятий.

Раскрытие субстанциональной сущности феномена «персонификация» достаточно характерно представлено у К.Г. Юнга. В процессе исследований, посвященных структуре бессознательного, он пришел к

мнению, что в одном и том же индивиду может существовать множество личностей. В зависимости от установки человек «пытается предстать в том или ином качестве или же он прячется под маской», рассчитанной на то, чтобы произвести на других определенное впечатление, а с другой – скрывать истинную природу индивида (Юнг, 2010. С. 270). Эту принятую установку К.Г. Юнг назвал «персоной» – термином, обозначающим маску античного актера. Персона рассматривается как один из архетипов души, дополняющий другие (тьма, анима, анимус, самость) и представляет собой комплекс функций, сформированный на основе приспособления или необходимого удобства, но не тождественный индивидуальности. Персона позволяет выполнять ту роль, которую общество ожидает от человека, но не та, которая осуществляется им на глубинном психологическом уровне. Это приводит к пониманию существования полифоничной самости, характеризующей человека, способного быстро реагировать на непрерывно трансформирующиеся реалии времени и не терять себя в этом неустойчивом бытии, уметь противостоять надвигающемуся хаосу, обеспечивать самоорганизацию, самонастрой и ощущать себя в качестве уникальной целостности.

Персонологический подход, как методология интердисциплинарного синтеза, предметом изучения определяет личность в ее гносеологических, онтологических и культурных аспектах. Здесь она анализируется в модусе персонального, внимание концентрируется на переходе человека от «бытия в мире и в себе» к «бытию в другом человеке», значащему для этого другого процесс персонализации или внутреннее соединение со значимой личностью (Петровский, Старовойтенко, 2012). В исследовании Г. Салливана персонификация представляет собой целостный образ себя и других людей, сформированный в процессе межличностного общения (Фрейдджер, Фейдимен, 2002). И в этом плане он выделяет следующие виды персонификации:

– «мать-плохая» – персонификация, которая рождается из младенческого опыта, приобретенного в процессе ненадлежащего ухода и основывается на восприятии младенцем тревожной и агрессивной матери;

– «мать-хорошая» – персонификация, основанная на восприятии доброй и спокойной матери, и пока ребенок не овладел речью, два противоположных образа могут сосуществовать друг с другом;

– «Я» – персонификация, связанная с представлением о себе и собственном теле. В зависимости от опыта общения и характера межличностного общения (поощрение или порицание) формируется персонификация «Я – хороший» или «Я – плохой»;

– «идол» (воображаемый друг) – персонификация, возникающая с целью удовлетворения потребности общения, повышения самооценки и формирования убежденности в самоэффективности. Присутствие «воображаемого друга» в аффективном поле ребенка позволяет трансформировать качественные оценки окружающего, придать положительный или отрицательный смысл различным ситуациям. Следовательно, под персонификацией понимаются образы, которые формируются у человека с момента рождения и с помощью которых он видит мир через собственное окно восприятия. Здесь особенно сильно проявляется экзистенциальная позиция, в центре которой внутренний субъективный мир личности, признание человеческого в человеке, безусловное уважение его индивидуальности, раскрытие глубинной сущности личности, сосредоточенность на тотальности личного переживания. Экзистенциализм признает важность применения феноменологического анализа к непреходящим проблемам человеческого существования; провозглашает человека творцом своей личности и субъектом своего образования; подчеркивает в феномене времени предопределяющее значение будущего и рассматривает его в связи с такими экзистенциалами как «проект», «жизненный мир», «надежда», «решимость», где человеческое существование выступает целостным единством трех «миров» – окружающего, мира взаимодействия с другими людьми и собственного мира переживаний.

В современных исследованиях персонификация рассматривается как процесс отождествления с собственным «Я»; комплекс тенденций изменения и развития личности, включающий в себя процесс духовного ее обогащения (Орлов, 2002). Персонификация выступает необходимым элементом социализации и обеспечивает коммуникацию между различными сегментами окружающей среды через диалог, соучастие и сотворчество – факторов, образующих человека как субъекта, творящего новый мир.

В рамках своего исследования Т.С. Курьякова исходит из того, что персонификация личности есть процесс, определяющий стремление личности сохранять и развивать свой внутренний мир, свою самость, овладевая социальным опытом, ориентируясь на требования общества к личности. Этот процесс ведёт к формированию персонифицированности – личностного качества, выражающегося в стремлении человека сохранить внутреннее «Я» (быть, оставаться самим собой), в понимании самоценности, в вере в себя (Курьякова, 2011. С. 76). Из этого следует, что персонификация задает вектор к самоопределению и саморазвитию, установлению взаимопонимания в различных формах межсубъектных отношений.

Смысл коллективного эффекта, отраженный в понятии «персонификация личности», обуславливает необходимость концентрации внимания на категории «персонаносфера», введенной в научный оборот А.В. Петровским, и отражающей глобальную систему взаимопересечений персонализаций, населяющих земной шар людей. Персонаносфера не ограничивает универсум человеческого бытия только областью межсубъектных контактов, а являет собой невидимую сеть актуальных и потенциальных предметных соединений и соучастований, объединяющих людей в единое человечество и преодолевающих государственные этнические, религиозные и другие границы³.

Широкий анализ разнообразных под-

³ Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общей ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 18. Psy-

chological lexicon. Encyclopedic dictionary in six volumes / Compiling editor L.A. Karpenko. Under the general ed. Of A.V. Petrovsky. M.: PER SE, 2005. P. 18.

ходов к проблеме персонификации позволил исследователям накопить большой эмпирический материал, на основе которого возможно определение современной образовательной парадигмы, как экзистенциально-персонологической, что является исторически и методологически оправданным (Романенко, 2002). Учитывая специфику современной образовательной парадигмы, более важным становится активное освоение ситуации социальных перемен (Струк, 2012); ситуация открытия человеком себя в сотрудничестве с самим собой и другими; выявление и поддержка человеческой индивидуальности, осмысление её возможностей и потребностей, в том числе потребности преодолеть себя и осуществиться как личность (Лыкова, Синицина, 2017). Соответственно, принцип персонификации является инновационной идеей современного образования, определяющим его стратегию, содержание, стиль взаимодействия субъектов образовательного процесса. Важными аспектами персонологического понимания личности выступают целостность, самопознание, самовыражение, индивидуальная жизнь, отношение и творчество, диалог, субъектность, аутентичность и воплощенность, открытость по отношению к окружающему миру и стремление к саморазвитию и самореализации. Объективно задаваемая потребность человека в самореализации выступает основанием для развития персонализации образования, в условиях которого могут корректироваться и приобретать соответствующую направленность сущностно-значимые характеристики индивида. Актуализируется задача формирования условий для развертывания, расширения и осуществления потенциала человека в онтогенезе. Признается, что раскрытие личностно-психологической сущности индивида возможно в контексте целостного учения о личности, изучения различий по психофизиологическим параметрам (эмоциональность, мышление, объем памяти, специфические индивидуальные паттерны функционирования центральной нервной системы и т. д.), что соответствует принципам современной образовательной парадигмы.

В данном контексте персонализация образования подразумевает развитие до-

минантных способностей личности на основе разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий, вариативных образовательных маршрутов, посредством использования онлайн-среды, дающей кастомизацию предметного контента и перераспределения времени учителя, а также обращения к образовательным платформам и сервисам, создаваемым государственными структурами. В этой логике разворачивается дистанционное, виртуальное, разноуровневое обучение, технологии обучения на основе комбинированных систем, технологии личностно-ориентированного обучения и др. Смещение в исследованиях методологических акцентов в сферу исследования человекомерности сложноорганизованных систем убеждает в необходимости создания персонифицированного пространства для накопления и развертывания субъектного потенциала человека.

Предпосылки для теоретического обоснования структуры персонифицированного пространства заложены в трудах К.А. Абульхановой-Славской, М.М. Бахтина, А.В. Брушлинского, К. Левина, В.А. Лекторского, В.Н. Мясищева, С.Л. Рубинштейна, Э.В. Сайко, многопланово представляющих специфику осуществления субъекта в онтогенезе, филогенезе и культурно-историческом развитии. Человек здесь выступает не как объект влияний, а как субъект, «режиссер» собственных поступков, способный к определению и конструированию собственной траектории развития, своего пространства жизнедеятельности.

Несомненно, проблема конструирования пространства жизнедеятельности личности носит комплексный, междисциплинарный характер и требует не только интеграции наук о человеке (философии, социологии, психологии, педагогики), но и интеграции методологических подходов. Так, с позиции системно-синергетического подхода под персонифицированным пространством следует понимать интеграцию нескольких подпространств разного уровня, имеющих многоплановое, многоуровневое содержание, функционирования которых подчинены общей цели человека – актуализации собственной действенной позиции, определяющей его будущее и поддержива-

емой самим субъектом в соответствии с ценностно-смысловыми и духовно-нравственными ориентирами. В здоровом обществе человек исключительно является целью сам по себе и «стремление к душевному здоровью, к счастью, гармонии, любви, плодотворной деятельности внутренне присуще каждому человеку, если только он не родился духовным или моральным уродом» (Фромм, 2011. С. 136). В стремительно изменяющемся мире современный человек вынужден персонифицировать свою жизнь в соответствии с теми личностными механизмами, которые выделяют его из «толпы», подчеркивают уникальность и самобытность. При таком подходе центральное место в феноменологии персонифицированного пространства отводится психологическому, социальному и культурно-образовательному пространству. Подобно тому как природа человека является незавершенной, фрагментарной и требует целостности, персонифицированное пространство является открытой системой, способной к самодостраиванию.

Психологическое пространство можно рассматривать в нескольких аспектах: как динамичный образ разноуровневой, многокомпонентной, протекающей в различных контекстах феноменологически проживаемой реальности, и в виде комплекса физических, психологических, социальных явлений, определяющего жизненную стратегию личности.

Бердяев Н.А. отмечает: «Человеческая личность может себя реализовать только в общении с другими личностями, в общине. Личность не может реализовать

полноту своей жизни при замкнутости в себе» (Бердяев, 2016. С. 29). С позиции сказанного, социальное пространство выступает как многомерная система координат, организованная в соответствии с принципом дифференциации, распределения взаимодействий между людьми и социальными группами; оно отражает разнообразие связей и многосторонность отношений субъекта с окружающим миром.

Культурно-образовательное пространство – совокупность условий для осуществления человеческого потенциала (задатков, способностей, стремлений), реализации социальных программ, распространения идей, ценностей, норм и формирования соответствующих установок личности. Расширение культурно-образовательного пространства происходит за счет новых форм образовательной деятельности, свободного выбора направлений дополнительного образования – вариативного, неформального, индивидуализированного и социально мотивированного, напрямую связанного с индивидуальным развитием человека в культуре (Лыкова, Синицина, 2017).

Из этого следует, что персонифицированное пространство является неким конструктом субъекта, оно обладает свойством вариативности, его развитие возможно в нескольких направлениях. Поэтому основными формально-динамическими характеристиками обозначенного пространства выступает многоуровневость, открытость границ, нелинейность развития, способность к самогенерации и самоорганизации, человекомерность и адаптивность.

Библиографический список

- Бердяев Н.А. Избранные философские сочинения. М.: Берлин : Директ-Медиа, 2016. 247 с.
Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
Киященко Л.П. Синергетическая парадигма: когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 561 с.
Курьякова Т.С. Педагогические условия обеспечения персонификации личности студента-будущего педагога в вузе // Вектор науки. 2011. № 3 (6). С.175–177.
Лыкова И.А., Синицина И.А. Модернизация дополнительного образования: от принципа вариативности к поддержке индивидуальности // Наука и школа. 2017. № 5. С. 143–151.

References

- Berdyayev N.A. (2016) Selected philosophical writings. Moscow: Berlin: Direkt-Media Publ. 247 p. (In. Russ.)
Gusserl' E. (2009) Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ. 489 p. (In. Russ.)
Kiyashchenko L.P. (2004) Synergetic paradigm: cognitive-communicative strategies of modern scientific knowledge. Moscow: Progress-Tradicija Publ. 561 p.
Kur'yakova T.S. (2011) Pedagogical conditions for ensuring the personification of the personality of a student, a future teacher in the university. *Vektor nauki = Science Vector*. No. 3 (6). Pp.175–177. (In. Russ.)
Lykova I.A., Sinitsyna I.A. (2017) Modernization of supplementary education: from the principle of variability to the support of individuality. *Nauka i shkola = Science and School*. No. 5. Pp. 143–151. (In. Russ.)

Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 272 с.

Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 21–39.

Романенко И.Б. Образовательные парадигмы в истории античной и средневековой философии. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2002. 302 с.

Серебрякова Е.В. Проблема определения "персонификации" в стилистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 64–68.

Струк Е.Н. Инновационная парадигма образования в изменяющемся мире // Экономика образования. 2012. № 1. С. 24а–28.

Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 864 с.

Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ: Астрель, 2011. 446 с.

Хейзинга, Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры. М.: Айрис пресс, 2003. 486 с.

Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.

Orlov A.B. (2002) Psychology of human personality and essence: paradigms, projections and practice. Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya" Publ. 272 p. (In. Russ.)

Petrovskij V.A., Starovojtenko E.B. (2012) Personality Science: Four Projects of General Personality]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Psychology. Journal School of Economics*. Vol. 9. No.1. Pp. 21–39. (In. Russ.)

Romanenko I.B. (2002) Educational paradigms in the history of ancient and medieval philosophy. Saint-Petersburg: Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta Publ. 302 p. (In. Russ.)

Serebryakova E.V. (2010) The problem of determining the "personification" in the stylistics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. No. 2. Pp. 64–68. (In. Russ.)

Struk E.N. (2012) Innovative paradigm of education in a changing world. *Ekonomika obrazovaniya = Education economics*. No. 1. Pp. 24a–28. (In. Russ.)

Freyger R., Feidimen J. (2012) Personality: theories, experiments, exercises. Saint-Petersburg: Prime-Evroznak Publ. 864 p.

Fromm E. (2011) Healthy society. Moscow: AST: Astrel' Publ. 446 p. (In. Russ.)

Huizinga, J. Homo ludens; (2003) Articles about cultural history. Moscow: Iris press Publ. 486 p. (In. Russ.)

Yung K.G. (2010) Essays on the psychology of the unconscious. Moscow: Kogito-Centr Publ. 352 p. (In. Russ.)

Сведения об авторе

Синицина Ирина Анатольевна, руководитель методического объединения учителей ГБОУ Стерлитамакская коррекционная школа для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, соискатель ученой степени кандидата педагогических наук, 453103, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, ул. Одесская, 4, Россия, e-mail: irinasinica@mail.ru

Критерии авторства

Синицина И.А. провела исследование, оформила научные результаты и несёт ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credential

Irina A. Sinitsyna, Head of the methodical association of teachers of SBEI Sterlitamak special school for students with health limitations, Candidate for a pedagogic sciences degree, 4 Odesskaya St, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, 453103, Russia e-mail: irinasinica@mail.ru

Criteria for Authorship

Sinitsyna I.A. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Формирование правовой культуры будущих медиков в процессе профессиональной подготовки

© С.О. Урванцева

Кировский государственный медицинский университет, г. Киров, Россия

Аннотация: В современных условиях в медицинском вузе правовые знания студентов являются одним из важнейших компонентов целостного формирования личности врача, адекватно осознающего свои обязанности перед обществом, положительно использующего свой творческий потенциал в профессиональной деятельности. В статье изложены основные позиции в обосновании необходимости формирования правовой культуры будущих медиков в процессе профессиональной подготовки. Недостаточный уровень развития духовности у значительной части молодежи, тенденция мировоззренческой деградации личности, правовой нигилизм и некоторые другие проблемы требуют переосмысления и разработки новых подходов в организации получения правовых знаний в медицинском вузе. Уровень правовой культуры современного врача гарантирует качество и эффективность медицинской помощи, реальное обеспечение прав и законных интересов граждан в сфере охраны здоровья. Формирование у студентов-медиков морально-психологических и профессиональных качеств может быть успешным только на базе глубокого понимания того, что основы личности составляют такие критерии воспитанности как ответственность, чувство долга, самосознание, принципиальность, умение давать оценку своему поведению. В работе представлен первоначальный анализ полученных данных в результате обработки проведенного анкетирования 305 студентов первого курса лечебного факультета Кировского государственного медицинского университета.

Ключевые слова: социальное поведение, практическая подготовка будущих медиков, медицинский вуз, проблемы, правовая культура, правовое сознание, гражданская позиция, профессиональные умения и навыки

Информация о статье. Дата поступления 14 мая 2019 г.; дата принятия к печати 17 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Урванцева С.О. Формирование правовой культуры будущих медиков в процессе профессиональной подготовки. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 147–152.

Building future medical workers' legal culture during vocational training

© Svetlana O. Urvantseva

Kirov State Medical University, Kirov, Russia

Abstract: Currently, in a medical college, students' legal knowledge is one of the most important components of comprehensive development of a doctor's personality, who is aware of the duties to the community and can make the best possible use of his/her creative potential in the professional activities. The article presents the main ideas to justify the need to build a legal culture of future doctors during vocational training. Some young people's lack of spiritual values, the tendency of ideological degradation of the personality, legal nihilism and some other problems require rethinking and developing new approaches in organizing the acquisition of legal knowledge in a medical school. The level of legal culture of a modern doctor guarantees the quality and effectiveness of medical care, ensuring the rights and legitimate interests of citizens in the field of health care. Building medical students' moral-psychological and professional qualities can be successful only on the basis of a deep understanding that the foundation of a personality is made up of such criteria of upbringing as responsibility, a sense of duty, self-awareness, integrity, ability to evaluate their behavior. The paper presents an initial analysis of the data obtained as a result of processing the survey conducted by 305 first-year students of the medical faculty of Kirov State Medical University.

Keywords: social behavior, practical training of future medical experts, medical university, problems, legal culture, legal awareness, citizenship, professional skills

Article info: Received May 14, 2019; accepted for publication May 17, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Urvantseva O.S. (2019) Building future medical workers' legal culture during vocational training. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 4. No. 2. Pp. 147–152. (In Russ.)

Одним из важнейших направлений построения в России правового государства является повышение правовой культуры

всех российских граждан, в том числе медицинских работников. В свою очередь, научно-технический прогресс, вся совокуп-

ность современных общественных отношений предъявляют все более высокие профессиональные, морально-этические и правовые требования к специалистам системы здравоохранения. Нет необходимости доказывать, что в условиях существующего в стране социально-экономического климата решение вопросов правового характера в медицинской сфере приобретает особую актуальность.

Состояние законности в стране напрямую зависит не только от общей культуры и нравственности, но и уровня правовых знаний. Анализ юридической и медицинской практики убедительно свидетельствуют: чем выше правовая культура врачей, тем выше качество и эффективность медицинской помощи, тем реальнее обеспечиваются права и законные интересы граждан в сфере охраны здоровья. В современных условиях неуклонно возрастают требования к уровню профессиональной подготовки медицинских работников. Одной из важных составляющих их успешной работы является освоение правовых основ медицинской деятельности.

Согласно О.В. Лебедевой, исследовавшей роль компетентностного подхода в гражданском образовании и обосновавшей целесообразность «гражданско-компетентностной модели образования», решающее значение в подготовке будущего профессионала необходимо придавать «компетентности социального выбора» и «компетентности социального действия» (Лебедева, 2004. С. 178).

В отношении студенчества (наиболее массовой группы современной молодежи) компетентность социального действия мы связываем с рядом качеств, формирование которых является стратегическим приоритетом, закрепленным Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Это такие качества как неравнодушие, прочный нравственный стержень, восприимчивость к созиданию и высокий уровень социальной активности. Если вуз опосредует задачи гражданского воспитания в тех или иных компонентах основной образовательной программы по направлению подготовки, то у студентов появляется возможность усвоения общих нравственных и

моральных принципов, усиливающих способность к конструктивному социальному поведению.

Потребность получения правовых знаний медицинскими работниками нашла отражение в новых Федеральных государственных образовательных стандартах по всем медицинским специальностям. В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по специальности 31.05.01 «Лечебное дело» у выпускника медицинского вуза должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Выпускник программы специалитета должен обладать следующими общекультурными компетенциями (ОК): способностью анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции (ОК-3); общепрофессиональными компетенциями (ОПК): способностью использовать основы экономических и правовых знаний в профессиональной деятельности (ОПК-3) и профессиональными компетенциями: способностью к применению основных принципов организации и управления в сфере охраны здоровья граждан, в медицинских организациях и их структурных подразделениях (ПК-17).

С целью формирования данных компетенций в образовательную программу профессиональной подготовки будущих медиков включена дисциплина «Правоведение». Её студенты специальности «Лечебное дело» Кировского государственного медицинского университета изучают на первом курсе. Несмотря на то, что преподавателем была четко поставлена цель и определены задачи освоения этой дисциплины, у студентов возникли сомнения в необходимости правовых знаний для будущих медиков, а также многие задавались вопросом: «Зачем нужна дисциплина «Правоведение» в медицинском университете?». Однако, уже в ходе учебной практики, по окончании первого полугодия, у студентов стали появляться вопросы, касающиеся правового регулирования медицинской деятельности, на которые они не получили ответы в ходе учебной практики.

Целью данного исследования было

выявить наличие правовой культуры студентов медицинского вуза. Мы провели анкетирование, в котором участвовали 305 студентов первого курса Кировского государственного медицинского университета, в возрасте от 18 до 20 лет; 77,5 % проходили практику в учреждениях здравоохранения г. Кирова. Анкетирование проводилось в начале учебного года и по его окончании, с учетом прохождения студентами учебной практики. Студентам предлагалось ответить на следующие вопросы анкеты (табл.1).

На первый вопрос: «Знаете ли вы какие-либо законы в медицинской сфере?» только 17 студентов ответили утвердительно, большая часть на начало учебного года не имела представления о том, что медицинская деятельность регулируется законами РФ.

На вопрос: «Приходилось ли вам сталкиваться с ситуациями, когда вы ощущали недостаток правовых знаний?» – на начало учебного года 151 студент ответил отрицательно, 111 человек – затруднялись сформулировать ответ. Как видно из таблицы, после прохождения практики, по окончании учебного года, количество студентов, которые столкнулись с ситуацией, когда необходимы правовые знания увеличилось – 215 человек ответили положительно. Это позволяет сделать вывод о получении студентами необходимых знаний правового регулирования медицинской деятельности и повышении правовой культуры по окончании учебного года.

Как показывает статистика ответов на третий вопрос, только к концу учебного года большинство студентов (266) подтвердили

Таблица 1

Анкетирование студентов 1 курса лечебного факультета для выявления уровня правовой культуры

Table 1

Questioning first-year students of medical faculty to identify the level of legal culture

Вопросы	начало учебного года			в конце учебного года		
	да	нет	Затрудняюсь ответить	да	нет	Затрудняюсь ответить
Знаете ли вы какие-либо законы в медицинской сфере?	17	190	68	188	36	81
Приходилось ли вам сталкиваться с ситуациями, когда вы ощущали недостаток правовых знаний?	43	151	111	215	44	46
Считаете ли Вы, что одна из задач вуза – формирование активной гражданской позиции студентов, будущих специалистов?	40	70	195	266	27	22
Знаете ли Вы, какой закон регулирует права и обязанности медиков?	0	258	48	305	0	0
Обсуждаете ли вы правовые аспекты медицины на различных дисциплинах помимо Правоведения?	27	225	53	52	205	38
Интересуетесь ли вы правовыми аспектами медицины вне учебного процесса?	44	189	72	223	23	59

важность формирования активной гражданской позиции как задачу вуза. В процессе изучения дисциплины «Правоведение» молодые люди осознали важность формирования активной гражданской позиции: надежное и реальное обеспечение прав и законных интересов российских граждан в области охраны здоровья является фундаментальной социально-политической проблемой нашего государства. Здоровье и жизнь человека – высшие нематериальные блага, без которых утрачивают значение многие другие права и ценности.

На четвертый вопрос: «Знаете ли вы, какой закон защищает права и обязанности медиков?» – на начало учебного года 258 человек ответили отрицательно, что позволяет сделать вывод об отсутствии специальных правовых знаний у будущих медиков, необходимых для профессиональной деятельности врача.

По ответам на вопрос: «Обсуждаете ли вы правовые аспекты медицины на других дисциплинах помимо «Правоведения?» видно, что студенты не могут проследить междисциплинарные связи правового регулирования медицинской деятельности при изучении дисциплин: «История медицины», «Общий уход за больными» и т. д., хотя данные дисциплины предполагают формирование общекультурных компетенций и правовую культуру будущих медиков.

По результатам ответов на последний вопрос: «Интересуетесь ли вы правовыми аспектами медицины вне учебного процесса?» видим положительную динамику: на начало учебного года заинтересованность в правовых знаниях показали только 44 студента, по окончании учебного года 223 стали интересоваться правовыми аспектами медицины даже вне учебного процесса.

Формирование правовой культуры – сложный процесс, который включает в себя как правильное отражение окружающего нас мира, так и возможность заблуждений, ошибок, то есть формирование правового сознания.

С целью выявить возможные пробелы в знаниях студентов первого курса лечебного факультета по отраслям юриспруденции мы провели еще одно анкетирование по окончании учебного года. Студентам

предлагалось ответить на два вопроса:

1. Какие из отраслей права Вы знаете лучше?

2. Какие из отраслей права Вы знаете хуже?

Ответы студентов 1 курса лечебного факультета представлены в табл. 2 и 3. По табл. 2 видно, что студенты 1 курса назвали семь отраслей права, в т. ч. и конституционное (хотя и всего два голоса), появились – медицинское и земельное, но исчезло гражданское. По 2 отрасли права назвали 14 человек (29,2 %). Прочерк стоял у 7 человек (9,1 %).

Но что самое удивительное: студенты 1 курса к отраслям права отнесли морально-нравственные дисциплины, такие как этика и деонтология (8 человек!!! – 10,4 % – фактически каждый десятый, участвовавший в анкетировании!). Конечно, необходимо выяснить возникновение такого казуса на третьем курсе (!!!): если был «зачинщик» (какое-либо «авторитетное» лицо, которое заявило об этике и деонтологии), то почему еще 7 оставшихся приняли эту точку зрения? (вот – вопрос...).

По табл. 3 студенты назвали также семь отраслей права, упомянув уже и гражданское (хотя и всего один ответ), но у кого-то (в единственном числе) появилось «конституционное» (перечитано несколько раз!) право.

Также по 2 отрасли права назвали 14 человек (29,2 %). Не знают «все остальное» также 7 человек (9,1 %). И у одного отвечавшего осталась в незнаниях «этика» (1,3 %), возможно, именно то лицо, которое в предыдущем случае «смutilo» еще 7 сокурсников. Выводы были представлены после каждой таблицы.

Таким образом, в ходе проведенного самоанализа, мы пришли к выводу, что у многих студентов отсутствуют специальные правовые знания, не хватает общей правовой культуры для будущей профессиональной деятельности. Соответственно, одна из основных задач медицинского вуза на современном этапе заключается в том, чтобы каждый студент, еще находясь в стенах учебного заведения, в процессе профессиональной подготовки осознал необходимость постоянного углубления своих знаний в медико-правовом направлении и при даль-

Таблица 2

Ответы студентов первого курса на вопрос: «Какие из отраслей права Вы знаете лучше?»

Table 2

First-year students' responses to the question "Which branches of law do you know best?"

Ранг	Отрасль права	Число ответов	%
1	Уголовное (часть)	30	39,0
2	Административное	10	13,0
3	Медицинское	9	11,7
4	Трудовое	6	7,8
5	Семейное	4	5,2
6	Конституционное	2	2,6
7	Земельное	1	1,2
	Итого	62	80,5
	Гражданское	0	0,0
	Стоял прочерк	7	9,1
	«Этику и деонтологию»	8	10,4
	Итого	77	100,0

Таблица 3

Ответы студентов первого курса на вопрос: «Какие из отраслей права Вы знаете хуже?»

Table 3

First-year students' responses to the question "Which of the branches of law do you know worse?"

Ранг	Отрасль права	Число ответов	%
1	Уголовное (часть)	39	50,6
2	Медицинское	15	19,5
3	Административное	8	10,4
4	Семейное	3	3,9
5	Трудовое	2	2,6
6	Гражданское	1	1,3
7	«Конституциональное»	1	1,3
	Итого	69	89,6
	Земельное	0	0,0
	«Все остальное»	7	9,1
	«Этику»	1	1,3
	Итого	77	100,0

нейшей специализации. Чтобы каждый приобрел осознанную уверенность в том, что знания медицинского права крайне необходимы

не только для того чтобы надлежаще осуществлять свою профессиональную деятельность, но и доля успешной социализации.

Библиографический список

Лебедева О.В. Гражданское образование в России (историко-педагогическое исследование) // Вестник Московского государственного областного университета. 2004. № 3. 242 с.
Сергеев Ю.Д. Медицинское право: Учебный комплекс в 3 т. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. С. 784.

Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://gkodeksrf.ru/> (дата обращения: 23.04.2019).

References

Lebedeva O.V. (2004) Civic education in Russia (historical and pedagogical research). Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Moscow Region State University. No. 3. 242 p.
Sergeev Yu.D. Medical law: Educational complex in 3 volumes. (2008) Moscow: GEOTAR-Media Publ. 784 p. (In. Russ.)
On the basis of the protection of public health in the Russian Federation: federal law of November 21, 2011 No. 323-FL. Available at: <http://gkodeksrf.ru/> (accessed: 23April 2019). (In. Russ.)

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства России от 29 ноября 2014 г. №2403-р [Электронный ресурс] URL.: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/#ixzz4ZiQDA2K> (дата обращения 23.04.2019).

О порядке и сроках прохождения медицинскими работниками и фармацевтическими работниками аттестации для получения квалификационной категории: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 23 апреля 2013 г. N 240н. [Электронный ресурс]. URL.: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdrava-rossii-ot-23042013-n-240n/> (дата обращения: дата обращения: 25.03.2019).

Об утверждении Порядка и сроков совершенствования медицинскими работниками и фармацевтическими работниками профессиональных знаний и навыков путем обучения по дополнительным профессиональным образовательным программам в образовательных и научных организациях: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 3 августа 2012 г. N 66н // Российская газета. 2012. № 215. 19 сентября.

Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 31.05.01 Лечебное дело (уровень специалитета): Приказ Министерства образования и науки РФ от 9 февраля 2016 г. № 95. [Электронный ресурс] URL.:<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71245004/> (дата обращения: 25.03.2019).

Сведения об авторе

Урванцева Светлана Олеговна, старший преподаватель кафедры судебной медицины, юрист, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кировский государственный медицинский университет», 610021, Россия, Кировская область, г. Киров, ул. К. Маркса, 112, e-mail: fatinyamur@yandex.ru

Критерии авторства

Урванцева С.О. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period until 2025: Resolution of Government of Russia of November 29, 2014 No. 2403-p. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/#ixzz4ZiQDA2K> (accessed: 27 March 2019). (In. Russ.)

On the procedure and deadlines for medical workers and pharmaceutical workers to get the qualification category: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated April 23, 2013 N 240n. Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdrava-rossii-ot-23042013-n-240n/> (accessed: 25 March 2019). (In. Russ.)

On approval of the procedure and terms of medical workers and pharmaceutical workers's professional knowledge and skills through training in additional professional educational programs in educational and scientific organizations: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of August 3, 2012 N 66n]. Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper. 2012. No. 215. 19 September.

On approval of the federal state educational standard of higher education in training program 31.05.01 General Medicine (specialist's degree): Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of February 9, 2016 No. 95. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71245004/> (accessed: 25 March 2019). (In. Russ.)

Author's Credential

Svetlana O. Urvantseva, Senior Lecturer of Forensic Medicine Department, Lawyer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kirov State Medical University», 112 K. Marx St., Kirov, Kirov region, 610998, Russia, e-mail: fatinyamur@yandex.ru

Criteria for Authorship

Urvantseva S.O. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest

Теоретические аспекты исследования механизма избирательной интериоризации негативных геронтостереотипов населением старших возрастных групп

© Л.В. Колпина, М.Н. Реутова

Белгородский государственный научный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Аннотация: В статье обосновывается механизм интериоризации негативных геронтостереотипов людьми старшего поколения, обуславливающий их ограничительные установки и практики. Под негативными геронтостереотипами понимаются представления, бытующие в массовом и индивидуальном сознании, об исключительно дисфункциональной роли старости и жизни пожилых людей. Показано, что интериоризация негативных геронтостереотипов, наряду с рядом негативных следствий, в целом снижая качество жизни, тем не менее несет людям старшего поколения и определенные «бонусы». А негативная геронтостереотипизация, как элемент социального конструкта старости, ставит задачу инфантилизации, а также принуждение к подчиненной роли, самоограничительным установкам, довольствованию тем, что предоставляет микро- и макросоциальное окружение, в противовес адаптации среды к специфическим нуждам. На основе теоретических и эмпирических данных доказывается, что сила давления и значимость социальных стимулов, результаты апробации геронтостереотипов на предмет их «социальной эффективности» и соответствия индивидуально-личностным характеристикам, обуславливают не только глубину их интериоризации, которая может быть полной или частичной, но и ее выборочный характер, вплоть до противодействия им. Исследование факторов, обуславливающих избирательный характер интериоризации негативных геронтостереотипов и противодействие им, является важным шагом в преодолении самодискриминационных установок и практик гражданами старшего поколения.

Ключевые слова: интериоризация, негативные геронтостереотипы, механизм, практики, установки, самоэйджизм, старшее поколение

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-011-00661 «Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных установок и практик граждан старшего поколения».

Информация о статье: Дата поступления 19 марта 2019 г.; дата принятия к печати 29 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Колпина Л.В., Реутова М.Н. Теоретические аспекты исследования механизма избирательной интериоризации негативных геронтостереотипов населением старших возрастных групп. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 153–161.

Theoretical aspects of the study of the mechanism of selective interiorization of senior citizens' negative gerontostereotypes

© Lola V. Kolpina, Marina N. Reutova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

Abstract: The article substantiates the mechanism of senior citizens' negative gerontostereotypes interiorization that causes their restrictive installations and practices. Negative gerontostereotypes are regarded as the ideas in mass and individual consciousness about dysfunctional role of old age and elderly people' life. It is shown that elderly people negative gerontostereotypes interiorization along with a number of negative consequences in general reducing quality of their life, nevertheless, provides certain "bonuses" to them. The negative gerontostereotyping as an element of the social construct of old age poses the problem of infantilization, as well as forcing to a subordinate role, self-restrictive attitudes and practices, contentment by providing a micro and macro-social environment as opposed to adapting the environment to specific needs. On the basis of theoretical and empirical data it is proved that pressure force and social incentives importance, results of gerontostereotypes approbation regarding their "social efficiency" and compliance to individual and personal characteristics cause not only the depth of their interiorization, that can be full or partial, but also its selective character up to counteraction to it. The research of factors causing the selective nature of negative gerontostereotypes interiorization and counteraction to it is an important step in overcoming self-discriminatory attitudes and the practices of senior citizens.

Keywords: interiorization, negative gerontostereotypes, attitude, selfageism, practices, mechanism, senior citizens

Acknowledgements: Grant RFFI 19-011-00661 The influence of ageist stereotypes on formation of selfrestrictive attitude and practices of senior generation citizens.

Article info: Received March 19, 2019; accepted for publication March 29, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Kolpina L.V., Reutova M.N. (2019) Theoretical aspects of the study of the mechanism of selective interiorization of senior citizens' negative gerontostereotypes. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 4. No. 2. Pp. 153–161. (In Russ.)

Представители пожилого старческого возраста, долгожители относятся к числу наиболее стереотипизированных групп. Стереотипы относительно старости и пожилых людей имеют как положительный, так и отрицательный характер, но с существенным преобладанием последних (Смирнова, 2008. С. 50; Берецкая, Соколова, 2012)¹. Так, А.В. Микляева в результате анализа литературы и собственного эмпирического исследования, выделила стереотипы относительно разных возрастов, среди которых пожилой типично характеризуется как «регрессирующая старость», а нетипично – как «мудрый пожилой человек» (Микляева, 2014). Т.В. Смирнова к числу наиболее распространенных геронтостереотипов относит: ухудшение памяти, умственных и трудовых способностей; проблематичность работы с пожилыми людьми и неблагоприятные прогнозы относительно развития организации, руководитель которой в пожилом возрасте (Смирнова, 2008. С. 49). О.В. Краснова дополняет этот список бытующими в массовом сознании представлениями о том, что старый человек – болезненный, слабый, без средств к существованию – не может работать и нуждается в постоянной помощи и опеке; заброшенный и одинокий, консервативный, нередко страдающий нарушениями мозговой деятельности, утрачивает способность принимать правильные решения, обучаться, а также память и сексуальные функции (Краснова, 2005).

Следующее из этих стереотипов – нивелирование значения позднего периода жизни, нацеливание поколений на избежание старости, влечет за собой неумение пожилых людей стариться (Смирнова, 2008. С. 50), поскольку они оказывают существенное влияние на продуктивность деятельности человека, его психологический статус, соматическое состояние (Микляева, 2014).

Таким образом, негативные стереотипы об исключительно дисфункциональной роли старости обуславливают не только барьерный характер социокультурной, физической и институциональной среды для лиц старшего поколения, поскольку влекут за собой унижающие человеческое достоинство, в том числе, дискриминационные практики в их адрес (эйджизм), но также самоограничительные установки и практики самих представителей этих возрастов (самойэйджизм) (Колпина, 2015. С. 6).

Несмотря на некоторую актуализацию, в последние годы проблемы эйджизма в отечественном научном и общественно-политическом дискурсе, основная риторика строится вокруг внешних средовых «барьеров», препятствующих социальной инклюзии и полноценной реализации человеческого, профессионального и социального потенциала граждан старшего поколения. Между тем, эйджистские стереотипы, интериоризируясь, обуславливают и не менее значимые внутренние «барьеры» – самоограничительные установки и практики (вплоть до самоуничтожения и самоизоляции), в отношении которых существует дефицит отечественных научных исследований, как и практических наработок в области их предупреждения и преодоления.

Целью данной статьи является обоснование влияния эйджистских стереотипов на ограничительные установки и практики населения старших возрастных групп посредством механизма интериоризации.

Идея исследования влияния эйджистских стереотипов на установки и практики пожилых людей подразумевает, что это стереотипы относительно старости и людей, относящихся к этой возрастной группе (от англ. ageism – возраст), существующие в массовом сознании. А значит, речь идет о социальных стереотипах. В свою очередь,

¹ Берецкая Е.А., Соколова В.Ф. Теория и практика реабилитации граждан пожилого возраста: учебное пособие. М., 2012. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks321028 (дата обращения 18.11.2018). Beretskaya E.A., Sokolova V.F. Theory

and practice of rehabilitation of citizens of advanced age: a training manual. М., 2012. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks321028 (appeal date 11.18.2018).

эйджистские стереотипы, как и любые другие социальные стереотипы, в соответствии с трактовкой, идущей от У. Липпманна, представляют собой ментальный образ социальной группы, в данном случае – представителей старшего поколения (Ильющкин, 2015. С. 88).

Термин «представители старшего поколения» вместо более привычных, например, «пожилые люди», «старики» нами используется не случайно, поскольку вследствие повышения качества жизни и ее продолжительности, та возрастная группа, которая ранее могла быть так обозначена, сейчас является чрезвычайно разнородной. И в ней принято выделять, например, подгруппы третьего и четвертого возраста, где традиционный образ «немогущего старика» относится к четвертой, а представители третьей – носители значимого человеческого потенциала, выражающегося в здоровье, профессиональных знаниях, социальных компетенциях.

Следует отметить, что и граница начала пожилого возраста стремительно размывается. Безусловно, важнейшим ее маркером является официально установленный пенсионный возраст, подразумевающий, что деятельность в сфере трудовых отношений у людей, достигших его, затронулена по состоянию здоровья. Так, по данным Фонда «Общественное мнение», со словом «пенсионный возраст» у людей чаще всего ассоциируется «время заслуженного отдыха для человека»². Однако и эти границы могут варьироваться в разных странах (например, в зависимости от их социально-экономических возможностей обеспечить качество жизни этой возрастной группе, и, соответственно, здоровье). Прекращение профессиональной деятельности после достижения пенсионного возраста – отнюдь не норма и некоторые страны не предусматривают пенсионных выплат.

По-видимому, с границей выхода на пенсию по возрасту в немалой степени свя-

заны установки массового сознания относительно того, кого можно отнести к пожилым людям. Об этом можно судить по тому, что 34 % россиян убеждены, что пенсионный возраст – это возраст, с которого начинается старость³. А также потому, что, в основном, эта возрастная граница варьирует в пределах от 50 до 64 лет. Сравнительно чаще респонденты говорят о возрасте 60–64 года: в 2012 году так считали 19 %, в 2005 – 25 %. Но, например, незначительно меньшее количество людей сообщили, что в 50–54 года (16 % и 19 % соответственно), в 55–59 лет (14 % и 22 %), а 14 % в 2012 году назвали цифру 70–74 года (в 2005 – 8 %). Так или иначе, эти данные указывают на отсутствие общественного консенсуса по данному вопросу и тренд смещения этой границы в сторону увеличения возраста⁴.

Считаем обоснованным в качестве старшей возрастной группы рассматривать население в возрасте старше 60-ти лет, поскольку в соответствии с классификацией ВОЗ именно с 60-ти лет человек считается пожилым, затем – переходит в группу старческого возраста и долгожителей.

Как было отмечено выше, социальный стереотип – это образ какой-либо социальной группы. Стереотипное восприятие заключается в «склонности воспринимающего субъекта легко и быстро категоризировать «воспринимаемого субъекта» в зависимости от его возраста, пола, этнической принадлежности, национальности и профессии и тем самым приписывать ему качества, которые считаются типичными для людей этой категории» (Ильющкин, 2015. С. 87).

Вообще «эйджистские стереотипы могут распространяться не только на старшую возрастную группу, поскольку эйджизм в принципе обозначает дискриминацию, основанную на негативной стереотипизации любого возраста. В этой связи для указания на стереотипы именно относительно старости и людей старших возрастов ис-

² «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 15 июля 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6 %. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (дата обращения: 23.03. 2019). "FOMnibus" – a survey of citizens of the Russian Federation from the age of 18 and older. July 15, 2018. 53 subjects of the Russian Federation, 104 settlements, 1500 respondents. Stat error does not exceed

3.6%. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (access date: 23.03. 2019).

³ Там же. Ibid.

⁴ Проект «Доминанты» «ФОМнибус», 25 марта 2012. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/10382> (дата обращения: 23.03. 2019). The project "Dominants" "FOMnibus", March 25, 2012. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/10382> (access date: 23.03. 2019)

пользуется понятие «геронтостереотипы» (от греч. геронтос – старик), а эйджизм (включающий в себя как негативные стереотипы, так и ограничительные практики) в этом случае целесообразно уточнять как геронтологический.

В отличие от стереотипов, установка обычно характеризует устойчивую предрасположенность, готовность социального субъекта к действию (Ильющкин, 2015. С. 87) и выступает важным условием тех или иных практик жизнедеятельности. Влияние негативных геронтостереотипов, существующих в массовом сознании на самоограничительные установки и практики граждан старшего поколения, происходит посредством интериоризации.

Вообще, интериоризация, представляя собой процесс заимствования из внешней среды определенных сведений и их усвоение в качестве знаний, умений, норм, образцов поведения, ценностей, выступает одним из важнейших условий социализации личности (Рубчевский, 2003. С. 147) и является механизмом присвоения социокультурного опыта⁵.

Механизм интериоризации в целом видится следующим: социальная информация (в данном случае формирующая социальный конструкт старости) поступает из внешней среды. В результате прямой или опосредованной положительной или отрицательной стимуляции (одобрение, поддержка / неодобрение, санкции), а также ее апробации посредством экстерииоризации (проверки («практикой») транслируемых ценностей и норм) и на предмет ее «комплементарности» индивидуально-личностным особенностям (разноплановым потребностям, ранее сформированным установкам, мотивационно-ценностной структуре, я-концепции), информация закрепляется в интрапсихических структурах (например, в психоанализе это «Сверх-Я», в транзактном анализе Э. Берна «Родитель»), то есть, принимается личностью, детерминируя соответствующие установки и поведение. Причем можно говорить о двух формах принятия: инфантильной («так принято») – без

критической оценки) и зрелой, как осознанного выбора.

Указанные элементы механизма интериоризации не являются все обязательными и действующими в строго заданной последовательности. Так, не все нормы и ценности проверяются экстерииоризацией, а нередко жизненная практика противоречит интериоризированным нормам и ценностям, что не умаляет значимости для их носителя. Достаточно, чтобы они были внутренне логичны, то есть комплементарны его нормативно-ценностной системе. Либо социальное давление (одобрение/санкции) столь велико, что человек даже не пытается проверять на практике «работоспособность» тех или иных конструктов, не «тестирует» их на «индивидуально-личностную комплементарность». Может быть ситуация, когда человек не принимает существующие ценности, но придерживается вытекающих из них норм, поскольку взамен получает необходимые социальные блага. То есть, несмотря на то, что проверка экстерииоризацией пройдена, тем не менее социальная информация не встраивается в интрапсихические структуры – человек оказывает частичное сопротивление существующим стереотипам. А неприятие социокультурных норм может выливаться в активное противодействие им (например, феномен диссидентства (Попова, Пушкарева, 2012. С. 147) или пассивное их игнорирование.

Таким образом, некоторую социальную норму можно знать, но не следовать, противостоять ей; зная ее, не соглашаться, но все же выполнять, а можно принять и следовать ей уже «по собственной воле» (частичная и полная интериоризация), что ставит вопрос о факторах, обуславливающих глубину интериоризации стереотипов и способность противостоять им.

В этом плане показательны результаты авторского анкетного опроса населения в возрасте 60-ти лет и старше (2015 г.), показывавшие, что не все негативные геронтостереотипы интериоризируются пожилыми людьми в равной мере. Респондентам был представлен перечень негативных

⁵ Сениущенко С.П. Проблема интериоризации в истории отечественной психологии: автореф. ... канд. псих. наук. М.: 2009. С. 11. Senuschenkov S.P. The prob-

lem of interiorization in the history of national psychology: extended abstract of cand. dissertation (Psychology). М.: 2009. P. 11.

геронтостереотипов. Сначала они отмечали те из них, с которыми приходилось и приходится встречаться наиболее часто (для выявления распространенности негативных геронтостереотипов в массовом сознании), затем, с которыми они согласны (интериоризированные ими).

Ранжирование ответов в первом и втором задании показало сходство иерархий распространенности негативных геронтостереотипов в массовом сознании и в старшей возрастной группе. Этот вполне предсказуемый «параллелизм» объясняется тем, что степень их распространенности в массовом сознании обуславливает силу давления на индивидуальное сознание, отражая действенность существующего социального конструкта старости, который предписывает требования к этой возрастной группе. А в основном – негласным «обоснованием» и являются геронтостереотипы.

Исходя из этого посыла логично, что соотносимыми оказались не только иерархии, но и доли ответов относительно частоты столкновения респондентов в жизни с такими суждениями, и их собственном мнении об адекватности этих суждений. Так, лидерами в первом и втором вопросах оказались стереотипы о сварливости и проблемном характере пожилых людей, а также о том, что в пожилом возрасте положено иметь различные болезни – это нормально. Так, практически одинаковые доли опрошенных старше 60-ти лет встречались с представлением о сварливости пожилых людей и их трудном характере и выразили согласие с этой позицией (49,2 % и 51,7 % соответственно) (Колпина, 2015. С. 63).

В то же время, по некоторым геронтостереотипам была выявлена значимая разница в ответах на эти два вопроса, которая, помимо прочего, маркирует избирательный характер интериоризации различных стереотипов: одни из них усваиваются лучше, другие – хуже. Полученные результаты позволили предположить, что легче усваиваются наиболее «безобидные» для самооценки стереотипы (самооценка является оценочным компонентом «я-концепции»), а также способствующие переносу личной ответственности на «объективные обстоятельства» (маркер инфантилизации) как за межличностную коммуникацию, так и

за состояние своего здоровья или обеспечивающие возможность привлечения дополнительного внимания. Иллюстрацией последнего может служить следующее: 41,5 % опрошенных часто сталкивались с суждением, что «в пожилом возрасте положено иметь различные болезни, это нормально», а выразили с ним свое согласие – на 20 пп. больше – 60,2 % (Колпина, 2015. С. 62–64). Такая разница между значениями распространенности этого стереотипа в массовом сознании и степенью его интериоризации представителями старших возрастных групп может свидетельствовать о том, что, по их мнению, окружающие недооценивают критичность состояния здоровья. Одновременно с этим, усвоение данного стереотипа не сказывается отрицательно на самооценке пожилого человека, и, судя по соотношению указанных значений, по-видимому, позволяет предъявить претензии социальному окружению в недостаточном внимании к данной проблеме, что может приносить положительные результаты. Это означает, что негативные геронтостереотипы в определенных условиях могут проходить «проверку экстериоризацией» со знаком «плюс», обуславливая легкость их принятия получением «вторичных выгод».

А вот с интериоризацией стереотипов о пассивности пожилых людей, их однообразной жизни, о том, что они мало чем интересуются – противоположная картина. С этим согласились только 7,6 % респондентов, тогда как такое мнение среди окружающих их людей ими было отмечено в два раза чаще (13,6 %). То же относится к стереотипу об общественной бесполезности пожилых людей, что они – только нагрузка для государства, общества, семьи. Их разделяют 7,6 % и 11,9 % опрошенных старше 60-ти лет, а сталкивались с такими суждениями в 1,5–2 раза больше их представителей (соответственно 15,3 % и 18,6 %) (Колпина, 2015. С. 63). Объяснить такие данные можно тем, что эти стереотипы травматичны для самооценки и их принятие не дает никаких дивидендов (не проходят проверку экстериоризацией), в отличие от стереотипа о нормальности быть больным в пожилом возрасте, который позволяет снять с себя ответственность за свое здоровье, оправдать иждивенческие ориентации.

Между тем получаемые «бонусы» от интериоризации негативных стереотипов неоднозначны. В частности, люди, разделяющие представление о том, что болезни являются непременным атрибутом старения, как и боль, усталость, депрессивность, зависимость от других, отличаются более слабым здоровьем, поскольку реже считают нужным обращаться за медицинской помощью, менее склонны к физической активности, профилактическим мероприятиям, например, диспансеризации, соблюдению диеты, ограничению употребления алкоголя и табака (Ouchida, Lachs, 2015).

О том, что не все стереотипы массового сознания разделяются, а значит интериоризируются пожилыми людьми в равной мере, свидетельствуют и результаты исследования Т.В. Смирновой, в соответствии с которыми распространённость представлений об ухудшении в пожилом возрасте умственных способностей и характере, среди пожилых респондентов на 10–15 % ниже, чем в других возрастных группах (Смирнова, 2008. С. 51). В этом же русле данные национального опроса, реализованного Фондом «Общественное мнение», в ходе которого 41 % респондентов всех возрастов согласились с утверждением, что большинство мужчин в 60 лет ещё могут нормально работать, а среди тех, кто старше 60-ти лет таковых – 48 %. В отношении женщин – аналогичный тренд: 45 % – по населению в целом и 52 % – среди старше 60-ти лет⁶.

Интересно, что и сила ограничивающего влияния интериоризированных негативных геронтостереотипов на установки и практики, реализуемые пожилыми людьми, тоже разная. Так, в отмеченном ранее авторском анкетном опросе было выявлено, что наиболее тотальным влиянием на установки пожилых людей обладают представления о том, что они практически всегда больные, немощные, и что они должны про-

сто дожить жизнь. Именно те респонденты, которые более всего разделяли эти стереотипы, чаще других сообщали, что в последние годы случалось отказываться от своих планов из-за того, что они решили или им было сказано, что в этом возрасте «так делать не принято» или уже «не по плечу» (Колпина, 2015. С. 65).

Вообще, негативная геронтостереотипизация имеет своей задачей инфантилизацию пожилых людей, принуждение их к подчиненной роли, самоограничительным установкам и практикам, довольствованию тем, что предоставляет им микро- и макро-социальное окружение, вместо того, чтобы адаптировать социальную среду под их специфические нужды, что гораздо сложнее. В этой связи интересны факторы избирательной интериоризации, негативных геронтостереотипов, более других оказывающих инфантилизирующее влияние.

К ним относятся представления о возрастном снижении когнитивных функций, неспособности в преклонном возрасте принимать верные решения и нести ответственность, и в целом осуществлять продуктивную деятельность, обуславливающие распространённые эйджистские практики. Это проявляется в покровительственном языке, жестах, поведении, снисходительной форме общения, замедленном темпе и упрощённом типе речи с высоким тоном и преувеличенными интонациями (как с детьми), реализуемых в интеракциях с представителями этой возрастной группы (Kite, Wagner, 2002; Giles et.al, 1994; Nelson, 2005).

Безусловно, старение может сопровождаться ростом зависимости от окружающих. Однако, по свидетельствам самих пожилых людей, их часто считают не компетентными, не принимая в расчёт огромный опыт самостоятельной работы и независимой плодотворной жизни⁷, в силу чего такое отношение их возмущает (Ryan et.al, 1994).

⁶ «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 15 июля 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населённых пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6 %. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (дата обращения: 23.02.2019). "FOMnibus" - a survey of citizens of the Russian Federation from the age of 18 and older. July 15, 2018. 53 subjects of the Russian Federation, 104 settlements, 1500 respondents. Stat error does not exceed 3.6%. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (access date: 23.02. 2019).

⁷ Доклад Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека // Основная сессия 2012 года. Женева, 23–27 июля 2012 года. С. 9. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/SForum/SForum2014/E.2012.51_ru.pdf (дата обращения: 23.03.2019). Report of the High Commissioner of the United Nations Commission on Human Rights // Main Session of 2012. Geneva, July 23–27, 2012. P. 9. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/SForum/SForum2014/E.2012.5_ru.pdf (access date: 03.23. 2019).

Ведь усиление зависимости от социальных факторов не умоляет их как личность, значимость их мнения и учета интересов, и требует соответствующего отношения к ним.

Между тем, в некоторых случаях обращение с пожилыми людьми «как с детьми» воспринимается ими положительно и рассматривается как успокаивающее. В основном этим отличаются те из них, кто имеет более низкие функциональные способности, а с высоким когнитивным и социальным функционированием, чаще воспринимают такое отношение и поведение как неуважение, свысока (Edwards H., Noller, 1993; O'Connor, Rigby, 1996; Caporalet al, 1983; Caporalet, Culbertson, 1986).

Указанные примеры позволяют предположить, что влияние эйджистских стереотипов на установки и практики пожилых людей во многом обусловлены степенью их автономности, их локусом контроля, который характеризует представление человека о его возможностях влияния на ситуацию, управления ею, что в свою очередь детерминировано как субъективными факторами (жизненная позиция, здоровьесберегающими установками, к числу которых относится горизонт планирования), так и объективными – дружественностью или враждебностью внешней среды, богатством или скудностью ее возможностей.

О верности этого предположения свидетельствуют и результаты других исследований. Так, по мнению А.В. Микляевой, влияние инфантилизирующих геронтостереотипов более всего проявляется во внутрисемейных интеракциях, а наибольшим рискам такого рода подвержены пожилые люди, социальная активность которых ограничена пределами семьи: не работающие, не имеющие супруга или супруги и проживающие с детьми и внуками (Микляева, 2018). Т.В. Смирнова отмечает, что интериоризация негативных стереотипов относительно профессиональных качеств в большей степени выражена у неработающих пожилых людей, тогда как те, кто продолжают трудовую деятельность, более успешно оказывают сопротивление этому социальному конструкту (Смирнова, 2008). Несколько расширяя объяснение этого явления, данное Т.В. Смирновой, можно предположить, что наиболее успешно противостоят

геронтостереотипам пожилые люди, которые имеют возможность на практике доказать (себе, другим) несостоятельность негативных геронтостереотипов, а изоляция из различных сфер жизнедеятельности, снижение ресурсов для индивидуальной и общественной самореализации, самоутверждения, ведения достойного образа жизни, способствует их интериоризации. Таким образом, факторами, обуславливающим глубину интериоризации или способность противостоять ей, являются, с одной стороны, средовые возможности, а с другой, представления о собственных возможностях.

В заключение подведем итоги. Механизм интериоризации можно описать как алгоритм, в котором прямое и косвенное воздействие социальной информации, задающей социокультурный конструкт старости, подкрепляется соответствующей позитивной или негативной стимуляцией со стороны микро- и макросоциального окружения представителей старшей возрастной группы, «апробируется» ими – посредством экстериоризации и на предмет ее «комплементарности» индивидуально-личностным особенностям, после чего информация полностью или частично закрепляется – либо в интрапсихических структурах, либо только на уровне навыка, но так или иначе детерминируя соответствующее поведение.

Сила давления и значимость социальных стимулов, результаты «апробации» геронтостереотипов на предмет их «социальной эффективности» и индивидуально-личностной «комплементарности», обуславливают не только глубину интериоризации негативных геронтостереотипов (полная или частичная), но и выборочный характер интериоризации, вплоть до противодействия им.

Интериоризация негативных геронтостереотипов, выполняя функцию поддержания существующего социокультурного конструкта старости, влечет за собой определенные «блага», в частности, нормализацию пассивных и иждивенческих стратегий в противовес реализации активных практик здоровьесбережения, добровольчества, саморазвития, взаимопомощи и поддержки и т. п., нанося ущерб индивиду как личности.

Существующий социокультурный конструкт с превалирующей негативацией старости, как и соответствующие ему роле-

вые отношения, построенные на негативной стереотипизации этого жизненного периода, утрачивает актуальность в современном мире. Это обусловлено императивом продуктивного долголетия, которое является не только показателем качества жизни старшей возрастной группы, но и фактором социально-экономической устойчивости сообществ и обществ в целом, характеризующихся увеличением в своей структуре доли граждан старшего поколения, вследствие

чего их социально-трудовой потенциал становится все более востребованным.

Исследование факторов, обуславливающих специфику интериоризации и противодействие негативным стереотипам, является важным шагом в решении проблем преодоления самозыджизма, социальной эксклюзии населения старших возрастных групп, обеспечения условий для полноценной реализации их потенциала в индивидуальных и общественно значимых целях.

Библиографический список

- Ильющкин В.В. Социальный стереотип как концентрированное выражение социальной установки // Вестник науки и образования. 2015. № 1 (3). С. 87–92.
- Колпина Л.В. Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты и пути его преодоления // ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. 112 с.
- Краснова О.В. Стереотипы пожилых и отношение к ним // Психология развития: хрестоматия. М., ЧеРо: Omega-L, 2005. С. 469–471.
- Микляева А.В. Инфантилизация пожилых людей в повседневном взаимодействии: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 109–124.
- Микляева А.В. Содержание возрастных стереотипов: эмпирическая типология // Письма в Эмиссия. Оффлайн. Электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал). 2014. № 2. С. 2148–2148.
- Попова Е.В., Пушкарева Т.В. Интериоризация в контексте проблемы социальной детерминации // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. С. 146–147.
- Рубчевский К.В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 147–151.
- Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.
- Caporaal L., Culbertson G. Verbal response modes of baby talk and other speech at institutions for the aged // Language and Communication. 1986, no. 6, pp. 99–112.
- Caporaal L., Lukaszewski M., Culbertson G. Secondary baby talk: Judgments by institutionalized elderly and their caregivers // Journal of Personality and Social Psychology. 1983, no. 44, pp. 746–754.
- Edwards H., Noller. Perceptions of overaccommodation used in nurses in communication with the elderly // Journal of Language & Social Psychology. 1993. No. 12 (3). Pp. 207–223.
- Giles H., Fox S., Harwood J., Williams A. Talking age and aging talk: Communicating through the life span / Interpersonal communication in older adulthood: Interdisciplinary theory and research // In M. Hummert,

References

- Ilyushkin V.V. (2015) Social stereotype as a concentrated expression of social attitude. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Journal of science and education*. No. 1 (3). Pp. 87–92. (In Russ.)
- Kolpina L.V. (2015) *Eidzhizm v obsluzhivanii pozhilykh grazhdan uchrezhdeniyami zdravookhraneniya i sotsial'noi zashchity = Ageism in the service of elderly citizens by health and social protection institutions and ways to overcome it*. ID "Belgorod" NIU "BelGU". 112 p. (In Russ.)
- Krasnova O.V. (2005) Stereotypes of the elderly and their attitude. *Psihologija razvitiya: hrestomatija = Developmental psychology: a reader*. Moscow: CheRo: Omega-L. Pp. 469–471. (In Russ.)
- Mikljaeva A.V. (2018) Infantilization of elderly people in everyday interaction: to the problem statement. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = Journal of social policy research*. Vol. 16. No. 1. Pp. 109–124. (In Russ.)
- Mikljaeva A.V. (2014) The content of age stereotypes: an empirical typology. *Letters to Issue. Offline: electronic scientific journal = Pisma v Jemissija. Offlajn: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. No. 2. Pp. 2148–2148. (In Russ.)
- Popova E.V., Pushkareva T.V. (2012) Interiorization in the context of the problem of social determination. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. No. 1. Pp. 146–147. (In Russ.)
- Rubchevskij K.V. (2003) Socialization of personality: interiorization and social adaptation. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and modernity*. No. 3. Pp. 147–151. (In Russ.)
- Smirnova T.V. (2008) Older persons: stereotypical image and social distance. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. No. 8. Pp. 49–55. (In Russ.)
- Caporaal L., Culbertson G. Verbal response modes of baby talk and other speech at institutions for the aged // *Language and Communication*. 1986. No. 6. Pp. 99–112.
- Caporaal L., Lukaszewski M., Culbertson G. Secondary baby talk: Judgments by institutionalized elderly and their caregivers // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. No. 44. Pp. 746–754.
- Edwards H., Noller. Perceptions of overaccommodation used in nurses in communication with the elderly // *Journal of Language & Social Psychology*. 1993. No. 12 (3). Pp. 207–223.
- Giles H., Fox S., Harwood J., Williams A. Talking age and aging talk: Communicating through the life span / *Interpersonal communication in older adulthood: Interdisciplinary theory and research* // In M. Hummert, J. Wiemann,

J. Wiemann, J. Nussbaum (Eds.). New York: Sage. 1994. Pp. 130–161.

Kite M. E., Wagner L.S. Attitudes toward older adults / Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons // In T. Nelson (Ed.). Cambridge, MA: MIT Press. 2002. Pp. 129–161.

Nelson T. Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self // Journal of Social Issues. 2005. Vol. 61. No. 2. Pp. 207–221.

O'Connor B.P., Rigby H. Perceptions of baby talk, frequency of receiving baby talk, and self-esteem among community and nursing home residents // Psychology and Aging. 1996. No.11. Pp. 147–154.

Uchida K.M., Lachs M. S. Not for doctors only: Ageism in healthcare // Generations. 2015. Vol. 39. No. 3. Pp. 46–57.

Ryan E.B., Hamilton J.M., See S. K. Patronizing the old: How do younger and older adults respond to baby talk in the nursing home? // International Journal of Aging and Human Development. 1994. No. 39. Pp. 21–32.

J. Nussbaum (Eds.). New York: Sage. Pp. 130–161.

Kite M. E., Wagner L. S. Attitudes toward older adults / Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons // In T. Nelson (Ed.). Cambridge, MA: MIT Press. 2002. Pp. 129–161.

Nelson T. Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self // Journal of Social Issues. 2005. Vol. 61. No. 2. Pp. 207–221.

O'Connor B. P., Rigby H. Perceptions of baby talk, frequency of receiving baby talk, and self-esteem among community and nursing home residents // Psychology and Aging. 1996. No. 11. Pp. 147–154.

Ouchida K. M., Lachs M. S. Not for doctors only: Ageism in healthcare // Generations. 2015. Vol. 39. No. 3. Pp. 46–57.

Ryan E. B., Hamilton J. M., See S. K. Patronizing the old: How do younger and older adults respond to baby talk in the nursing home? // International Journal of Aging and Human Development. 1994. No. 39. Pp. 21–32.

Сведения об авторах

Колпина Лола Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного научного исследовательского университета, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: karlkastane@yandex.ru

Реутова Марина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного научного исследовательского университета, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: reutova@bsu.edu.ru

Критерии авторства

Колпина Л.В., Реутова М.Н. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Lola V. Kolpina, Cand. Sci. (Sociological Sciences), Associate Professor of Social Technologies Department, Belgorod State National Research University, 85 Pobeda, Belgorod, 308015, Russian Federation, e-mail: karlkastane@yandex.ru

Marina N. Reutova, Cand. Sci. (Sociological Sciences), Associate Professor of Social Technologies Department, Belgorod State National Research University, 85 Pobeda, Belgorod, 308015, Russian Federation, e-mail: reutova@bsu.edu.ru

Criteria for Authorship

Kolpina L.V., Reutova M.N. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Стритрейсинг как вид молодежной субкультуры в г. Иркутске

© Т.И. Кондря

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу стритрейсинга как вида молодежной субкультуры на примере г. Иркутска. Рассмотрены этапы формирования молодежных субкультур в России и особенности их социологического анализа. С 60-х годов прошлого века к этой проблематике обратились ведущие социологи разных стран мира, позже появились исследования и российских ученых. Определено, что до конца восьмидесятых годов прошлого века в советской социологии феномен молодежных субкультур изучался в весьма узких и односторонних рамках, с посылком к западной культуре. В первую очередь это объяснялось тем, что субкультуры, свойственные Западу или современным российским, были практически не представлены в формах социальной, личностной и культурной активности молодого поколения Советского Союза. Все это появилось в нашей стране несколько позже. Выявлено, что особенность современных отечественных молодежных субкультур состоит в том, что большинство из них ориентированы либо на проведение досуга, либо на передачу и распространение информации о своем культурном видении мира, своих культурных взглядах на себя, окружающий мир и свое место в этом мире. Исследованы основные факторы формирования субкультурной активности. Особое внимание обращается на профессиональный и социальный состав представителей движения стритрейсинга в г. Иркутске. Для иркутских стритрейсеров считается недопустимым нарушение правил дорожного движения, отправляться на гонки на неисправном автомобиле, подвергать опасности жизни других участников сообщества и случайных людей или автомобилей.

Ключевые слова: стритрейсинг, стритрейсеры, молодежная субкультура, разновидности субкультур, уличные гонки

Информация о статье: Дата поступления 29 мая 2019 г.; дата принятия к печати 30 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Кондря Т.И. Стритрейсинг как вид молодежной субкультуры в г. Иркутске. *Социальная компетентность*. 2019. Том 4. № 2. С. 162–167.

Streetracing as a fork of a youth subculture in the city of Irkutsk

© Tatiana I. Kondria

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the analysis of street racing as a type of youth subculture on the example of the city of Irkutsk. The stages of the formation of youth subcultures in Russia and the features of their sociological analysis are considered. Since the 60s of the last century, leading sociologists from different countries of the world have turned to this issue, and later, research has emerged from Russian scientists. It was determined that until the end of the eighties of the last century in Soviet sociology, the phenomenon of youth subcultures was studied in a very narrow and one-sided framework, with a message to Western culture. First of all, it was explained by the fact that subcultures, characteristic of the West or the modern Russian, were practically not represented in the forms of social, personal and cultural activity of the young generation of the Soviet Union. All this appeared in our country a little later. It is revealed that the peculiarity of modern domestic youth subcultures is that most of them are focused either on leisure activities, or on the transfer and dissemination of information about their cultural vision of the world, their cultural views on themselves, the world and their place in this world. The main factors of the formation of subcultural activity are investigated. Particular attention is drawn to the professional and social composition of representatives of the street racing movement in the city of Irkutsk. For Irkutsk street racers it is considered unacceptable violation of traffic rules. It is considered unacceptable to go to race on a faulty car. It is unacceptable to endanger the lives of other members of the community and random people or cars.

Keywords: street racing, street racers, youth subculture, varieties of subcultures, street racing

Article info: Received May 25, 2019; accepted for publication May 30, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Kondria T.I. (2019) Streetracing as a type of youth subculture in Irkutsk. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 4. No. 2. Pp. 162–167. (In Russ.)

Изучение молодежных субкультур – одно из наиболее важных и интересных направлений современных социологических исследований. С 60-х годов прошлого

века к этой проблематике обращались ведущие социологи разных стран мира, позже появились исследования и российских ученых.

До конца восьмидесятых годов прошлого века в советской социологии феномен молодежных субкультур изучался в весьма узких и односторонних рамках, с посылком к западной культуре. В первую очередь это объяснялось тем, что субкультуры, свойственные Западу или современным российским, были практически не представлены в формах социальной, личностной и культурной активности молодого поколения Советского Союза. Все это появилось в нашей стране несколько позже. И захватило не только столичные и культурные центры страны, но и ее регионы. Например, рок-группы «Наутилус Помпилиус», «Чайф», «Трек» и другие жанра рок-музыки, отражающего интересы и взгляды одной из молодежных субкультур, были основаны в городе Свердловске, ныне Екатеринбург. Некогда маргинальные группы, которые советским официальным языком именовались неформальные объединения молодежи, постепенно переставали быть чем-то непонятным, опасным и практически инопланетным.

И за рубежом, и в России на ранних этапах своего формирования молодежная субкультура создавалась как протест, как несогласие с социальными или политическими реалиями. Например, «дети цветов», как называли представителей движения хиппи в США. Америка вела войну во Вьетнаме и это была первая война для этой страны, цели которой не принимало общество. В США начали формироваться пацифистские настроения, которые в свою очередь способствовали формированию субкультуры хиппи. В основе философии хиппи, в первую очередь, лежит неприятие войны. Ценностные установки хиппи базировались прежде всего на миролюбии, ненасилии.

Любое общество характеризуется культурной целостностью, но при этом и культурной неоднородностью. Молодежные субкультуры формировались также в противовес традиционной культуре. С точки зрения представителей той или иной субкультуры, традиционная не способна удовлетворить интересы и потребности молодого поколения. Или же традиционная культура не позволяет им в полной мере отобразить свое мировоззрение. Или не дает возможности для самовыражения, самореализации. То есть, молодежные субкультуры вы-

ступают как оппозиционные по отношению к культуре традиционной, официальной.

Создание молодежью собственной системы ценностей не означает окончательного отказа от ценностей традиционной культуры, оно лишь отражает специфику взглядов молодых людей на окружающий мир (Шумкова, 2014. С. 117).

По мнению В.Н. Лупандина, формирование и развитие молодежной субкультуры в странах Запада и в России характеризуется заимствованием элементов чужеродной культуры, социокультурных особенностей того или иного общества обретают специфические национальные черты.

В частности, бурное развитие молодежной субкультуры в странах Западной Европы на рубеже 60–70-х гг. двадцатого столетия характеризовалось влиянием североамериканской культуры, а развитие молодежной субкультуры в России сопровождалось заимствованием элементов и североамериканской, и западноевропейской культур (Лупандин, 2005. С. 150).

Особенность современных отечественных молодежных субкультур, как отмечает С.А. Сергеев, состоит в том, что большинство из них ориентированы либо на проведение досуга, либо на передачу и распространение информации о своем культурном видении мира, своих культурных взглядах на себя, окружающий мир и свое место в этом мире (Сергеев, 1998. С. 98). Субкультурная активность молодежи зависит от ряда факторов:

– от уровня образования.

У лиц с более низким уровнем образования, например, у учащихся средних профессиональных учебных заведений, она значительно выше, чем у студентов вузов;

– от возраста.

Пик активности – 16–17 лет, к 21–22 годам она заметно падает;

– от места жительства.

Движения неформалов более характерны для города, нежели для деревни, так как именно город с его обилием социальных связей дает реальную возможность выбора ценностей и форм поведения (Корфурин, 1991. С. 86).

По мнению М. Брэйка «субкультура – это нормы, отделённые от общепринятой системы ценностей и способствующие

поддержанию и развитию коллективного стиля жизни, также отделённого от традиционного стиля, принятого в данном обществе» (Brake M. Comparative youth cultures: The sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain and Canada).

Молодёжную субкультуру современной России определяют как результат социально-культурной деятельности молодёжи, которая для реализации своего творческого потенциала формирует особые социальные, формальные или неформальные, структуры.

В начале двухтысячных в российском социуме появилась новая молодёжная субкультура – стритрейсинг, скоростные автомобильные гонки по ночным улицам. О стритрейсерах, как о некоей молодёжной субкультуре, в нашем обществе узнали с выходом на экраны страны фильма «Форсаж».

В регионы, в частности, в Иркутск это увлечение молодёжи пришло несколько позже. Слово «стритрейсинг» происходит от английского street – «улица» и racing – «непрофессиональное состязание в скорости на автомобиле или мотоцикле по улицам города». Человек, увлекающийся стритрейсингом, называется стритрейсером (Сенько, 2014. С. 73).

Стритрейсинг придумали американцы. Официальная дата рождения этого увлечения – 1948 год. В Европе же бум стритрейсинга пришелся на 60-е годы XX века, когда личный автомобиль стал доступен простым гражданам. В Россию стритрейсинг пришел в двухтысячные годы.

В основе философии этого движения лежит поклонение скорости и мощности автомобиля. Стритрейсерам все равно, что о них будет говорить общество. Главное – это уважение в кругу таких же людей, как и они. Главная цель – получить победу любой ценой, пусть и даже ценой целостности своего автомобиля или его конфискации, ценой своего здоровья или даже жизни. Главное в том, чтобы получить максимальное количество адреналина и удовольствия от гонки. В том, чтобы усовершенствовать свой автомобиль до такой степени, чтобы во время езды он больше напоминал реактивный самолет, а не сухопутное средство.

Для некоторых представителей данной субкультуры ночные гонки – это способ выделиться, продемонстрировать доход, позволяющий иметь дорогой гоночный автомобиль, или имеющиеся материальные возможности для доведения машины до уровня дорогой гоночной марки. Ведь машины участников ночных заездов поражают порой фантазией их владельцев. Это и различные варианты окраски. Всевозможные виды оптики и спецэффектов.

По сути, мощность автомобиля и его внешний вид – это еще одно поле для соревнований стритрейсеров. Для того чтобы сделать свое гоночное средство максимально мощным и привлекательным они не жалеют никаких сил и денег. Называются такие автомобили дрэгами. Нередко стритрейсеры настолько сильно совершенствуют свое авто, что по своей мощности оно достигает 6 тысяч лошадиных сил. При весе всего в тонну такой автомобиль действительно может взлететь в воздух (Кого называют «уличные гонщики» и как появилось движение стритрейсеров? 2019).

Данное движение молодёжи изначально было довольно закрытым объединением молодых людей. В соревнованиях по стритрейсингу могли принимать участие только те гонщики, которые уже вошли в это направление. Трудно было узнать даже то, в каком месте на этот раз будут проводиться гонки, так как место дислокации соревнований в целях конспирации постоянно менялось. Подобную информацию каждый гонщик получал всего за несколько часов до старта. Сейчас подробные данные о стритрейсинге в городе легко найти на сайтах, принадлежащих организаторам соответствующих сообществ. Движение перестало быть закрытым.

Стритрейсинг – неоднородное понятие, оно имеет несколько разновидностей:

«Check-point» – гонки по городу от точки до точки (обычно 5–6 километров).

«Street-Challenge» – отличается от обычного «Check-point» наличием заданий, которые, как правило, имеют вид загадки или ребуса, ответом на которую будет точка километра.

«City-Style» – ночное ориентирование по городу на автомобиле по маршруту, указанному в легенде.

«City-Jungle» – разновидность «Street-Challenge», в котором известны заранее все километры, но неизвестен финиш, который расположен на одном из точек километров.

«Охота на мышей» – поиск и преследование одного из участников («мышь») другими участниками («кошками»).

«Полет пушечного ядра» – так называются незаконные гонки по общественным трассам от точки к точке, в которых участвуют несколько гонщиков.

«Шашки, или светофорные гонки» – незаконные гонки по дороге с обгоном машин и переезда на красный сигнал светофора. Такой стритрейсинг бывает спонтанным, когда двое и более гонщиков встречаются на дороге случайным образом и пытаются доказать, кто из них «круче», обгоняя друг друга, мигая дальним светом, пугая окружающих, играя в «шашки», как правило, со значительным превышением скорости (Уличные гонки, 2019).

Гостей, друзей и любопытных в машину уличные стритрейсеры сажать отказываются, мотивируя тем, что к массе авто прибавится лишний центнер. Каждый стритрейсер знает: чем легче машина, тем быстрее она несется по дороге. Хотя не исключено, что они просто заботятся о сохранности жизни своих друзей (Кто такие стритрейсеры, или уличные гонки без правил, 2019).

Кроме того, «агрессивный» стиль вождения стритрейсеров (превышение скорости, нарушение правил маневрирования и пр.), используемый при участии в соревнованиях (проводимых, как правило, ночью), прочно входит в число привычек большинства «стритрейсеров» и используется ими уже вне гонок, в любое время суток и при любых дорожных условиях. Достаточно вспомнить про Мару Багдасарян. Началось все в 2015 году с автокатастрофы на Кутузовском проспекте. В ночь на 3 октября автомобиль BMW X5 без госномеров потерял управление и на большой скорости вылетел на встречную полосу. Там он столкнулся с внедорожником «Рэндж Ровер», тот в свою очередь врезался в еще один автомобиль и загорелся. Один из пассажиров «Рэндж Ровера» скончался в больнице от полученных травм. Следующая громкая история – гонки на «Гелендвагене» 22 мая 2016 года. После

аварии на Кутузовском Маре запретили водить автомобиль, но она этот запрет неоднократно нарушала. В итоге, прокуратура потребовала лишить девушку водительских прав (Мара Багдасарян, 2019).

Правда, современные стритрейсеры все больше стремятся уважать букву закона. По этой причине уличные соревнования зачастую переносятся за город, где нет активного движения (Кого называют «уличные гонщики» и как появилось движение стритрейсеров? 2019).

В городе Иркутске данное движение поддерживается молодыми людьми в возрасте от 18 до 30 лет. Основной состав – это студенты и молодые люди из достаточно обеспеченных социальных слоев населения. Профессиональный состав стритрейсеров разнообразен. От офисных работников, банковских служащих и до представителей медицинских профессий, бизнесменов и архитекторов.

Излюбленные ими трассы в городе Иркутске – это сквер Кирова, площадь перед Ледовым дворцом, улица Байкальская. Гонки проводятся в ночное время, когда на дорогах нет машин, а на улицах людей. В зимнее время иркутские стритрейсеры отправляются за город и, никому не мешая, гоняют по сугробам.

Представители иркутского клуба стритрейсеров регулярно проводят соревнования. В наше время в условиях больших городов создаются неофициальные сообщества, которые организуют такие мероприятия. Чаще всего соревнования назначаются на заранее выбранный день. На них собирается 500 и больше машин. Не так давно излюбленным местом проведения гонок была объездная дорога в районе аэропорта. Сегодня это широкая и хорошо освещенная объездная дорога за городом Шелехов. Во время проведения соревнований дорогу, конечно же, перекрывают. ГИБДД помогала им в организации. Благодаря этому за последние годы на состязаниях не было ни одной аварии (Ночные гонщики, 2019).

Для иркутских стритрейсеров считается недопустимым нарушение правил дорожного движения. Недопустимым считается отправляться на гонки на неисправном автомобиле, подвергать опасности жизни других участников сообщества и случайных

людей или автомобилей. Но, поскольку заезды осуществляются, в том числе, и в черте города, то неизбежны ситуации с нарушением правил дорожного движения, а значит и с нарушением закона. Так же не все стритрейсеры придерживаются свода правил о недопустимости подвергать опасности жизни других участников сообщества и случайных людей.

Любовь к уличным гонкам в Иркутске, как и в целом по России, также началась после выхода фильма «Форсаж». Когда вышел первый фильм, все увлеклись драгом (езда по прямой). Вторая часть – стритрейсингом (гонки по улицам). Третья – дрифтом. Правда, сейчас показывают то, что повторить в принципе невозможно. Впрочем, молодежь, воспитанная на первых сериях «Форсажа», сегодня уже повзрослела и вышла,

можно сказать, на новый уровень. Так, например, с помощью ее усилий в городе появилась официальная площадка для занятий дрифтом – небольшой участок удалось найти на острове Юность.

Опыт между тем показывает, что даже появление официальных площадок и трасс не решит проблему окончательно (Ночные гонщики, 2019).

В социальной деятельности общественных организаций, в активной социальной работе с молодежью необходимо, уходя от тотальной опеки и тотального контроля, оказывать поддержку творческим начинаниям молодых людей. При формировании этих направлений деятельности учитывать конкретную возрастную или социальную группу.

Библиографический список

- Кофырин Н.В. Проблемы изучения неформальных групп молодежи // Социс. 1991. № 1. С. 82–86.
- Кого называют «уличные гонщики» и как появилось движение стритрейсеров? // auto.today [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: <https://auto.today/bok/4690-kogo-nazyvayut-ulichnye-gonschiki-i-kak-poyavilos-dvizheniestritreysеров.html> (дата обращения: 29.05.2019).
- Кто такие стритрейсеры, или уличные гонки без правил // www.kakprosto.ru [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.kakprosto.ru/kak-251407-kto-takie-stritreysery-ili-ulichnye-gonki-bezpravil#ixzz5pDZurteP> (дата обращения: 29.05.2019).
- Лупандин В.Н. Молодежная субкультура: проблемы традиций и новаций. Национальная идея в контексте модернизации российского общества // Материалы международной научно-теоретической конференции. Орел. 2005. С. 148–157.
- Мара Багдасарян // 24smi.org [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: <https://24smi.org/celebrity/3850-mara-bagdasarian.html> (дата обращения: 29.05.2019).
- Ночные гонщики // baikal-info.ru [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: <http://baikal-info.ru/nochnye-gonshchiki> (дата обращения: 29.05.2019).
- Сенько Е.В. Диггерство, стритрейсинг и прочие увлечения // Русская речь. 2014. № 4. С. 73–75.
- Сергеев С. А. Молодежные субкультуры в республике // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 95–102.
- Уличные гонки // Википедия. Свободная энциклопедия [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%B8 (дата обращения: 28.05.2019).
- Шумкова Н.В. Молодежная субкультуры как фактор социализации учащейся молодежи // Интеграция образования. 2014. № 1. С. 116–121.

References

- Kofyrin N.V. (1991) Problems of studying informal groups of youth Sotsis = Socis. No. 1. Pp. 82–86. (In. Russ.)
- Who is called "street racers" and how the street race movement appeared auto.today [website]. Available at: <https://auto.today/bok/4690-kogo-nazyvayut-ulichnye-gonschiki-i-kak-poyavilos-dvizheniestritreysеров.html> (accessed: 25 May 2019). (In. Russ.)
- Who are street racers, or street racing without rules www.kakprosto.ru [website]. Available at: <https://www.kakprosto.ru/kak-251407-kto-takie-stritreysery-ili-ulichnye-gonki-bezpravil#ixzz5pDZurteP> (accessed: 25 May 2019). (In. Russ.)
- Lupandin V.N. (2005) Youth subculture: problems of traditions and innovations. National idea in the context of the modernization of Russian society. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii [Materials of the international scientific-theoretical conference]. Orel. Pp. 148–157. (In. Russ.)
- Mara Baghdasaryan 24smi.org [website]. Available at: <https://24smi.org/celebrity/3850-mara-bagdasarian.html> (accessed: 25 May 2019). (In. Russ.)
- Night racers baikal-info.ru [website]. Available at: <http://baikal-info.ru/nochnye-gonshchiki> (accessed: 25 May 2019). (In. Russ.)
- Senko E.V. (2014) Diggerism, street racing and other hobbies. Russkaya rech '= Russian speech. No. 4. Pp. 73–75. (In. Russ.)
- Sergeev S.A. (1998) Youth subcultures in the republic. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies. No. 11. Pp. 95–102. (In. Russ.)
- Street racing Wikipedia [website]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%B8 (accessed: 25 May 2019). (In. Russ.)
- Shumkova N.V. (2014) Youth subcultures as a factor of socialization of students. Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education. No. 1. Pp. 116–121. (In. Russ.)

Brake M. Comparative youth cultures: The sociology of Youth Cultures and Youth Sub-cultures in America, Britain and Canada // <http://bookre.org> [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: <http://bookre.org/reader?file=1046736> (дата обращения: 29.05.2019).

Brake M. Comparative youth cultures: The sociology of Youth Cultures and Youth Sub-cultures in America, Britain and Canada <http://bookre.org> [website]. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1046736> (accessed: 25 May 2019). (In. Russ.)

Сведения об авторе

Кондря Татьяна Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: tata.irk.1970@yandex.ru

Author's Credential

Tatiana I. Kondria, Cand. Sci (Sociological Sciences), Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., 664074, Irkutsk, Russia, e-mail: tata.irk.1970@yandex.ru

Критерии авторства

Кондря Т.И. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Kondria T.I. has conducted research; formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Проблемы содействия трудоустройству и адаптации молодежи к рынку труда (на примере г. Иркутска)

© Е.Г. Копалкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье раскрываются основные причины молодежной безработицы в России, подчеркиваются ее особенности в новых социальных условиях. Показаны результаты анализа решения проблем трудоустройства молодежи в городе Иркутске на примере деятельности ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска» за 2016–2018 гг. В работе раскрыта доля численности молодежи в возрасте от 16 до 29 лет, состоящая на учете в городском центре занятости из общей численности молодежи города Иркутска согласно данным территориального органа Федеральной государственной службы статистики по Иркутской области за 2014–2017 гг. Представлена динамика изменения количества молодежи по основным показателям деятельности центра занятости с 2016 по 2018 гг., определены государственные услуги, охватывающие центром занятости наибольшее количество незанятой и безработной молодежи. При содействии трудоустройству молодежи были выделены следующие основные проблемы – недостаточный уровень осведомленности молодежи о состоянии рынка труда и оказываемых службой занятости услугах, выбор службы занятости на последнем месте в качестве источника и способа поиска работы вследствие своего непривлекательного имиджа, отсутствие специальной комплексной программы по содействию в трудоустройстве молодежи в Иркутске. Автором предложены пути решения молодежной безработицы в регионе, подчеркивается преемственность и адаптация к российским условиям зарубежного опыта решения проблем безработицы среди молодежи на примере стран Западной Европы, США, Австралии, Китая.

Ключевые слова: молодежь, трудоустройство, Иркутск, социальная адаптация, рынок труда, безработица, центр занятости

Информация о статье: Дата поступления 23 марта 2019 г.; дата принятия к печати 15 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Копалкина Е.Г. Проблемы содействия трудоустройству и адаптации молодежи к рынку труда (на примере г. Иркутска). *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 168–174.

Problems of promoting employment and adaptation of young people to the labor market (the case of Irkutsk city)

© Evgenia G. Kopalkina

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article describes the main causes of youth unemployment in Russia, emphasizes its features in the new social conditions. The results of the analysis of solving the problems of youth employment in the city of Irkutsk are shown on the example of the OGKU "Center of employment of the population of the city of Irkutsk" for 2016-2018. The work discloses the proportion of the number of young people aged from 16 to 29 years, which is registered in the city employment center from the total number of youth in the city of Irkutsk according to the data of the territorial body of the Federal State Statistics Service in Irkutsk Region for 2014-2017. The dynamics of changes in the number of young people on the main indicators of the employment center from 2016 to 2018 is presented, public services are identified that cover the largest number of unemployed and unemployed youth in the employment center. With the promotion of employment for young people, the following main problems were highlighted: insufficient awareness of young people about the state of the labor market and services provided by the employment service, the choice of the employment service in the last place as a source and method of finding a job due to its unattractive image, lack of a special comprehensive employment assistance program youth in Irkutsk. The author suggests ways to solve youth unemployment in the region, emphasizes continuity and adaptation to Russian conditions of foreign experience in solving youth unemployment problems on the example of Western Europe, the USA, Australia, China.

Keywords: youth, employment, Irkutsk, social adaptation, labor market, unemployment, employment center

Article info: Received March 23, 2019; accepted for publication April 15, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Kopalkina E.G. (2019) Problems of promoting employment and adaptation of young people to the labor market (the case of Irkutsk city). *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 4. No. 2. Pp. 168–174. (In Russ.)

Безработица среди молодежи и содействие в ее трудоустройстве остается на сегодня важной актуальной социальной проблемой, обусловленной тем, что, во-первых, ее наличие и рост свидетельствуют о глубоком рассогласовании системы взаимодействия («государство-вуз-работодатель») (слабая профориентационная работа, диспропорции между получаемыми молодежью и востребованными на рынке труда профессиями, отсутствие обязательного распределения на работу после окончания вуза или ссуза и др.). Во-вторых, несоответствием высоким требованиям к опыту, навыкам, знаниям, предъявляемыми работодателями к молодым соискателям вакансий, что в конечном итоге приводит к тому, что уровень молодежной безработицы выше, нежели среди других возрастных групп трудоспособного населения¹ (Гнатюк, 2018. С. 161).

Осложняется проблема безработицы среди молодежи в современных условиях увеличением пенсионного возраста вследствие действующей с 1 января 2019 года новой пенсионной реформы, которая замедляет процессы обновления кадров в российских учреждениях и предприятиях, а также согласно теории поколений, разработанной Н. Хоувом и У. Штраусом и адаптированной к российским реалиям Е. Шамис, тем, что сегодня трудоспособное население страны представлено поколениями X и Y, сильно отличающимися жизненными установками, деловой мотивацией, трудовыми ценностями, профессиональными ориентирами как между собой, так и от поколения Z, через несколько лет вступающим в трудовой возраст (Гурова, 2016. С. 156). Осознание имеющихся ценностных различий между поколениями, понимание особенностей социального и трудового поведения нового поколения молодежи влияет не только на пересмотр традиционных методов обучения студентов, управления персоналом, адаптации выпускников вузов и ссузов на предприятиях, но также и на способы поиска работы и технологии содействия их трудоустройству.

¹ В городе Иркутске доля численности молодежи среди других возрастных групп трудоспособного населения, состоящего на учете в 2018 году, составляет 38,5 %, в 2017 году – 39,2 %, в 2016 году – 36,6 %. In

Наряду с различными организационными структурами (кадровые агентства, центры содействия трудоустройству студентов и выпускников на базе вуза), которые в полном объеме выполняют информационную, но не консультационную функцию (Белова, 2017. С. 216), большую роль в содействии трудоустройству и адаптации молодежи к рынку труда играет государственная служба занятости, деятельность которой призвана помогать молодежи в поиске подходящей работы непосредственно, а также опосредованным способом через создание необходимых условий для самостоятельного нахождения ими искомой работы. В связи с этим, в целях повышения качества предоставления и доступности, создания комфортных условий, определения сроков и последовательности действий сотрудников службы занятости приказами Министерства здравоохранения и социального развития РФ 2007–2008 гг. были утверждены административные регламенты оказания таких государственных услуг, как профессиональная ориентация, социальная адаптация, психологическая поддержка, содействие самозанятости и др. В современных условиях особенностью деятельности службы занятости является то, что, выполняя посредническую роль между системой образования и рынком труда, она направлена не на превентивные меры, а в большей степени на фактически безработных (Урбанаева, 2016. С. 54).

Государственным учреждением службы занятости в городе Иркутске, оказывающий бесплатное содействие в трудоустройстве незанятой и безработной молодежи, является ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска», созданный в 1991 году. Численность молодежи, поставленной в 2017 году на учет в ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска», в соотношении с общей численностью молодежи областного центра составляет 3,34 %, в 2016 году – 3,30 %.

На рис. 1 представлена динамика изменения численности молодежи в возрасте от 16 до 29 лет в городе Иркутске согласно

Irkutsk, the proportion of the number of young people among other age groups of employable population registered in 2018 is 38.5%, in 2017 - 39.2%, in 2016 - 36.6%.

данным территориального органа Федеральной государственной службы статистики по Иркутской области за 2014–2017 гг.². В 2017 году молодежь составляла около 38,0 % трудоспособного населения Иркутска, в 2016 году – 38,81 %, в 2015 году – 41,29 %, в 2014 году – 42,13 % (численность трудоспособного населения в Иркутске в 2017 году – 374688 чел., в 2016 году – 380299 чел., в 2015 году – 384477 чел., в 2014 году – 383939 чел.³).

На рис. 2 показана динамика изменения численности молодежи по основным

показателям деятельности центра занятости с 2016 по 2018 гг. – численность молодежи, нашедших работу, из числа поставленных на учет в 2016 году, составляет 70,69 %, получивших официальный статус безработного – 29,58 %, в 2017 году устроившихся на работу – 62,82 %, признанных безработными – 21,32 %, в 2018 году трудоустроившихся – 53,96 %, зарегистрированы в качестве безработных – 20,21 %.

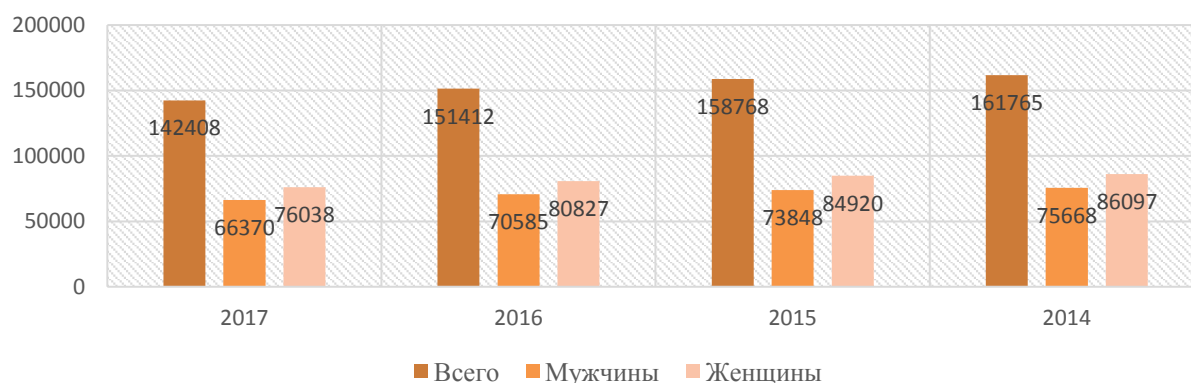

Рис. 1. Численность молодежи в возрасте с 16 до 29 лет в городе Иркутске с 2014 по 2017 гг.
Fig. 1. The number of young people aged 16 to 29 years in Irkutsk from 2014 to 2017

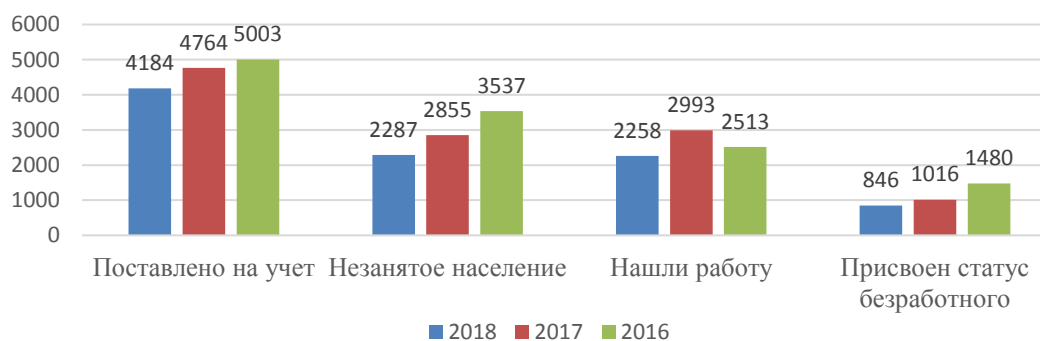

Рис. 2. Распределение численности молодежи в возрасте с 16 до 29 лет по основным показателям деятельности ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска» с 2016 по 2018 гг.
Fig. 2. The distribution of the number of young people aged from 16 to 29 according to the main indicators of activity of Regional state public institution "Job Centre of Irkutsk population" from 2016 to 2018

² К сожалению, статистическая информация за 2018 год на сайте отсутствует. Unfortunately, there is no statistical information for 2018 on the site.

³ Численность населения по полу и возрасту на начало года / Официальный сайт территориального органа Федеральной государственной службы статистики по Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/statistics/population/3b578f0041d1437f8a15fe27f9898572

(дата обращения: 12.05.2019). Size of population by sex and age at the beginning of the year / Official site of the territorial body of the Federal State Statistics Service of Irkutsk Region [Electronic resource]. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/statistics/population/3b578f0041d1437f8a15fe27f9898572 (accessed: 12/05/2019).

Согласно табл. 1 наиболее распространенными государственными услугами центра занятости, содействующие трудоустройству молодежи в 2016–2018 годах, являются профессиональная ориентация и психологическая поддержка (в 2018 году услуги получили 74,78 % молодых людей от общей численности молодежи, зарегистрированной в центре занятости, в 2017 году – 62,09 %, в 2016 году – 67,13 %) и профессиональное обучение или получение дополнительного профессионального образования (в 2018 году услуги получили 2,82 % молодых людей от общей численности молодежи, зарегистрированной в центре занятости, в 2017 году – 2,12 %, в 2016 году – 2,71 %), и практически не реализуемой услугой – содействие в переезде (переселении) в другую мест-

ность для трудоустройства. При этом можно сказать, что организация профессионального обучения или получения дополнительного профессионального образования по направлению центра занятости является в целом эффективной, поскольку в 2018 году численность трудоустроенных молодых людей после переобучения составляла 70,33 %, в 2017 году – 71,28 %, в 2016 году – 49,26 %.

В общей численности безработной молодежи, то есть тех, кто получил официальный статус безработных в соответствии с законодательством⁴, наблюдается рост количества тех, кто получил услуги по социальной адаптации – в 2018 году их получили 15,48 % молодых людей, в 2017 году – 6,79 %, в 2016 году – 6,01 %, и снижение численности по содействию самозанятости – в 2018 году

Таблица 1

Динамика показателей деятельности ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска» по работе с молодежью за 2016-2018 гг. (в чел.)

Table 1

Dynamics of performance of Regional state public institution “Job Centre of Irkutsk population” for work with young people for 2016-2018 (pers.)

Основные направления деятельности	2018	2017	2016
Профессиональная ориентация и психологическая поддержка	3129	2958	3359
Профессиональное обучение или получение дополнительного профессионального образования	118	101	136
Трудоустройство после переобучения	83	72	67
Профессиональное обучение в период отпуска по уходу за ребенком, жен.	24	14	17
Участие в общественных работах	76	70	119
Временное трудоустройство безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы	14	9	11
Временное трудоустройство граждан в возрасте от 18 до 20 лет, имеющих среднее профессиональное образование и ищущих работу впервые	2	3	12
Стажировка выпускников образовательных учреждений в целях приобретения ими опыта работы	53	60	67
Социальная адаптация безработных граждан	131	69	89
Содействие самозанятости безработным гражданам	13	16	37
Содействие безработным гражданам в переезде (переселении) в другую местность для трудоустройства	0	0	0

⁴ Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 N 1032-1 (с изм. от 11.10.2016). [Электронный ресурс]. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения:

12.05.2019). Law of the Russian Federation “On Employment of the Population in the Russian Federation” dated 19.04.1991 N 1032-1 (as amended on 11.10.2016). [Electronic resource]. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (accessed: 12/05/2019).

получили помощь в организации собственного дела 1,53 % молодых людей, в 2017 году – 1,57 %, в 2016 году – 2,5 %. Важнейшим направлением активной политики занятости, проводимой ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска» в отношении молодежи, играет стажировка выпускников образовательных (средних, высших) учреждений в целях приобретения ими опыта работы. Из общего количества выпускников, отправленных в 2018 году в Иркутской области на стажировку по направлению центра занятости, 16,37 % составляет молодежь Иркутска, в 2017 году – 17,49 %, в 2016 году – 20,42 (Копалкина, 2019. С. 74).

Таким образом, анализируя деятельность ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска» за последние три года, можно сделать вывод о том, что результаты оказания государственных услуг являются плодотворными, уровень трудоустройства молодежи составляет в пределах от 53,96 (2018 год) до 70,69 (2016 год), политика занятости в отношении молодежи больше ориентирована на реализацию активных мероприятий, стимулирующих ее на активизацию собственных сил и возможностей в преодолении ситуации безработицы, чем на пассивную политику, направленную на сглаживание негативных последствий молодежной безработицы.

В деятельности службы занятости выделяются такие основные проблемы, возникающие при содействии трудоустройству молодежи, как:

– *недостаточный уровень осведомленности молодежи о состоянии текущего момента регионального рынка труда и о предоставляемых службой занятости государственных услугах, это связано с тем, что освещение проводимых ею мероприятий и основных направлений деятельности в СМИ носит не систематический, и узконаправленный характер. Выводы, представленные исследователями Т.И. Печенкиной, М.В. Колосовой, Е.В. Петровым, Т.А. Александровой о низком уровне информированности среди студентов старших курсов и выпускников томских вузов, о наличии проблем, связанных с их трудоустройством (Печенкина, 2016. С. 265), можно сделать не только Томску и Томскому району, но, пожалуй, для всех регионов России;*

– *невысокий имидж службы занятости, ассоциирующийся с неквалифицированными рабочими местами и низкими социальными выплатами, поэтому большинство молодых людей при поиске работы не обращаются в службу занятости. Последнее место из всех возможных источников и способов нахождения работы, служба занятости уступает в силу того, что ее деятельность не устраняет «основные причины низкой конкурентоспособности молодых людей на рынке труда» и потому для них является малопривлекательной (Степаненко, 2010. С. 289);*

– *отсутствие специальной комплексной программы по содействию в трудоустройстве молодежи в городе Иркутске, учитывающей все возрастные категории молодежи и уровни ее образования, реализуемой совместно с вузами, местной администрацией, работодателями и общественными организациями, включающей в себя не только традиционные механизмы минимизации уровня молодежной безработицы, но и те, которые стимулируют предпринимательскую активность молодежи (Романенко, 2016. С. 14).*

Исходя из вышеперечисленных проблем, *важнейшими путями решения молодежной безработицы в регионе являются:*

– *определение и систематический пересмотр стратегических направлений содействия трудоустройству и адаптации молодежи к региональному рынку труда в зависимости от изменений его конъюнктуры, а также на основе оценки эффективности различных программ содействия занятости молодежи (Мамлеева, 2016. С. 66), определяемые по разработанным действенным методикам. Поскольку, как справедливо отмечает И.С. Трапезникова, при анализе тех или иных направлений деятельности службы занятости отсутствует действенные методики оценки их эффективности, например, профессионального обучения безработных граждан. Говоря о высокой окупаемости программ профессионального обучения и достаточном уровне трудоустройства безработных из числа прошедших подготовку, тем не менее исследователь настаивает на социологическом сопровождении (анкетировании) мониторинга реальных результатов деятельности службы занятости по переобучению безработных*

граждан, которое бы носило постоянный характер (Трапезникова, 2016. С. 105):

– активизация деятельности службы занятости по повышению своего имиджа, презентации проводимой деятельности для различных групп молодежи на основе продуманного подхода, исключающего навязчивость рекламной компании и включающего содержательность и доступность аналитической, статистической, социальной-экономической информации о востребованных профессиях, динамике заработных плат по сферам, отраслям, должностям, а также возможностях трудоустроиться в другой местности (не только в сельской, но и городской), получить необходимый опыт в рамках стажировок по направлению службы занятости и др., о требованиях работодателей не только к личным качествам, профессиональным знаниям и умениям молодых соискателей в регионе, России, и за рубежом (McQuaid, 2006. С. 407; Clasen, 2011. С. 40), но и о их готовности предоставлять им рабочие

места на условиях дистанционной занятости (Хаматханова, 2015. С. 627).

Важную роль в решении проблем безработицы среди молодежи в нашей стране может сыграть зарубежный опыт, например, адаптация к российским условиям системы трудовых контрактов (контракт об адаптации к рабочему месту, контракт о квалификации, контракт о производственном ученичестве, контракт «занятость-солидарность»), используемой во Франции, применение налоговых льгот для предприятий, которые берут к себе на работу выпускников образовательных учреждений без опыта работы (Испания), для получения молодыми людьми необходимого производственного опыта в Европе⁵, США, Австралии функционируют, так называемые, «виртуальные предприятия» с реальной документацией, отчетностью и заработной платой (Дробышев, 2012. С. 289), на материковом Китае, Тайване и Гонконге при трудоустройстве используется подход «guanxi» (Yan, 2009. С. 195).

Библиографический список

Белова Н.Ю., Белоконов О.В. Психологические проблемы трудоустройства выпускников организаций среднего профессионального образования // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4 (65). С. 215–216.

Гнатюк М.А., Хоровинников А.А., Самыгин С.И. Проблемы положения российской молодежи на современном рынке труда: определяющие факторы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 157–163.

Гурова И.М., Евдокимова С.Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала // Модернизация. Инновация. Развитие. 2016. Т. 7. № 3 (27). С. 150–159.

Дробышев Е.А. Занятость молодежи: зарубежный опыт и его применение в России // Социальная политика и социология. 2012. № 4 (82). С. 285–293.

Копалкина Е.Г. Стажировка выпускников средних профессиональных и высших учебных заведений как направление реализации активной политики занятости (на примере Иркутской области) // Социальная компетентность. 2019. Т. 4 № 1 (10). С. 72–79.

Мамлеева Э.Р., Марфина А.В., Бесчастнова Н.В., Сазыкина М.Ю. Проблемы занятости и безработицы на региональном рынке труда // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. № 6. С. 66.

References

Belova N.Yu., Belokon' O.V. (2017) Psychological problems of employment of graduates of secondary vocational education. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. No. 4 (65). Pp. 215–216. (In. Russ.)

Gnatyuk M.A., Khorovinnikov A.A., Samygin S.I. (2018) Problems of the Russian youth in +the modern labor market: determining factors. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie Uchenye zapiski*. No. 2. Pp. 157–163. (In. Russ.)

Gurova I.M., Evdokimova S.Sh. (2016) Generation Theory as a tool for analysis, formation and development of labor potential. *Modernizatsiya. Innovatsiya. Razvitie = Modernization Innovation Research*. T. 7. No. 3 (27). Pp. 150–159. (In. Russ.)

Drobyshev E.A. (2012) Youth employment: foreign experience and its application in Russia]. *Social policy and sociology = Social policy and sociology*. No. 4 (82). Pp. 285–293. (In. Russ.)

Kopalkina E.G. (2019) Traineeship of specialized secondary and higher educational institutions' graduates as implementation of active employment policy (the case of Irkutsk region)]. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. T. 4. No. 1 (10). Pp. 72–79. (In. Russ.)

Mamleeva E.R., Mar'ina A.V., Beschastnova N.V., Sazykina M.Yu. (2017) Problems of employment and unemployment in the regional labor market. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"*. T. 9. No. 6. P. 66. (In. Russ.)

⁵ В Европе насчитывается более 2800 виртуальных предприятий (Дробышев, 2012. С. 290). In Europe, there

are more than 2,800 virtual enterprises (Drobyshev, 2012, P. 290).

Печенкина Т.И., Колосова М.В., Петров Е.В., Александрова Т.А. Технологии социальной работы по трудоустройству выпускников вузов (по опыту деятельности центра занятости населения г. Томска и Томского района) // Наука, образование, общество. 2016. № 1 (17). С. 257–268.

Романенко Н.М. Выявление действенных механизмов минимизации молодежной безработицы в России // Человеческий капитал. 2016. № 5 (89). С. 13–15.

Степаненко Н.А. Деятельность центров занятости по трудоустройству молодежи: оценка эффективности // Социальная политика и социология. 2010. № 8 (62). С. 86–95.

Трапезникова И.С. Организационно-экономические инструменты решения проблемы молодежной безработицы – региональный аспект // Экономика труда. 2016. № 2. С. 97–106.

Урбанаева Е.Г. Технологии профилактики безработицы // Аксиома: актуальные аспекты гуманитарных наук. 2016. Т. 1. № 1–1 (1). С. 54–57.

Хаматханова М.А., Воробьев Е.М. Социологическое исследование предпочтений работодателей в сфере занятости // Фундаментальные исследования. 2015. № 8–3. С. 624–628.

Clasen J. Regulating the risk of unemployment: National adaptations to post-industrial labour markets in Europe. Oxford University Press, 2011. 428 p.

McQuaid R. W. Job search success and employability in local labor markets // The Annals of Regional Science. 2006. Т. 40. №. 2. С. 407–421.

Yan M. C., Lam C. M. Intersecting social capital and Chinese culture: Implications for services assisting unemployed youths // International Social Work. 2009. Т. 52. №. 2. С. 195–207.

Сведения об авторе

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНТУ, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kopalkina2017@list.ru

Критерии авторства

Копалкина Е.Г. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Pechenkina T.I., Kolosova M.V., Petrov E.V., Aleksandrova T.A. (2016) Technology of social work on the employment of graduates of universities (based on the experience of the OGKU «Center for employment of the population of Tomsk and Tomsk region»). *Nauka, obrazovanie, obshchestvo = Science, Education, Society*. No. 1 (17). Pp. 257–268. (In. Russ.)

Romanenko N.M. (2016) Identification of effective mechanisms for minimizing youth unemployment in Russia. *Chelovecheskii kapital*. No. 5 (89). Pp. 13–15. (In. Russ.)

Stepanenko N.A. (2010) The activity of employment centers for youth employment: efficiency evaluation. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya = Social policy and sociology lights*. No. 8 (62). Pp. 86–95. (In. Russ.)

Trapeznikova I.S. (2016) Organizational and economic instruments for solving the problem of youth unemployment: a regional aspect. *Ekonomika truda = Labour economy*. No. 2. Pp. 97–106. (In. Russ.)

Urbanaeva E.G. (2016) Unemployment prevention technologies. *Aksioma: aktual'nye aspekty gumanitarnykh nauk = Aksioma: relevant aspects of the humanities*. T. 1. № 1–1 (1). Pp. 54–57. (In. Russ.)

Khamatkhanova M.A., Vorob'ev E.M. (2015) Sociological study of employers' preferences in the sphere of employment. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental reserches*. No. 8–3. Pp. 624–628. (In. Russ.)

Clasen J. Regulating the risk of unemployment: National adaptations to post-industrial labour markets in Europe. Oxford University Press, 2011. 428 p.

McQuaid R. W. Job search success and employability in local labor markets // *The Annals of Regional Science*. 2006. T. 40. №. 2. С. 407–421.

Yan M. C., Lam C. M. Intersecting social capital and Chinese culture: Implications for services assisting unemployed youths // *International Social Work*. 2009. Т. 52. №. 2. С. 195–207.

Author's Credential

Evgenia G. Kopalkina, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU, 83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, e-mail: kopalkina2017@list.ru

Criteria for Authorship

Kopalkina E.G. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Проблемы Единого государственного экзамена по обществознанию: оценки социологов и практиков

© В.В. Кривошеев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Аннотация: В статье делается попытка анализа проблем функционирования системы среднего образования в России. При этом основной акцент – на преподавании обществознания в школах, лицеях и гимназиях, как наиболее близкой проблемы для автора, уже не один десяток лет преподающего в высших учебных заведениях социологию. Вскрываются основные недостатки Единого государственного экзамена по обществознанию. В частности, показывается фрагментарность сведений и данных из разных дисциплин – политологии, социологии, философии, юриспруденции, экономики, что не позволяет сформировать целостное адекватное представление об обществе, его структуре, процессах в нем происходящих. Отмечается, что не удастся достичь основных целей введения Единого государственного экзамена, одна из которых заключалась в обеспечении равного доступа выпускников всех школ для получения высшего образования. Этому препятствует система внешкольной подготовки выпускников школ специальными преподавателями, оплата труда которых постоянно возрастает. Снижению качества школьного образования будет способствовать отмена квалификационного требования к учителям об обязательном наличии у них педагогического образования. Предлагаются меры по совершенствованию преподавания обществознания в средних учебных заведениях. В частности, речь идет о том, чтобы Единый государственный экзамен по обществознанию в форме теста стал только дополнением к устному экзамену, что позволит полнее выявить способности учащихся анализировать структуру общества, его функционирование.

Ключевые слова: социальный институт, образование, Единый государственный экзамен, модернизация образования, стратегия развития образования

Информация о статье: Дата поступления 21 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 29 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Кривошеев В.В. Проблемы Единого государственного экзамена по обществознанию: оценки социологов и практиков. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 175–184.

Problems of the Unified national examination in social science: estimates of sociologists and practitioners

©Vladimir V. Krivosheev

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abstract: The article attempts to analyze the problems of functioning of secondary education system in Russia. The main focus is placed on teaching social science at schools, lyceums and gymnasia as the closest problem for the author teaching sociology for more than one decade in higher educational institutions. The main shortcomings of the Unified national examination in social science are revealed. In particular, the article proves fragmentariness of data from different disciplines – political science, sociology, philosophy, law, economy that does not allow to create complete adequate idea of society, its structure, processes taking place in it. It is noted that it is not possible to achieve main objectives of the Unified national examination – to ensure equal access for all school leavers to higher education. It is constrained by the system of school leavers' out-of-school training by special teachers whose labor compensation constantly increases. Reducing the quality of school education will be caused by the cancellation of the qualifying requirement for teachers to have obligatory pedagogical education. Measures are proposed to improve the teaching of social studies in secondary schools. In particular, we are talking about the fact that the Unified state examination in social studies in the form of a test should be only an addition to the oral examination, which will allow us to reveal more fully the students' abilities to analyze the structure of society and its functioning.

Keywords: social institute, education, Unified national examination, modernization of education, strategy of development of education

Article info: Received April 21, 2019; accepted for publication April 29, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Krivosheev V.V. (2019) Problems of the Unified national examination in social science: estimates of sociologists and practitioners. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 4. No. 2. Pp. 175–184. (In Russ.)

Два важнейших социальных института – образование и здравоохранение, сущностным предназначением которых являются, как известно, воспроизводство и стабильное функционирование физически и нравственно здорового социума, ориентированного, в частности, на развитие интеллектуального, духовного, творческого потенциала личности, в том числе, естественно, и в нашем обществе. В России эти институты находятся вот уже длительное время в состоянии непрерывного реформирования, до-реформирования, перереформирования. При этом, хотя бы промежуточного итога, судя по всему, бесконечного процесса, пока не видно.

Не претендуя на полный и всесторонний анализ положения дел в одном из институтов, в образовании, в данной статье хотелось бы рассмотреть лишь отдельные аспекты состояния преподавания обществознания в современной школе, высказать некоторые соображения о возможных путях совершенствования этого процесса.

Занимаясь уже не один десяток лет преподаванием в вузах сначала социальной философии, а с того момента как социология была включена в систему подготовки специалистов высшей квалификации и этой отрасли социального знания, хотелось бы прежде всего обратить внимание на качество того социального материала, с которым приходится работать в настоящее время, примерно с конца 1990-х годов. Звучит непривычно, в известной степени даже грубо – «социальный материал», но речь, конечно, пойдет об уровне подготовки нынешних выпускниках школ, гимназий, лицеев. Уж если мы все, кто ведет преподавание, выясняется, длительное время просто оказывали услуги, как неоднократно подчеркивалось, в том числе и экспертами, а не только работниками властных структур, то можно высказываться вполне в рыночном духе. Да, речь идет именно о социальном материале, который в вузы поступает на дополнительную обработку.

В этой связи не лишним будет вспомнить, например, высказывание О.Ю. Васильевой на заседании Государственной Думы 27 сентября 2017 г. Тогда министр сказала: «Несмотря на то, что образование является услугой на законодательном уровне, пред-

лагаю рассмотреть возможность ввести для образовательных организаций особый организационно-правовой статус, который должен исключить возможность сведения их деятельности к оказанию услуг физическим лицам» (Чеха, 2017). Справедливости ради надо заметить, что понятие «услуга» как-то исчезло из нынешней версии закона об образовании. Но сам подход, принцип своего рода клиентарных отношений в системе передачи знаний, остался. И это сказывается на качестве подготовки школьников, на их способности полноценно воспроизводить научные сведения, факты, размышлять, включаться в творческий поиск новых знаний, их закрепления, использования.

Некоторые мои коллеги давно стали фиксировать в своеобразных своих дневниках ответы студентов первого курса на семестровом экзамене по предмету «История». Социология у большинства будущих бакалавров, в отличие от недавнего специалиста, к сожалению, отсутствует. И это, к слову заметить, существенно отличает нашу систему подготовки в вузах от американской, например, где каждый студент обязан взять два курса английского языка, два курса истории США, два курса устройства правительства, и еще по курсу искусства и социологии (Как проходит процесс обучения...).

Поэтому в анализе того, какие знания остаются у обучающихся после сдачи Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по обществознанию, мы, в частности, опираемся на сведения, информацию, почерпнутые из суждений первокурсников, именно по истории. Итак, вот лишь некоторые, наиболее яркие, если можно так сказать, ответы студентов. (Пунктуация и орфография письменных ответов студентов сохранена). «Россия от февраля к октябрю 1917: сначала у нас был Петр Великий и все к нам брал с Запада, потом у нас был Николай II, а потом был Керенский – он был масон, хотел все сделать как на Западе, а потом с Запада приехал Якоб Шифф (для автора, как и для других преподавателей, так и осталось загадкой, что это был за персонаж), он хотел, чтобы все как на Западе было, а потом был Корнилов, а немцы с Запада привезли к нам Ленина...». Заметим, правление и Петра I, и Николая II легко уместились в пределах не только одного столетия, но и одного года. А

вот другие ответы: «Горбачев правил с 1964, в 1990-е его преемником был Путин...»; «Горбачев был после Сталина...»; «Перестройка (85–91). Горбачев. Интеллигентные отношения с Ближним Востоком и Европой, налаживание партнерских отношений с Белоруссией, Востоком (война в Афганистане)»; «С идеями Горбачева раннее приходил к власти всего на 2 года (82-84) Андропов (идеи молодых политиков среди команды Брежнева), у него тоже были идеи отпустить все республики в самостоятельную политическую жизнь. Но его не послушали, точнее он не успел воплотить в жизнь свои идеи, т. к. умер, а после него пришел к власти Черненко (взрослый политический деятель из команды Брежнева)». Последний ответ представляет собой едва ли не единственное исключение из общих нелепых рассуждений.

Можно привести и другие не менее интересные ответы будущих гуманитариев. Дело, разумеется, не в этих ответах, не в оценках, выводах, сведениях, напоминающих, как принято говорить, чаще всего беспомощный лепет. Тем более, что и спорить не о чем, изложенное звучит явно не социологично. В том смысле, что каждый преподаватель, во-первых, может припомнить немало таких едва ли не анекдотичных сюжетов из своей практики, когда студенты путают даты, не разбираются в элементарных понятиях, жизни исторических деятелей и т. п. Во-вторых, на любой пример всегда можно, вероятно, привести немало других, демонстрирующих грамотное, логичное, обоснованное изложение обучающимися действительно научных данных и сведений. И все же, по нашему убеждению, а оно базируется теперь уже на немалой практике общения со студентами многих поколений, на постоянном, как говорится, включенном наблюдении, позволяет нам говорить о том, что явно что-то неладное делается не только с преподаванием обществоведения, а в целом с практикой передачи социально-гуманитарных знаний. Ведь даже приведенные примеры показательны и они продемонстрировали, в частности, и то, как нынешние молодые люди владеют русским языком.

Нетрудно заметить и другое. Даже эти немногочисленные сюжеты свидетельствуют о крайне ограниченном, превратном представлении вчерашних школьников о

жизни нашего общества в XX веке. Что является причиной такого положения? Общее снижение культуры, недостатки преподавания обществознания и других гуманитарных и социальных дисциплин, ущербная практика применения Единого государственного экзамена или что-то иное? Попробуем разобраться во всем этом.

Начнем все же с ключевой, по нашему представлению проблемы, с ЕГЭ, содержания и методики использования этого инструмента фиксации полученных знаний. Сошлемся при этом на авторитетное мнение тех, кто регулярно анализирует в масштабах всей страны итоги ЕГЭ по обществознанию. Хотелось бы сослаться на оценки и выводы Т.Е. Лисковой, кандидата педагогических наук, старшего научного сотрудника Института стратегии развития образования Российской академии образования, руководителя Федеральной комиссии по разработке контрольных измерительных материалов для проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего и среднего общего образования по обществознанию. Лискова к тому же является автором многочисленных модульных триактивных курсов, рабочих тетрадей и тетрадей-тренажеров по обществознанию. Словом, это специалист, который владеет всей информацией, затрагивающей существо проблем, связанных с преподаванием и оценкой знаний по обществознанию, регулярно отслеживает все происходящее в этой сфере. Известно, что каждый год Татьяна Евгеньевна Лискова публикует «Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ».

И вот что показывает анализ этих рекомендаций за несколько лет. Во-первых, нельзя не обратить внимание на очень оптимистичные оценки о возможностях Единого экзамена: «Задания экзаменационной модели ЕГЭ позволяют проверить уровень сформированности многих метапредметных результатов, в том числе универсальных учебных действий, обеспечивающих возможность успешного продолжения обучения, а именно: сформированности понятийного аппарата по проверяемым разделам содержания; знания основных правил, зако-

нов и умение их применять; владения навыками смыслового чтения, понимания и адекватной оценки информации, представленной в различных знаковых системах (текст, таблица, различные виды диаграмм, чертежи и т. п.); умения применять изученные понятия, результаты, методы для решения задач практического характера; владения навыками решения широкого спектра учебных задач; способности использовать приемы анализа/синтеза, проводить классификации объектов по выделенным признакам, устанавливать причинно-следственные и другие связи, выстраивать логическую цепь рассуждений и распознавать логически некорректные рассуждения и др.» (Лискова, 2017). Как многое, оказывается, может дать сдача ЕГЭ по обществознанию. Но почему-то всего этого не происходит. Владение навыками смыслового чтения, адекватной оценки информации куда-то исчезают. Причем быстро, как только начинаешь задавать студентам элементарные вопросы, еще недавно не вызывавшие никаких затруднений у обучающихся.

Во-вторых, примечательно, что из года в год Лискова, отмечая существенное улучшение положения дел со сдачей экзамена, также каждый год одновременно указывает на такие недостатки, которые, по сути, полностью нивелируют положительные суждения. Так по итогам ЕГЭ в 2016 году отмечалось, что «Экзамен показал, что по-прежнему не все выпускники знают названия высших государственных органов РФ, затрудняются в установлении связи той или иной государственной функции с соответствующей ветвью власти. Так, только 56 % участников экзамена (48 % в 2015 г.) знают, что исполнительную власть в РФ осуществляет Правительство РФ. Среди наиболее популярных неправильных ответов: «Государственная Дума», «Совет Федерации». Как и в 2015 г., наблюдается путаница в представлениях выпускников о разделении полномочий между федеральным уровнем и уровнем субъектов РФ... Выпускники испытывают затруднения при выполнении заданий по таким содержательным элементам как «Политическое участие», «Избирательный процесс», «Понятие и виды юридической ответственности», «Порядок приёма на работу. Порядок заключения и расторжения трудо-

вого договора». Как будущие активные участники экономической жизни выпускники 2016 г. продемонстрировали непонимание функций различных финансовых институтов (в частности, банковской системы), экономических процессов (безработицы, инфляции)... Задания по разделу «Человек и общество» выполнили в среднем 72,2 %, в то время как аналогичное задание по разделам «Экономика» и «Право» соответственно 55,2 % и 50,1 % участников ЕГЭ. Независимо от проверяемого содержания выпускники испытывали затруднения при выполнении заданий повышенного уровня сложности, проверяющих умения: систематизировать, анализировать и обобщать неупорядоченную социальную информацию; различать в ней факты и мнения, аргументы и выводы...» (Лискова, 2017).

А вот какие ошибки и просчеты зафиксированы по итогам сдачи ЕГЭ в 2017 году. «Выпускники 2017 г. испытали также затруднения при выполнении заданий базового уровня по таким содержательным элементам как «Социальный контроль» (в некоторых вариантах выполнение на уровне 43,7 % и 48,8 %), «Политическая элита» (в некоторых вариантах выполнение на уровне 45,8 % и 47,9 %), «Политические партии и движения» (в некоторых вариантах выполнение на уровне 39,7 % и 41,8 %), «Понятие и виды юридической ответственности» (в некоторых вариантах выполнение на уровне 32,1 % и 33,3 %). Выпускники испытывают особые затруднения при выполнении заданий высокого уровня, проверяющих знание некоторых содержательных элементов. Как и в предыдущие годы, экзамен 2017 года показал очевидные проблемы в социализации выпускников как граждан РФ, будущих работников, налогоплательщиков, активных участников экономической жизни» [Лискова, 2018].

Теперь о прошлогодних выпускниках. Эксперт вновь отмечает, что «Выпускники 2018 года испытали затруднения при выполнении заданий базового уровня по таким содержательным элементам как «постоянные и переменные затраты» (в некоторых вариантах выполнение на уровне 16,1–16,9 %); «социальный контроль» (в некоторых вариантах выполнение на уровне 32,3–33,6 %), «понятие и виды юридической ответственности» (в некоторых вариантах выполнение на

уровне 30,1–32,3 %). Как и в предыдущие годы, экзамен 2018 года показал очевидные проблемы в овладении знаниями, необходимыми для социализации выпускников как граждан РФ, будущих работников, налогоплательщиков, активных участников экономической жизни. Экзамен 2018 года показал, что по-прежнему не все выпускники знают названия высших государственных органов РФ, многие затрудняются в установлении связи той или иной государственной функции с соответствующей ветвью власти / высшим органом власти, должностным лицом РФ» [Лискова, 2019].

Столь обширное цитирование понадобилось для того, чтобы показать: приведенные негативные оценки явно входят в противоречие с пафосом суждений о несомненных достоинствах ЕГЭ. В этой связи возникает вопрос: если усвоение знаний по обществознанию на протяжении многих лет не улучшается, не стоит ли задуматься о погрешностях в самой системе ЕГЭ, в существовании именно такого контроля за объемом освоенных знаний?

Получается, что совершенствование контрольных измерительных материалов, критериев оценки, многочисленные методические конференции, рекомендации учителям и организаторам экзамена, предлагаемые инновационные методики и т. д. не приводят к желательному результату. Можно к этому добавить, что содержательный анализ проведения ЕГЭ дополняется многочисленными отчетами, справками, обсуждениями, которые сводятся лишь к формальной стороне дела, но отнимают очень много времени у тех, кто организует и проводит государственный экзамен. Стоит только обратиться к небольшому сюжету из отчета Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный институт педагогических измерений» о деятельности в 2018 году. «Этап подготовки к ЕГЭ 2018 г.: обеспечены условия информационной безопасности; реализован точно в срок график подготовки и передачи материалов ЕГЭ, пополнен федеральный банк тестовых материалов КИМ ЕГЭ (закрытая часть)» [Отчет..., 2019]. В дальнейшем обращении к этому документу нет необходимости, в тексте также приводятся только сугубо организационно-технические детали, сведения о

том, как готовились измерительные материалы, насколько они изменились по сравнению с прошлым годом и т. п.

В регионах, разумеется, ориентируются на указания и рекомендации министерства и тех, кто готовит все материалы к ЕГЭ. На местах поэтому также чаще всего озабочены лишь организационной стороной подготовки и проведения госэкзамена. Вот как рассуждает, например, министр образования правительства Калининградской области С.С. Трусенёва: «Проведение государственной итоговой аттестации выпускников 9 и 11 классов (ГИА) на высоком организационном уровне без технологических сбоев и нарушений является одной из основных задач регионального министерства образования. Главы муниципалитетов обязаны взять под личный контроль проведение государственной аттестации на своих территориях, организовать подвоз всех участников: выпускников, сопровождающих и педагогов школ (членов предметных комиссий). Также должны быть отработаны схемы межведомственного взаимодействия на случай непредвиденных ситуаций (отключение электроэнергии, водоснабжения, ведение ремонтных работ вблизи пунктов приёма экзаменов). Только слаженная, ответственная работа всех задействованных структур позволит обеспечить высокий уровень организации экзамена» [Трусенёва, 2017]. Споры нет, все перечисленное важно, должно свидетельствовать о реальной заботе о школьниках. Но сводить оценку проведения экзамена только к этому представляется мало перспективным именно с точки зрения повышения качества образования.

Но дело даже не только в этом, не в формальной стороне проведения экзамена. Школьный курс обществознания насыщен обширными сведениями из социологии, философии, экономики, права, политологии. И если материал учебников и пособий излагает все это более или менее последовательно, то задания в «измерительных материалах» превращают все это в хаотическое, несвязанное месиво из самых разнородных наук. Например, демоверсия экзамена по обществознанию в первом задании предполагает ответ на вопрос о духовной культуре, во втором по экономике, в третьем по политологии (Демо-

версия, 2019). Трудно поэтому не согласиться, что «система ЕГЭ, в его нынешнем виде, стимулирует учителей к превращению процесса обучения в натаскивание на тесты, что приводит к провалам знаний в тех областях, которые не подлежат однозначной проверке. Отсутствие устной компоненты, особенно в экзаменах по гуманитарным предметам, ведет к тому, что у учащихся не формируются навыки устного общения, умение правильно выражать свои мысли» (Васильев).

Учитывая, что будущие бакалавры по сути всех направлений подготовки лишены возможности изучать социологию, о чем уже говорилось, и не могут в силу этого даже будущие юристы, экономисты, другие профессионалы разбираться в устройстве общества, в процессах в нем происходящих, в развитии социума и т. п., было бы полезным создать такой курс обществознания, который компенсировал бы отсутствие именно социологического знания у вчерашних школьников. Курс обществознания в нынешнем его виде, кроме фрагментов из самых разных отраслей знания, излишний акцент делает на юриспруденции. Стремление разработчиков курса отчасти понятно. Предполагается, что выпускники будут вооружены правовым знанием, что конечно же важно. Но и здесь наблюдается явный перекося. В правовую часть обществознания включены основы конституционного, гражданского, уголовного, административного и иных разделов юриспруденции. Опять-таки вместо связного, логичного изложения, скажем, основ административного права, что действительно важно для молодых людей, даются сведения, которые не столь существенно влияют на поведение, осмысленное действие человека в обществе. Итак, по нашему убеждению, вместо того чтобы вбирать в себя отрывки из многих отраслей знания, курс обществознания должен создавать целостное представление об обществе, его функционировании.

Еще одним из недостатков государственного экзамена является следующее обстоятельство. Начиная с десятого класса, учащиеся сосредотачиваются на подготовке к четырем государственным экзаменам, двум обязательным и двум по выбору.

Все остальные предметы оказываются второстепенными, ненужными, надо лишь получить по ним положительные оценки в аттестат, что обеспечивается учителями, да и администрациями учебных заведений, как говорится, входящими в положение школьников. Ведь оценка работы школы или лица во многом зависит от того, какие средние баллы получили выпускники, сдававшие госэкзамены.

Известно, что одним из факторов, который способствовал переходу к Единому государственному экзамену, было стремление обеспечить равенство возможностей выпускников средних школ при поступлении в высшие учебные заведения. Действительно, на первый взгляд это и происходит: достаточно получить высокие баллы ЕГЭ и двери самых престижных вузов становятся открытыми. Не будем, однако, забывать, что для получения этих самых баллов мало только основных и дополнительных занятий по обществознанию в школе. Родители все чаще обращаются к услугам репетиторов. По данным исследовательского центра Superjob, например, услугами репетиторов пользуются 27 % семей, где есть дети-школьники. Чем старше ребенок, тем больше потребность в дополнительных занятиях: среди родителей младших школьников репетиторов нанимают 16 %, для учеников 5–6 классов – 22 %, для учеников 7–9 классов – 28 %, для старшеклассников – 43 %. (Опрос проводился в мае 2017 года во всех регионах России. Выборка составила 6400 респондентов. (Почти половина российских семей...)). 46 % опрошенных Фондом общественного мнения полагают, что после введения ЕГЭ школьники стали больше заниматься с репетиторами (Фонд Общественного Мнения: Репетиторство).

В целом по России на оплату образовательных услуг, по данным исследования, проведенного Институтом социологии РАН, вынуждены были затрачивать средства 11 % наших сограждан, а среди семей с несовершеннолетними детьми этот показатель достигает 14 %. Связь опасений (как и затрат) в сфере образования преимущественно с детьми, а не взрослыми членами домохозяйств подтверждается фактом, что среди называющих одним из своих главных опасений невозможность получить самим

или дать детям образование и при этом действительно сталкивающимися с этой проблемой 44 % россиян имеют несовершеннолетних детей (Доклад по социальной политике...). А стоимость этих услуг становится все выше, достигая даже не в столице одной тысячи рублей за час занятий. В Тюмене, например, средняя стоимость занятий с репетитором достигает 900 рублей в час. Но по английскому языку она достигает 2,5 тысячи рублей (Репетиторы Тюмени: выходить ли из тени?). В Калининграде средняя стоимость услуг репетитора достигла 800 рублей за один час занятий (Репетиторы в Калининградской области). Уже само это не способствует обеспечению того самого равенства возможностей, на которое рассчитывали при введении ЕГЭ.

Мы далеки от того, чтобы сводить все недостатки преподавания социальных и гуманитарных дисциплин в средних учебных заведениях лишь к одной причине, только к изъянам Единого государственного экзамена. Проблемы современной российской средней школы не сводятся к этому. Более того, не сложно спрогнозировать, по нашему мнению, что ситуация с преподаванием обществознания, как видимо и других дисциплин, вряд ли улучшится, когда в школе будет все больше учителей, не имеющих педагогического образования. Как разъяснила заместитель министра просвещения Т.Ю. Синюгина: «Требование профстандарта о наличии ВО [высшее образование] или СПО [среднее профессиональное образование] в области, соответствующей преподаваемому предмету, является достаточным основанием для осуществления образовательной деятельности в должности учитель...» (О направлении разъяснений...). Эту новацию активно поддержал П.М. Кудюкин, сопредседатель Центрального совета Межрегионального профсоюза работников высшей школы «Университетская солидарность»: «Я считаю, что это на редкость разумное решение. Трудно было ожидать от нашего Министерства просвещения, что оно до этого дозреет. Всё-таки, по моему глубокому убеждению, для преподавателей любого уровня гораздо важнее знать свой предмет, чем иметь формальную бумажку о педагогическом образовании» (Учитель...).

Получается, что изучение хотя бы основ педагогики, методики преподавания становится излишним, а диплом, как свидетельство получения человеком определенной квалификации, оценивается только как бумажка.

Все активнее продвигается идея дистанционного и самостоятельного изучения дисциплин. Вот, например, что рекомендовал нашей системе образования еще в 2003 году Всемирный банк в одном из своих отчетов: «Модернизация российского образования предполагает постановку акцента на самостоятельном обучении [выделено автором – К.В.] учащихся и на интерактивных способах обучения, а не на пассивном поглощении получаемого от педагога лекционного материала. Она также предусматривает разработку учебных программ, ориентированных на формирование ключевых компетентностей» (Доклад Всемирного банка «Политика информатизации...»). Всемирный банк, как выясняется, уделяет значительное внимание такой тенденции как «изменение методов предоставления услуг и схем организации обучения в системе высшего образования в результате революции в области информации и связи» (Доклад Всемирного банка «Формирование общества...»). Как видим, контактная работа, в основе которой общение по линии «учитель – ученик», «преподаватель – студент» оказывается ненужной, излишней. Неслучайно многие вузы постоянно снижают аудиторную нагрузку преподавателей, уповая лишь на онлайн-курсы, дистанционные формы обучения и на так называемую самостоятельную работу обучающихся, проверка которой, к слову заметить, нагрузкой как-то не предусмотрена.

Теперь несколько замечаний о формировании «ключевых компетентностей», что уже не в переводном варианте приобрело у нас понятие «компетенции». Понятно, что все это возникло при подключении России к Болонскому процессу. До этого в отечественном образовании было принято фиксировать приобретенные учащимися всех учебных заведений знания, умения и навыки. Помоему, очевидно, что выявить, насколько все это реально приобретено в процессе обучения не столь уж сложно. Но вот теперь речь идет о компетенциях. Представляется, что

здесь замерить то, как они усвоены, уже гораздо сложнее. Тем более, что сформулированы компетенции порой так, что вообще мало понятно, что за ними скрывается. Как, например, оценить, насколько обучающийся овладел такой компетенцией: «Способностью решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности» (Бушмелева).

В качестве существенного достижения реформирования отечественной системы образования фиксируется, что «в средней школе в качестве эксперимента вводятся гибкие программы профильного обучения. Обновлению содержания школьного образования способствовала либерализация рынка [выделено автором – К.В.] учебников» (Доклад Всемирного банка «Модернизация российского образования ...»).

В этой связи в обществе не снижается тревога относительно положения в средней школе. Опрос ВЦИОМ, проведенный в июле 2018 года, показал, например, что некоторые убеждения о проведении ЕГЭ оказались наиболее устойчивыми и распространенными среди россиян. Так, 77 % считают, что учащихся натаскивают только на прохождение тестов, в связи с этим ухудшается качество знаний, это число выросло за последние 4 года (с 64 % в 2014 г.). В том, что государственный экзамен не учитывает индивидуальные особенности школьников уверены 77 %. Еще 71 % думают, что проверка знаний после введения ЕГЭ стала формальной и поверхностной (ВЦИОМ).

К сожалению, принимаемые меры, в том числе в рамках соответствующего национального проекта, пока не приносят желаемого результата. Проблемы образования и образованности делаются все более острыми, чреватými немалыми рисками для дальнейшего развития российского общества. Как отмечает Ж.Т. Тощенко: «Очевидно, что знание (образование) практически перестало играть роль в вертикальной, а нередко и горизонтальной мобильности. На первый план вышли такие факторы продвижения в жизни, в служебной карьере, как

владение капиталом, причастность (принадлежность) к властным структурам, связь с нужными людьми. Образование осталось необходимым, но не самым важным маркером для определения успешного жизненного пути. 18,7 % не видят перспективы в работе, профессиональной карьере (21 % педагогов, 16,8 % работников здравоохранения и 22,7 % работников культуры). Особенно удручает, что творческий потенциал интеллигенции, ее социальные лифты потеряли свою значимость и даже вытеснены другими правилами кадровой политики, в результате чего происходит продвижение по социальной лестнице отнюдь не самых талантливых представителей интеллигенции» (Тощенко, 2019).

В заключение к тому, что уже говорилось о трансформации преподавания обществознания в средней школе, представляется необходимым высказать и еще некоторые соображения.

Первое. Для автора совершенно очевидно, что в настоящее время отказ от Единого государственного экзамена вряд ли возможен. Ко всему прочему еще и потому, что интересы слишком большого числа людей связаны именно с ЕГЭ. Во-вторых, очевидно и другое. Как известно, своеобразным пропуском для сдачи ЕГЭ с недавних пор стало написание сочинения. И пусть пока оно далеко не то, что действительно можно назвать полноценным письменным экзаменом, все же важный шаг сделан. Более того, уже не только обсуждается, но и вошло в режим принятия решений применение так называемой устной части ЕГЭ по ряду дисциплин. Можно предположить, что это затронет и обществознание. И будет первым этапом на пути совершенствования преподавания обществознания в средней школе.

Но это только первый шаг. И все самое главное, по нашему мнению, может состоять в том, что ЕГЭ останется только дополнительной, и не более того, формой проведения экзамена по обществознанию. Возможно, ЕГЭ при возвращении его тестовой части, тоже станет лишь пропуском к полноценному устному экзамену, который и обеспечит выявление основ знания об обществе, его структуре и проблемах, включая элементарные навыки эмпирического исследования.

Библиографический список

- Бушмелева Д.Б. Россия и болонский процесс: возможности и перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1620 (дата обращения: 11.04.2019).
- Васильев С.Ф. Реформа образования в России в контексте глобализации: поход против знаний [Электронный ресурс]. URL.: <http://netreforme.org/news/reforma-obrazovaniya-v-rossii-v-kontekste-globalizatsii-pohod-protiv-znaniy-2/> (дата обращения: 14.04.2019).
- ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9195> (дата обращения: 14.04.2019).
- Доклад Всемирного банка «Модернизация российского образования: достижения и уроки». [Электронный ресурс]. URL.: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/305499-1094736798511/518266-1094798630332/elearning_policy_rus.pdf (дата обращения: 19.04.2019).
- Доклад Всемирного банка «Политика информатизации и новая школа в России». 2003 [Электронный ресурс]. URL.: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/305499-1094736798511/518266-1094798630332/elearning_policy_rus.pdf (дата обращения: 20.04.2019).
- Доклад Всемирного банка «Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы». [Электронный ресурс]. URL.: <http://documents.worldbank.org/curated/en/323021468329427646/pdf/249730Russian.pdf> (дата обращения: 20.04.2019).
- Доклад по социальной политике Института социологии РАН. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.isras.ru/analytical_report_SociaPpolicy_07.html?&printmode (дата обращения: 14.04.2019).
- Как проходит процесс обучения в американском вузе? [Электронный ресурс]. URL.: <https://mechanismone.livejournal.com/26051.html> (дата обращения: 12.04.2019).
- Лискова Т.Е. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2016 года. Обществознание. [Электронный ресурс]. URL.: <http://fipi.ru/sites/default/files/document/1472212458/obshchestvoznanie.pdf> (дата обращения: 19.04.2019).
- Лискова Т.Е. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2017 года. Обществознание. [Электронный ресурс]. URL.: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1508496086/obshchestvoznanie_2017_red._18.10.2017.pdf (дата обращения: 19.04.2019).
- Лискова Т.Е. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2018 года. Обществознание. [Электронный ресурс]. URL.: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1535372249/obshchestvoznanie_2018.pdf (дата обращения: 19.04.2019).
- Министерство просвещения Российской Федерации. Заместитель Министра. О направлении разъяснений [Электронный ресурс]. URL.: https://pedagog-prof.org/images/2019/ts-817_08.pdf (дата обращения: 07.04.2019).
- Отчет о деятельности Федерального государственного

References

- Bushmeleva D.B. Russia and the Bologna Process: Opportunities and Prospects. Available at: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1620 (accessed: 11 April 2019). (In Russ.)
- Vasil'ev S.F. Education reform in Russia in the context of globalization: a campaign against knowledge. Available at: <http://netreforme.org/news/reforma-obrazovaniya-v-rossii-v-kontekste-globalizatsii-pohod-protiv-znaniy-2/> (accessed: 14 April 2019). (In Russ.)
- VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9195> (accessed: 14 April 2019). (In Russ.)
- The World Bank Report "Modernization of Russian education: achievements and lessons". Available at: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/305499-1094736798511/518266-1094798630332/elearning_policy_rus.pdf (accessed: 19 April 2019). (In Russ.)
- The World Bank Report "Informatization Policy and New School in Russia". 2003. Available at: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/305499-1094736798511/518266-1094798630332/elearning_policy_rus.pdf (accessed: 20 April 2019). (In Russ.)
- The World Bank Report "Building a Knowledge-Based Society. New tasks of higher education. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/323021468329427646/pdf/249730Russian.pdf> (accessed: 20 April 2019). (In Russ.)
- Social Policy Report of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Available at: http://www.isras.ru/analytical_report_SociaPpolicy_07.html?&printmode (accessed: 14 April 2019). (In Russ.)
- Teaching in American university. Available at: <https://mechanismone.livejournal.com/26051.html> (accessed: 12 April 2019). (In Russ.)
- Liskova T.E. Guidelines for teachers based on the analysis of the typical errors of the UNE participants year 2016. Social Studies. Available at: <http://fipi.ru/sites/default/files/document/1472212458/obshchestvoznanie.pdf> (accessed: 19 April 2019). (In Russ.)
- Liskova T.E. Guidelines for teachers based on the analysis of the typical errors of the UNE participants year 2017. Social Studies]. Available at: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1508496086/obshchestvoznanie_2017_red._18.10.2017.pdf (accessed: 19 April 2019). (In Russ.)
- Liskova T.E. Guidelines for teachers based on the analysis of the typical errors of the UNE participants year 2018. Social Studies. Available at: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1535372249/obshchestvoznanie_2018.pdf. (accessed: 19 April 2019). (In Russ.)
- Ministry of Education of the Russian Federation. Deputy Minister. About the direction of clarification. Available at: https://pedagog-prof.org/images/2019/ts-817_08.pdf. (accessed: 07 April 2019). (In Russ.)
- Report on the activities of the Federal State Budgetary

бюджетного научного учреждения «Федеральный институт педагогических измерений» в 2018 году. 2019 [Электронный ресурс]. URL.: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1551426799/otchet_fipi_za_2018.pdf (дата обращения: 12.04.2019).

Почти половина российских семей, где есть старшеклассник, оплачивает репетиторов [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.superjob.ru/research/articles/112087/pochti-pоловина-rossijskih-semej/> (дата обращения: 01.05.2019).

Репетиторы в Калининградской области [Электронный ресурс]. URL.: <https://kaliningrad.profi.ru/repetitor/> (дата обращения: 01.05.2019).

Репетиторы Тюмени: выходить ли из тени? [Электронный ресурс]. URL.: <https://nblife.info/national-business/rubrics/society/2019-01-repetitory-tyumeni-vykhodit-li-iz-teni/> (дата обращения: 02.05.2019).

Трусенёва С. Нужно отработать схему взаимодействия на случай непредвиденных ситуаций на ЕГЭ [Электронный ресурс]. URL.: <http://kgd.ru/news/opinion/item/62213-svetlana-trusenjova> (дата обращения: 19.04.2019).

Тощенко Ж.Т. Исследователи заглянули в ценностный мир гуманитариев: Социология былой интеллигентности // Независимая газета. 2019, 21 января.

Учитель без диплома педагога в РФ теперь норма? Павел Кудюкин назвал решение Министерства просвещения РФ на редкость разумным [Электронный ресурс]. URL.: <https://regnum.ru/news/2605885.html> (дата обращения: 12.04.2019).

Фонд Общественного Мнения: Репетиторство [Электронный ресурс]. URL.: <https://4ege.ru/obrazovanie/4628-fond-obschestvennogo-mneniya-repetitorstvo.html> (дата обращения: 01.05.2019).

Чеха В. Является ли образование услугой? // Вести образования [Электронный ресурс]. URL.: https://vogazeta.ru/articles/2017/10/2/blog/397-yavlyatsya_li_obrazovanie_uslugoy_ (дата обращения: 22.04.2019).

Сведения об авторе

Кривошеев Владимир Вениаминович, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, доктор социологических наук, доцент, Россия, 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д.14, e-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

Критерии авторства

Кривошеев В.В. оформили результаты исследования и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Scientific Institution "Federal Institute of Pedagogical Measurements" in 2018. 2019]. Available at: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1551426799/otchet_fipi_za_2018.pdf. (accessed: 12 April 2019). (In Russ.)

Almost half of Russian families where there is a secondary school student pay to private tutors. Available at: <https://www.superjob.ru/research/articles/112087/pochti-pоловина-rossijskih-semej/>. (accessed: 1 May 2019). (In Russ.)

Private tutors in Kaliningrad region. Available at: <https://kaliningrad.profi.ru/repetitor/> (accessed: 1 May 2019). (In Russ.)

Tyumen private tutors: should they come out of the shadow. Available at: <https://nblife.info/national-business/rubrics/society/2019-01-repetitory-tyumeni-vykhodit-li-iz-teni/>. (accessed: 02 May 2019). (In Russ.)

Truseniyova S. It is necessary to work out the interaction scheme in case of unforeseen situations at the Unified State Exam]. Available at: <http://kgd.ru/news/opinion/item/62213-svetlana-trusenjova> (accessed: 19 April 2019). (In Russ.)

Toshchenko Zh. T. Researchers looked into the value former intelligence world of the humanities: Sociology of. *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya Gazeta]. 2019, 21 January. (In Russ.)

Is a teacher without diploma in Education in the Russian Federation now a norm. Available at: <https://regnum.ru/news/2605885.html> (accessed: 12 April 2019). (In Russ.)

Public Opinion Foundation: Private Tutoring. Available at: <https://4ege.ru/obrazovanie/4628-fond-obschestvennogo-mneniya-repetitorstvo.html> (accessed: 1 May 2019). (In Russ.)

Chekha V. Is education a service? *Vesti obrazovaniya* [Education Bulletin]. Available at: https://vogazeta.ru/articles/2017/10/2/blog/397-yavlyatsya_li_obrazovanie_uslugoy_ (accessed: 22 April 2019). (In Russ.)

Author Credentials

Vladimir V. Krivosheev, Professor of Humanities Institute of Immanuel Kant Baltic Federal University, Dr. Sci. (Sociological Sciences), 14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia, e-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

Criteria for Authorship

Krivosheev V.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Чтение молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и России: результаты социологических исследований

© С.Х. Хакназаров, В.А. Рудаков

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация: Ситуация с изменением культуры чтения книг в молодежной среде является предметом исследований на различных уровнях: федеральном и региональном. Имеется достаточно большое количество информации на эту тему, но вследствие отсутствия единой методологии исследования и однозначной терминологии, нерепрезентативности выборки респондентов, неубедительности анализа результатов существуют определенные трудности в понимании проблемы. В статье представлены результаты исследований чтения молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и в Российской Федерации, проведенные в последние годы. Опросами на Всероссийском и региональных уровнях были охвачены около 15 тысяч молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет. Анализ результатов исследований в десяти регионах страны позволил нам выявить приоритеты молодежи в проведении свободного времени, отношение молодых читателей к бумажной и электронной книгам, роль Интернета в получении знаний и социальной коммуникации. Исследования подтвердили, что чтение для молодежи носит прагматичный характер, но, вместе с тем, делают они это и ради удовольствия. Сопоставление результатов последних исследований позволило выделить общее и специфическое в читательских предпочтениях произведений художественной литературы из разных территорий России: молодежь читает литературу различных авторов и жанров, региональные и возрастные различия в этом значительные, на выбор книги влияет большое количество различных факторов. Предпочтение отдают русской классической литературе и жанрам, отвечающим психологическим и эмоциональным запросам молодежи.

Ключевые слова: социологические исследования, респонденты, регионы России, Интернет, интерес к чтению, читательские предпочтения молодежи

Информация о статье: Дата поступления 28 мая 2019 г.; дата принятия к печати 29 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Хакназаров С.Х., Рудаков В.А. Чтение молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и России: результаты социологических исследований. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 185–193.

Reading young people in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra and Russia: the results of sociological research

© Said Kh. Khaknazarov, Vladimir A. Rudakov

Ob-Ugrian institute of applied researches and developments, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract: The situation with the changing culture of reading books among young people is the subject of research at various levels: federal and regional. There is quite a large amount of information on this topic, but due to the lack of a unified research methodology and unambiguous terminology, unrepresentative sample of respondents, unconvincing analysis of the results, there are some difficulties in understanding the problem. The article presents the results of study of reading youth in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra and in the Russian Federation, conducted in recent years. Surveys at the national and regional levels covered about 15 thousand young people aged 15 to 30 years. The analysis of research results in ten regions of our country allowed us to identify priorities in spending free time, the attitude of young readers to paper and e-books, the role of the Internet in obtaining knowledge and social communication. Studies have confirmed that reading for young people is pragmatic, but at the same time, they read for fun. The comparison of the results of recent studies has allowed to highlight the general and specific in the reader's preferences of works of fiction of young readers from different territories of Russia: young people read the literature of different authors and genres, regional and age differences are significant, the choice of the book is influenced by a large number of different factors. Young people prefer Russian classical literature and genres that meet the psychological and emotional needs of young people.

Keywords: sociological research, respondents, Russian regions, Internet, interest in reading, reading preferences of young people.

Article info: Received May 28, 2019; accepted for publication May 29, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Khaknazarov S.Kh., Rudakov V.A. (2019) Reading young people in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra and Russia: the results of sociological research. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 4. No. 2. Pp. 185–193. (In Russ.)

Писатели в России последние три века рассматривались как властители умов грамотных людей, а чтение книг считалось важнейшей культурной традицией. Ведущая роль книги в культурном и интеллектуальном развитии личности всегда признавалась в советском и российском обществе. Всеобщая грамотность населения и растущий уровень образования молодежи, системы книгоиздания и государственных библиотек способствовали формированию культуры книги, что проявилось в оценке «самая читающая страна».

Кардинальные социально-экономические изменения в обществе, широкое внедрение во все сферы общественной жизни Интернета изменили в России ситуацию с чтением книг и стали предметом исследования на различных уровнях. Многочисленные опросы, проведенные в России социологическими службами (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ), свидетельствуют о снижении интереса к чтению у взрослых и детей. В различных регионах нашей страны социологические опросы населения, в том числе молодежи, затрагивающие их отношение к чтению, проводят работники библиотек. Но дают ли они цельную картину по данной проблеме? Отсутствие единой методики исследования и однозначной терминологии, эпизодичность исследований, нерепрезентативность выборки респондентов, неубедительность описательного (дескриптивного) анализа результатов создают определенные трудности в понимании ситуации. При достаточно большом количестве информации на эту тему нам не удалось найти системное представление о ситуации с чтением литературы и тенденциях изменений в этой сфере как в целом в стране, так и по отдельным регионам.

Все эти причины подтолкнули нас провести в настоящей статье сопоставление результатов социологических исследований в различных регионах страны с результатами нашего исследования «Мониторинг чтения школьников Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в реальной и электронной среде». В связи с тем, что в регионах проводили анкетирование молодежи, а мы школьников, для сравнения нами взяты только результаты опроса учащихся 10–11-

классов (16–18 лет). В своем исследовании мы попытались выявить, что читают молодые, какие приоритеты имеют в выборе авторов и жанров, специфические черты новой модели чтения, какова роль различных факторов в процессе формирования культуры чтения.

Опрос проводился в марте-апреле 2017 года среди обучающихся общеобразовательных учреждений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее ХМАО – Югра). В нашем анкетировании приняли участие 753 старшеклассника из 20 городов и районов автономного округа: 321 учащийся 10-го класса и 432 учащихся 11-го класса. Анкета состояла из 34 вопросов, в том числе 27 – с вариантами ответов и 7 – с открытыми ответами. В настоящей статье представлен анализ ответов на некоторые вопросы.

Для сравнения мы использовали результаты анкетирования молодежи по близким по содержанию вопросам в Республиках Коми, Крым, а также в Удмуртии, Омской и Самарской областях, г. Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Челябинск, Архангельск, Всероссийских опросов – ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центра. Всероссийскими опросами были охвачены около 12000 респондентов, в отдельных регионах России – около 2000 человек. По годам проведения опросов расхождения незначительные: 2013–2018 гг., и только в отдельных случаях нами использовались результаты более ранних опросов.

Большее половины респондентов ХМАО-Югры любят проводить свободное время в Интернете, а также заниматься спортом и читать книги (табл. 1).

Среди способов проведения досуга у студентов г. Челябинска на первом месте стоит общение с друзьями (90 %). Чтение как способ проведения досуга характерен для 57 % опрошенных. Из других видов досуга студенты назвали общение в сети Интернет (67 %), посещение ночных клубов и кинотеатров (30 %), занятия спортом (27 %) (Кустова, 2017).

По результатам опроса в Республике Коми (2015 г.) молодежи в возрасте от 14 до 30 лет (скорее всего это посетители библиотеки) чтение в структуре досуга присутствует

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Чем ты больше всего любишь заниматься?»

Table 1

Distribution of responses to the question: "What do you like most to do?"

Варианты ответов	Кол-во	В %
Смотреть телевизор	152	20,2
Читать книги	374	49,7
Заниматься спортом	386	51,3
Проводить время в Интернете	463	61,5
Играть в компьютерные игры	144	19,1
Другое	130	17,3
Другое – гулять	59	7,8
Итого	1708	226,8

у 97 % респондентов, время в Интернете проводят 25,4 %, смотрят телевизор – 9 % респондентов (Республиканский опрос...).

По данным опроса читателей библиотек в Омской области молодежь свободное время проводит, в основном, в общении с друзьями – 72 %, чтению книг и журналов уделяют внимание 67 %, а компьютеру – всего 30 % (Гурян...).

Молодежь г. Саратова (2011 г.) свободное время проводит в кругу друзей (32 %), спортом занимаются 16,1 % респондентов, за чтением проводят свободное время

всего 9,3 % молодежи (Читательские предпочтения...).

Из приведенных результатов невозможно сложить объективное представление о досуге, но мы отмечаем, что молодежь Югры и других регионов России достаточно активно тратит свое личное время на Интернет и чтение книг, наши старшеклассники также занимаются спортом.

Около половины старшеклассников ХМАО – Югры любят читать, но им на это не хватает времени, каждый пятый много читает. Негативное отношение высказали всего 2,4 % респондентов (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как ты относишься к чтению?»

Table 2

Distribution of responses to the question: "How do you feel about reading?"

Варианты ответов	Кол-во	В %
Не представляю жизнь без чтения	33	4,4
Мне нравится читать, я много читаю	121	16,1
Люблю читать, но не хватает времени	363	48,2
Читаю для выполнения задания только то, что необходимо для учебы	135	17,9
Иногда читаю что-нибудь легкое, чтобы развлечься	123	16,3
Читаю только для получения информации	85	11,3
Не люблю читать, скучное занятие	15	2,0
Чтение сейчас никому не нужно	3	0,4
Другое	18	2,4
Итого	896	119

По последним данным ВЦИОМ только 4 % россиян не читают книг. Результаты ряда исследований (Общественное мнение – 2016, 2017; Гурян...; Самохина...) рисуют следующую картину: 70–80 % опрошенных читают в связи с учебными целями; примерно каждый второй называет мотивы, связанные с познанием, самообразованием; каждый четвертый – связанные с эмоциональным и эстетическим удовольствием; 30–40 % связывают чтение с отдыхом, развлечением. Для большинства российских старшеклассников (79,6 %) важным является получение удовольствия от чтения, при этом на такое чтение у каждого пятого респондента не хватает времени (Метелкина, 2017). Молодежь Саратова в возрасте от 15 до 19 лет, в основном, читает для получения необходимой информации и подготовки к учебным занятиям (53 %), чтение, как способ приятно провести время, отметили 30,3 %. Такие же результаты среди возрастной группы 20–24 года (Читательские предпочтения...).

Студенты г. Санкт-Петербурга в большинстве своем (90 %) не согласились с суждением, что в наше время не обязательно читать книги, потому что любую информацию можно найти в других источниках (Захарова, 2016).

По итогам опроса в Крыму (2017 г.) для многих молодых людей чтение – это хобби, 75 % респондентов любят читать (Сиротюк, 2016).

Таким образом, для молодёжной аудитории традиционное чтение остается привычным источником знаний. Исследования в регионах показали, что большинство молодых людей хорошо относятся к чтению книг, оно для них носит не только прагматичный характер, но и приносит удовольствие.

При этом мы отмечаем, что достаточно большое количество респондентов указывают на дефицит времени для досугового чтения.

Больше половины старшеклассников Югры указали, что в домашней библиотеке находится менее 50 книг (табл. 3).

Исследование ВЦИОМ в 2018 году, посвященное теме чтения, показало, что больше половины молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет (57 %) имеют небольшие домашние библиотеки до 100 книг (Что читают россияне?). Треть россиян (35 % в 2017 г.) читает (или скачивает) книги в глобальной сети (Читать или не читать?...).

Из этого следует, что наше исследование подтвердило общероссийскую тенденцию сокращения роли домашней библиотеки в формировании культуры чтения у молодежи.

В последние годы многие исследователи указывают на устойчивую тенденцию: молодежь книгам предпочитает Интернет. Наше исследование подтверждает тренд. Кроме этого мы выяснили структуру интереса старшеклассников в Интернете: чаще всего они интересуются новостями (64 %), записями в сообществах (54 %), информацией о фильмах и актерах (45 %), книгами (40 %) (табл. 4).

По данным ВЦИОМ (2018 г.) молодежь 18–24-х лет в Интернете предпочитает читать в социальных сетях новости – 56 %, блоги читают 36 % (Любимые книги: что...). За последнее десятилетие среднесуточное время использования Интернета в нашей стране выросло более чем в 10 раз – до 73 % (Назаров, 2017). Московские подростки 14–16 лет в Интернете читают, в основном, новости (80 %) и юмор (32 %) (Губанов, 2015).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Сколько книг у тебя в домашней библиотеке?»

Table 3

Distribution of responses to the question: "How many books do you have in your home library?"

Варианты ответов	Кол-во	В %
Менее 50 книг	408	54,2
От 50 до 300 книг	285	37,8
Более 300 книг	48	6,4
Нет	12	1,6
Итого	753	100,0

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Что ты обычно читаешь в Интернете?»

Table 4

Distribution of responses to the question: "What do you usually read on the Internet?"

Варианты ответов	Кол-во	В %
Новости	481	63,9
Телепрограммы	41	5,4
Информацию об известных личностях	231	30,7
Книги	299	39,7
Журналы	59	7,8
Записи на форумах	148	19,6
Записи в сообществах	406	53,9
Сайты, посвященные определенной теме	289	38,4
О компьютерных играх	109	14,5
О спорте	233	30,9
Юмор	289	38,4
О фильмах, актёрах	338	44,9
Литературные сайты (о книгах, писателях и т. д.)	120	15,9
Сайты современных писателей	68	9,0
Энциклопедии	140	18,6
Не читаю, там мало интересного	9	1,2
Другое	19	2,5
Итого	3279	435,5

Несмотря на то, что для молодёжи чтение книг остается популярным источником знаний, ситуация стремительно меняется и Интернет становится главным источником информации и полем социальных коммуникаций.

Вместе с тем, любопытную картину дают ответы респондентов на вопрос о предпочитаемом виде книги: бумажном или электронном. Старшеклассники Югры больше читают книги в бумажном виде (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «В каком виде ты предпочел бы читать книгу?»

Table 5

Distribution of responses to the question: "Which books do you prefer to read, e-books or printed (paper) books?"

Варианты ответов	Кол-во	В %
В бумажном виде	574	76,2
В электронном виде	192	25,5
Как аудио-книгу	76	10,1
Ни в каком	16	2,1
Итого	858	113,9

Чтение книг на бумажных носителях привлекает 77 % молодежи разных городов (Назаров, 2017). В Республике Коми респонденты также предпочитают читать печатные книги (64 %), в электронном виде – 22 %, аудиокниги – 4 % (Республиканский опрос...). В Республике Крым молодые люди отдали предпочтение книгам в электронном виде (57 %), за бумажный вариант высказались 43 % (Сиротюк, 2017). В Саратове печатными и электронными читательскими ресурсами пользуется примерно одинаковое количество молодежи – 48,7 % и 42,5 % соответственно (Читательские предпочтения...). Студенты Архангельска также предпочитают бумажную книгу (87,5 %). Опрос на портале SuperJob.ru показал, что 79 % молодых людей предпочитают бумажные книги (Самохина...).

Можно предположить, что бумажный вариант книги остается основным в молодежной среде благодаря культурной традиции. Вместе с тем, укрепление феномена чтения в целом будет испытывать влияние Интернета и других аудиовизуальных медиа – электронные технологии невозможно проигнорировать.

На культурный уровень респондентов, отчасти, указывает выбор любимого произведения или автора. Старшеклассниками

Югры названы: М. Булгаков, Л. Толстой, А. Пушкин, Ф. Достоевский (табл. 6).

По данным ФОМ (2015 г.) молодежь 18–30 лет чаще читает русскую литературу (33 %) чем зарубежную (18 %). Из жанров: фэнтези (31 %), научную фантастику и исторические романы (по 25 %), приключения и детективы (по 24 %) (ФОМ: Год литературы...).

Социолог Л.Ф. Борусяк на основе анализа 700 анкет студентов, аспирантов и выпускников вузов Москвы и Санкт-Петербурга выделила следующих любимых авторов: М. Булгаков и Э.-М. Ремарк (по 9 %), Ф. Достоевский (7,4 %), братья Стругацкие (6,1 %), Дж. Толкиен (4,7 %), Л. Толстой (4 %) (Борусяк, 2015). Опрос студентов Санкт-Петербурга (17–18 лет) показал, что они любят читать русскую (63 %) и зарубежную (60 %) классику, современной зарубежной прозе предпочтение отдали 33 %, а современной российской прозе – всего 16 % (Захарова, 2016).

Исследование М.В. Кустовой показало, что студенты Челябинска для досугового чтения предпочитают прозу современных отечественных и зарубежных авторов (53 %), русскую и зарубежную классику (47 %), детективы (37 %), фантастику/фэнтези (23 %). Среди любимых авторов они назвали Л. Улицкую, Дж. Барнса, Ж. Сарамого, Ч. Па-

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Укажи свою любимую книгу и своего любимого автора?»

Table 6

Distribution of responses to the question: "What is your favorite book and your favorite author?"

Автор, книга	Кол-во	В %
М.А. Булгаков	37	4,9
Л.Н. Толстой	34	4,5
А.С. Пушкин	31	4,1
Ф.М. Достоевский "Преступление и наказание" и др.	30	4,0
С. Кинг	20	2,7
Р. Брэдли "Вино из одуванчиков" и др.	19	2,5
Дж. Роулинг "Гарри Поттер"	18	2,4
Дж. Грин "Виноваты звезды", "В поисках Аляски"	17	2,3
Э.-М. Ремарк "Жизнь взаимы", "Три товарища"	15	2,0
Их много	14	1,9
Нет, без ответа	272	36,1
Итого	753	100,0

ланика, Х. Мураками, Ф. Саган, Р. Брэдбери, М. А. Булгакова, Ф. М. Достоевского и других (Кустова, 2017).

Результаты опроса (2015 год) сотрудниками юношеской библиотеки Республики Коми студентов, служащих и молодых рабочих в возрасте от 14 до 30 лет показали, что среди жанров молодежь предпочитает фантастику/фэнтези (39,1 %), приключения (32,5 %), детективы (30,4 %), русскую (30 %) и зарубежную (28 %) классику. Молодёжь отметила творчество классиков русской литературы: Л. Толстого (27 %), Ф. Достоевского (12,3 %), М. Лермонтова (10,7 %) и А. Пушкина (9 %). Многих привлекают книги фэнтези А. Сапковского, Дж. Мартина и серия о Гарри Поттере Дж. Роулинг (Республиканский опрос...). Поэзия у молодежи республики не в чести.

Сотрудники «Крымской Республиканской библиотеки для молодежи» провели интервьюирование одной тысячи человек (2017 год) в возрасте от 14 до 25 лет и выявили интересы к жанрам. Самым популярным оказался жанр фэнтези (28 %), далее – классика (19 %), детективы (11 %) и фантастика (8 %). Среди любимых авторов были названы А. Пушкин, С. Есенин, М. Булгаков, Н. Гоголь, И. Бунин, Ф. Достоевский. В жанре фэнтези особой популярностью у молодых читателей пользуются произведения Дж. Роулинг и М. Фрая, а в жанре фантастика – С. Лукьяненко и Д. Емец (Сиротюк, 2017).

Молодежь Омской области (15–24 лет) отдает предпочтение детективам и приключениям, среди любимых книг назвали: А.С. Пушкин «Дубровский», М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита». Среди читательских предпочтений молодых людей г. Саратова исследователи выделяют классику и такие жанры как фантастика/фэнтези (Гурян...).

Таким образом, анализ многочисленных исследований показал, что молодежь читает литературу различных авторов и жанров, региональные и возрастные различия в этом чрезвычайно большие. Это указывает на то, что на выбор книги влияет достаточно большое количество факторов. Вместе с тем, неоспоримо, что предпочтение молодые люди отдают русской классической литературе (по нашему мнению – это результат влияния уроков литературы в школе) и остросюжетным, адреналиновым

жанрам: фантастика/фэнтези, детективы и приключения (следствие психологических особенностей возраста).

Из изученных нами исследований невозможно создать объективное представление о досуге молодежи Российской Федерации, но достаточно очевидно, что молодежь Югры и других регионов тратит свое время, в основном, на Интернет и чтение книг. ХМАО – Югра отличается тем, что наши старшеклассники также активно занимаются спортом.

Большинство молодых людей в регионах и Югре хорошо относятся к чтению книг, в основном, читают в учебных целях, но нередко и ради удовольствия. При этом, мы отмечаем, что достаточное количество респондентов указывает на дефицит времени для досугового чтения.

Бумажный вариант книги остается основным в молодежной среде благодаря культурной традиции. Вместе с тем, расширяется влияние Интернета и других аудиовизуальных медиа, оказывающих комплексное воздействие на разные органы чувств человека. В этом находит «свое проявление общий вектор развития современной технологической цивилизации». Трудно не согласиться, что «если новые поколения не будут читать в электронной форме, то вполне вероятно, что не будут читать вообще» (Назаров, 2017. С. 92).

Наше исследование подтверждает выводы других исследований на устойчивую тенденцию в молодежной среде: молодые книги предпочитают Интернет. Несмотря на то, что чтение книг остается популярным источником знаний, ситуация стремительно меняется и Интернет становится главным источником информации и полем социальных коммуникаций молодежи.

Анализ результатов многочисленных исследований позволяет сделать вывод, что молодежь читает литературу различных авторов и жанров, региональные и возрастные различия в этом чрезвычайно большие. Вполне очевидно, что на выбор книги влияет очень большое количество различных факторов: информационных, личностных, культурных и других. Вместе с тем выявлено, что предпочтение молодые люди отдают русской классической литературе (что во многом, по нашему мнению, определяется

необходимостью чтения по школьной программе или последствиями уроков литературы – позитивными воспоминаниями о про-

читанных в школе книгах) и жанрам, отвечающим психологическим и эмоциональным запросам молодежи: фантастика/фэнтези, детективы и приключения.

Библиографический список

Борусьяк Л.Ф. Любимые авторы, любимые книги: что читает современная молодёжь // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 1. С. 90–105.

Губанова А.Ю. Классификация электронного контента сайтов для детей: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. №7 (150). С. 139–143.

Гурьян З.П. Что читает молодёжь Омской области. По материалам межрегионального исследования «Молодёжь Сибири: ориентир на чтение» [Электронный ресурс]. URL: http://oubomsk.ru/Posobiya/MolodezhSibiri/2_2_analiticheskaja_spravka.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

Захарова Е.М. Отношение к книгам и чтению в разных возрастных подгруппах молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–4. С. 158–161.

Костина М.П. Читательские интересы студенческой молодежи и их роль в формировании мировоззрения // Молодой ученый. 2017. № 7. С. 529–531. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/141/39892/> (дата обращения: 05.03.2019).

Кустова М.В. Изучение чтения студентов: опыт факультета документальных коммуникаций и туризма Челябинского государственного института культуры // Четвертый Международный интеллектуальный форум «Чтение на евразийском перекрестке» (Челябинск, 26–27 октября 2017 г.): материалы форума. Челябинск: ЧГИК, 2017. С. 45–48.

Любимые книги: что читают россияне? Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные исследования, посвященного теме чтения (выпуск № 3776, опубликовано 01.10.2018). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wciom.ru/> (дата обращения: 05.03.2019).

Метелкина Ю.С. Исследование читательских практик современных школьников // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2017. № 4. С. 45–54.

Назаров М.М. Изменение медиасреды и современные практики чтения // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 84–95.

Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017. 272 с. О чтении: стр. 155–157. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om14/pdf> (дата обращения: 05.03.2019).

Республиканский опрос Юношеской библиотеки РК «Мир чтения молодежи Республики Коми»: литературные предпочтения нового поколения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vmo.rgub.ru/research/articles/ponomareva.php> (дата обращения: 05.03.2019).

References

Borusjak L.F. (2015) Favourite authors, favourite books: what is read by modern youth. Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii = The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions. No.1. Pp. 90–105. (In Russ.)

Gubanova A.Ju. (2015) Classification of electronic content of the websites for children: sociological analysis. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies. No. 7 (150). Pp. 139–143. (In Russ.)

Gur'jan Z.P. What reads youth of Omsk region. Materialam mezhhregional'nogo issledovaniya «Molodjzoh' Sibiri: orientir na chtenie» [Materials of an interregional research "Youth of Siberia: focus on reading"]. Available at: http://oubomsk.ru/Posobiya/MolodezhSibiri/2_2_analiticheskaja_spravka.pdf (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

Zakharova E.M. (2016) Attitude to books and reading in different age subgroups of youth. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Current issues of the humanities and natural sciences. No. 1–4. Pp. 158–161. (In Russ.)

Kostina M.P. (2017) The reader's interests of student's youth and their role in formation of outlook. Molodoi uchenyi = Young Scientist. No. 7. Pp. 529–531. Available at: <https://moluch.ru/archive/141/39892/> (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

Kustova M.V. Study of reading students: experience of faculty of documentary communications and tourism of Chelyabinsk state institute of culture. Chetvyy Mezhdunarodnyy intellektual'nyy forum «Chtenie na evrazijskom perekrestke» (Cheljabinsk, 26–27 oktjabrja 2017 g.): materialy foruma [The Fourth International Intellectual Forum "Reading at the Eurasian Crossroad"]. Chelyabinsk: ChSCI. 2017. Pp. 45–48. (In Russ.)

Favourite books: what do Russians read? The All-Russian Public Opinion Research Center presents research data on the topic of reading. Available at: <http://www.wciom.ru/> (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

Metelkina Ju.S. (2017) Study of reading practices of modern students. Vestnik MGPU. Serija «Pedagogika i psihologija» = Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology". No. 4. Pp. 45–54. (In Russ.)

Nazarov M.M. 2017. Changes in the media environment and modern reading practices. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies. No. 2. Pp. 84–95. (In Russ.)

Public opinion – 2016. Moscow: Levada-Centr, 2017–272 p. O chtenii: str. 155–157. Available at: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om14/pdf> (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

Republican poll of the RK "World of Reading Youth of the Komi Republic" Youthful library: literary preferences of new generation. Available at: <http://www.vmo.rgub.ru/research/articles/ponomareva.php> (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

Самохина М.М. Чтение молодежи: XXI век (по результатам исследований 2001–2011 гг.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=338 (дата обращения: 05.03.2019).

Сиротюк О.В. Определение роли книги и чтения в современном информационном пространстве // Библиосфера. 2017. № 2. С. 17–22.

ФОМ: Год литературы и чтение. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/12272> (дата обращения: 05.03.2019).

Читательские предпочтения молодежи Саратова. [Электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/620874/sotsiologiya/chitatelskie_predpochteniya_molodezhi_saratova (дата обращения: 05.03.2019).

Читать или не читать? Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные исследования, посвященного теме чтения (Выпуск № 3530, опубликовано 06.12.2017). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wciom.ru/> (дата обращения: 05.03.2019).

Что читают россияне? Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные исследования, посвященного теме чтения (Выпуск № 3765, опубликовано 18.09.2018). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wciom.ru/> (дата обращения: 05.03.2019).

Сведения об авторах

Хакназаров Саид Хамдамович, кандидат геолого-минералогических наук, заведующий отдела социально-экономического развития и мониторинга, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Россия, 628011, Тюменская обл. г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А (ОУИПИИР), e-mail: S_haknaz@mail.ru

Рудаков Владимир Аркадьевич, кандидат педагогических наук, инженер-исследователь отдела социально-экономического развития и мониторинга, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Россия, 628011, Тюменская обл. г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А (ОУИПИИР), e-mail: S_haknaz@mail.ru

Критерии авторства

Хакназаров С.Х. руководил проведением исследования, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Рудаков В.А. провел компьютерную обработку результатов, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Samokhina M.M. Reading youth: XXI century (according to the results of research 2001–2011). Available at: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=338 (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

Syrotiuk O.V. (2017) Determining the role of books and reading in the modern information space. *Bibliosfera = Bibliosphere*. No. 2. Pp. 17–22. (In Russ.)

FOM: Year of literature and reading. Available at: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/12272> (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

Reader's preferences of youth of Saratov. Available at: https://studbooks.net/620874/sotsiologiya/chitatelskie_predpochteniya_molodezhi_saratova (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

To read or not to read? The All-Russian Public Opinion Research Center presents research data on the topic of reading. (Vypusk № 3530, опубликовано 06 December 2017). Available at: <http://www.wciom.ru/> (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

What do Russians read? The All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM) presents research data on the topic of reading. (Vypusk No. 3765, опубликовано 18 September 2018). Available at: <http://www.wciom.ru/> (accessed: 05 March 2019). (In Russ.)

Author's Credentials

Said Kh. Khaknazarov, Cand. Sci. (Geological and mineralogical sciences), Head of Socio-Economic Development and Monitoring Department, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development. 14A Mir St., Khanty-Mansiysk, Tyumen region, 628011, Russia, e-mail: S_haknaz@mail.ru

Vladimir A. Rudakov, Cand. Sci. (Pedagogical sciences), research engineer of Socio-Economic Development and Monitoring Department, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development. 14A Mir St., Khanty-Mansiysk, Tyumen region, 628011, Russia, e-mail: S_haknaz@mail.ru

Criteria for Authorship

Khaknazarov S.Kh. has supervised the study, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Rudakov V.A. has carried out computer processing of results, formalized scientific results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

Authors declare no conflict of interest.

Том 4 № 2
2019

SOCI@COM

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

сетевое издание № 2 2019

Электронный научный журнал зарегистрирован 26.12.2017
(Свидетельство Роскомнадзора о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-72033).

Главный редактор Е.Н. Струк

Редактор Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции:

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

E-mail: sociacom@mail.ru

Тел./факс 8(3952) 405-442

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»